

2014 № 1

MSUPE

PSYCHOLOGY AND LAW

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Проблемы подготовки специалистов по юридической психологии

Будыкин С.В., Жигачев А.С.

Взаимосвязь изучения правовых дисциплин с уровнем правосознания (на примере студентов, изучающих правовые дисциплины)

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Булыгина В.Г., Макушкина О.А., Белякова М.Ю., Котова М.А.

Современные тенденции в использовании психосоциальных вмешательств в зарубежной судебно-психиатрической практике (часть I)

Ювенальная юридическая психология

Чернушевич В.А.

Экспериментальное исследование психоэмоциональных ресурсов народных игр (фольклора)

Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний

Дебольский М.Г.

Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении **осужденных**

Дорошенко И.С.

Опыт работы сотрудников в пенитенциарной системе Швейцарской Конфедерации

Екимова В.И., Кокурина И.В., Кокурин А.В.

Осужденные к пожизненному лишению свободы: социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика, а также особенности психологического сопровождения

Психология девиантного и криминального поведения

Горбатов Д.С.

Проблема преступлений толпы: подход П.Н. Обнинского

Калашникова А.С., Дворянчиков Н.В., Василенко Т.Г.

Обзор исследований по проблеме ингибиторов агрессии (Часть 1)

Методологические проблемы юридической психологии

Калягин Ю.С.

Вопросы правосознания в психологии содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность

Стволыгин К.В.

Журнал «Психология и право»

www.psyandlaw.ru / ISSN-online: 2222-5196 / E-mail: info@psyandlaw.ru 2014, Том 4. № 1.

E-journal «Psychology and law»

www.psyandlaw.ru / ISSN-online: 2222-5196 / E-mail: info@psyandlaw.ru 2014, Vol. 4. no. 1.

Опыт проведения экспертиз пацифистских убеждений объединенным советом религиозных общин и групп в советском государстве

Взаимосвязь изучения правовых дисциплин с уровнем правосознания (на примере студентов, изучающих правовые дисциплины)

Будькин С.В., аспирант факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (BudykinSV@mgppu.ru)

Жигачев А.С., аспирант факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (JigachevAS@mgppu.ru)

Правосознание как совокупность социальных установок к преступлениям и преступникам, наказанию и, главным образом, к закону, правоохранительной, судебной и пенитенциарной системам в наши дни является наиболее актуальной темой. Несмотря на спад преступности в последние годы, уровень правонарушений остается по-прежнему на высоком уровне. Целью исследования стало выявление влияния правовых дисциплин на сформированность правосознания. Проверялись гипотезы, что уровень правового развития у студентов с юридической направленностью выше, чем у студентов без юридической направленности. Выявлено, что правовое самосознание студентов факультета юридической психологии является более сформированным, по сравнению со студентами факультета психологии образования. В частности, такой уровень правосознания, как правотворчество, более выражен у студентов факультета юридической психологии. Также было выдвинуто предположение, что студенты факультета юридической психологии демонстрируют более творческое отношение к праву. Результаты показали, что студенты факультета психологии образования предпочитают занимать активную правовую и гражданскую позицию, а студенты факультета юридической психологии, напротив, относятся к праву как к динамичной системе.

Ключевые слова: правосознание; модели правовой социализации; правовое развитие; ценностные ориентации; юридическая психология.

Изучение проблемы правосознания [2] может позволить выявить отношение общества к законам, а также наказанию, обнаружить, насколько действенны данные категории, выяснить, какие типы ценностей преобладают в настоящее время в обществе и, как следствие, сделать законодательную и исполнительную систему более эффективной.

Правосознание может быть определено [3] как совокупность социальных установок (аттитюдов) к преступлениям и преступникам, закону, наказанию, правоохранительной, судебной и пенитенциарной системам.

Правосознание можно разделить на четыре основных компонента [4]:

- содержательный компонент – как люди представляют и что знают о правовых явлениях;
- оценочный компонент – как они оценивают эти явления;
- поведенческий компонент – как собираются вести себя в правозначащих ситуациях;
- энергетический компонент – какие эмоции при этом испытывают.

Правосознание как система аттитюдов выполняет несколько основных функций:

1) Функция организации знаний основана на стремлении человека к смысловому упорядочиванию окружающего мира. Аттитюды помогают человеку осмыслить действительность, «объясняют» происходящие события или действия других людей. Аттитюд позволяет избежать чувства неопределенности и неясности, задает определенное направление интерпретации событий.

2) Эго-защитная функция: аттитюд способствует разрешению внутриличностных конфликтов, защищает человека от получения неприятной информации о себе и значимых для него социальных объектах.

3) Функция выражения ценностей: аттитюды дают человеку возможность выразить то, что важно для него. Эта функция помогает человеку самоопределиваться, сформировать представление о себе.

4) Инструментальная функция выражает приспособительные тенденции поведения человека, способствует получению им вознаграждения, в том числе одобрения окружающих.

5) Функция влияния на поведение: сформированные аттитюды оказывают влияние на поведение человека.

Правовая социализация в рамках когнитивного подхода может быть определена как «процесс присвоения – то есть прогрессивной ассимиляции и реорганизации субъектом представлений и знаний – элементов правовой системы, регулирующей данное общество» [4]. Сторонники когнитивной модели правовой социализации считают, что она связана с развитием познавательных процессов человека. По их мнению, правовые аттитюды человека развиваются по собственным законам, но, сформировавшись, оказывают влияние на поведение.

К числу когнитивных моделей правовой социализации относится модель правового развития Дж. Тапп Ф. Левина, которая берет свое начало из когнитивных моделей моральной социализации Ж. Пиаже и Л. Колберга.

Существует также бихевиоральный подход в изучении правовой социализации. Его сторонники полагают, что человек усваивает правовые аттитюды так же, как и разные формы поведения: он принимает те из них, за которые получает подкрепление. Источником такого подкрепления являются окружающие человека

люди, которые одобряют его поведение, готовы общаться с ним или, напротив, отторгают его как чужого. Таким образом, правовое развитие определяется не уровнем развития познавательных процессов и собственной активностью человека, а действиями окружающих людей. Одной из моделей, созданной в рамках бихевиорального подхода, является ассоциативная теория дифференцированного подкрепления.

Ж. Пиаже выделил две стадии морального развития человека, основное различие между которыми состоит в ориентации при определении «хорошего-плохого» на чей-либо авторитет или непосредственно на систему моральных норм. Первая стадия была названа им «мораль принуждения», вторая стадия – «мораль кооперации».

Современные сторонники модели морального развития Пиаже утверждают, что люди, находящиеся на разных стадиях морального развития, отличаются друг от друга способом оценки поступков, наносящих ущерб. Они утверждают, что ребенок, находящийся на первой стадии морального развития, оценивает поведение человека по размеру нанесенного им ущерба, тогда как для того, кто находится на второй стадии, важную роль играют намерения деятеля.

Основной недостаток модели Пиаже – неоднородность моральной социализации. В частности, межкультурные исследования, проведенные по методикам этого автора, продемонстрировали относительную обособленность друг от друга таких направлений морального развития, как понимание мотивов и намерений других, независимость от авторитета, способность понять точку зрения другого, понимание цели наказания. Поэтому исследователи Пиаже поставили вопрос о замене термина «стадия» на понятие морального сознания как совокупности отдельных параметров.

На основе теории морального развития Пиаже образовалась достаточно известная модель морального развития Л. Колберга, в основе которой лежат следующие утверждения [1].

1. Доконвенциональный уровень. Человек, находящийся на этом уровне, при определении «моральности» поступка исходит из того, насколько тот или иной поступок удовлетворяет его собственные потребности.
2. Конвенциональный уровень. Человек, находящийся на этом уровне морального развития, понимает необходимость выполнения ряда правил для сохранения целостности общества.
3. Постконвенциональный уровень – самый высокий уровень морального развития. Человек, находящийся на этом уровне, руководствуется уже не собственными интересами и не требованиями социальной группы, к которой он принадлежит, а безличными моральными стандартами.

Колберг связал выделенные им уровни морального развития с уровнями развития интеллекта по Пиаже. По его мнению, не достигнув уровня формальных операций, ребенок не может перейти на конвенциональный уровень морального развития. Однако наличие необходимого уровня развития интеллекта еще не гарантирует перехода на более высокий уровень морального развития. Для того

чтобы этот переход был совершен, необходима стимуляция из внешней среды, в частности, ребенку необходим пример, на который он мог бы равняться.

В свою очередь, К. Гилиган [4] позаимствовала у Колберга трехуровневую структуру морального развития, изменив содержание второго и третьего уровней. Если в основе концепции Колберга лежит ориентация на исполнение правил, то, согласно Гилиган, конечная цель морального развития женщин – умение совмещать принятие ответственности за других людей и собственные потребности. По мнению автора этой модели, различие в направлении морального развития мужчин и женщин основано на различии полоролевых стереотипов, согласно которым основной целью женщины является поддержание хороших отношений между людьми и оказание им помощи. Это приводит к тому, что переходя на новый уровень морального развития, женщина осуществляет выбор не между разными системами норм, а между объектами ответственности. В ходе моральной социализации женщины начинают чувствовать ответственность за других людей и учатся совмещать ее принятие с достижением собственных целей.

Гилиган выделила следующие уровни морального развития у женщин.

1. Первый уровень – ориентация на индивидуальное выживание. Когда женщину спрашивают, что она должна делать, она отвечает, что она должна сделать для себя.

2. Второй уровень морального развития связан с осознанием женщиной блага принесения себя в жертву. Выбирая стратегию поведения, женщина, находящаяся на этом уровне, решает вопрос о том, кому она может нанести ущерб: «Кто падет жертвой того, что я не сделаю аборт? – рассуждает такая женщина. – Ребенок, который будет плохо питаться, родители и мой парень». Таким образом, второй уровень морального развития женщины связан с принятием ею ответственности за других.

3. На третьем уровне женщина осуществляет выбор между ответственностью перед собой и ответственностью перед окружающими. Находясь на этом уровне, она одинаково хорошо представляет себе как свои потребности, так и потребности других людей.

Уровень морального развития по Гилиган так же, как и уровень морального развития по Колбергу, связан с рядом индивидуальных особенностей человека [4].

Следующая модель, которая была предложена в 1970-х годах XX века Тапп и Левиным «Интеракционистская когнитивная модель правового рассуждения», соединила идеи Ж. Пиаже и его последователя Л. Колберга. Из теории Пиаже ими была заимствована идея о фундаментальном значении процессов ассимиляции, аккомодации и равновесия. Целью человеческого развития они считали адаптацию к среде, которая зависит от уровня развития когнитивной системы и познавательных процессов человека. Авторы полагали, что правовые attitudes развиваются по собственным законам относительно независимо от окружающих человека людей.

Тапп и Левин выделяли три уровня правового развития: уровни правопослушания, правоподдержания и правотворчества.

1) Человек, находящийся на уровне правопослушания, считает, что основной функцией законов является предотвращение преступлений путем их запрещения.

2) Человек, проходящий уровень правоподдержания, полагает, что законы необходимы для поддержания структуры общества, частью которого он является.

3) Человек, находящийся на уровне правотворчества, оправдывает свое поведение системой моральных норм, соотнося их с существующими законами.

Целью закона он считает достижение общего блага. Его интересуют не сами законы, а общие принципы, лежащие в основе правовой системы.

Структуру правосознания образуют три компонента: когнитивный (правовые представления, знания, оценка правовых явлений), аффективный (эмоциональное отношение к правовым явлениям) и поведенческий (намерение вести себя определенным образом в правовых ситуациях). Все три компонента связаны с ценностными ориентациями личности, а они в свою очередь являются составными частями более широкого синтетического понятия направленности личности, которая содержит в себе доминирующие ценностные ориентации и установки, проявляющиеся в любой ситуации. На основании этого мы можем предположить, что в зависимости от ведущих ценностей личности будут меняться и установки и, как следствие, уровень правового развития, поэтому важно рассмотреть их в данной работе.

Наше исследование было посвящено изучению уровня правового самосознания у студентов факультета юридической психологии, а также влияния правовых дисциплин на его сформированность. Объектом исследования является правовое самосознание студентов факультета юридической психологии. Предмет исследования – уровень правового развития и ценностные ориентации студентов, обучающихся на факультете с правовым направлением. Целью исследования является выявление нового знания в психологии о влиянии юридических дисциплин на сформированность правового самосознания.

Гипотезы исследования

1. Уровень правового развития у студентов с юридической направленностью выше, чем у студентов без юридической направленности.

2. Студенты факультета юридической психологии демонстрируют более творческое отношение к праву.

В экспериментальную группу были включены 12 студентов, обучающихся на факультете юридической психологии, в контрольную группу – 18 студентов, обучающихся на факультете психологии образования. Средний возраст испытуемых 21 год. В исследовании были задействованы как девушки, так и юноши.

В исследовании использовались методики:

1. Сокращенная версия опросника Дж. Тапп и Ф. Левина.

Развернутая версия методики использовалась Тапп и Левиным при создании своей модели правового развития. Ее использование обосновано в первую очередь

краткостью (сокращенная версия опросника включает в себя четыре вопроса) и при этом информативностью, что удобно для предъявления именно студенческой выборке. Испытуемые отвечали на вопросы, касающиеся закона и его соблюдения. На основании ответов по модели Тапп и Левина, каждого испытуемого можно было отнести к одному из уровней развития правосознания.

2. Методика для изучения ценностей личности Ш. Шварца [5]. Методика даёт количественное выражение значимости каждого из десяти мотивационных типов ценностей на двух уровнях:

- на уровне нормативных идеалов и
- на уровне индивидуальных приоритетов.

Это дает нам возможность оценить, не только как личность считает правильным поступать (на уровне нормативных идеалов), но и каким образом реализует свои нормативные идеалы в своем поведении.

Полученные данные были проанализированы с помощью статистической программы Statistica 6.0. с применением метода корреляционного анализа [6].

Анализ взаимосвязей между ценностями и уровнями правового развития дал следующие результаты. Такой уровень правового развития, как правоподдержание, находит отрицательную корреляцию с правотворчеством ($p = -0,84$). Соответственно человек не сможет перейти на качественно иной уровень правового развития, пока он основывается на том, что законы необходимы для поддержания структуры общества, частью которого он является.

Правопослушание имеет значимые положительные корреляционные взаимосвязи с индивидуальной ценностью стимуляции ($p = 0,36$). Это может быть отражением убеждения законопослушного гражданина в том, что только при соблюдении законов возможно индивидуальное развитие и познание нового в обществе. Студенты считают, что при несоблюдении законов блокируются возможности для развития личности. Возможно, это пассивное соблюдение правил и законов, продиктованное опасениями потерять те или иные возможности в жизни. Других значимых взаимосвязей с рассматриваемыми ценностями не обнаружено.

Показатель по шкале правоподдержание имеет значимую положительную взаимосвязь с нормативной ценностью самостоятельности ($p = 0,36$). Так как самостоятельность как ценность производна от потребности в самоконтроле и саморегуляции, а также потребности в автономности и независимости, можно говорить, что установка на правоподдержание и деятельность субъекта в этом ключе являются одной из форм проявления его активности и самостоятельности. Если человек стремится быть автономным, независимым и управлять собственной жизнью, то будет также стремиться вносить посильный деятельный вклад в поддержание правопорядка и осознанно действовать в соответствии с этими правилами. В этой взаимосвязи находит отражение активная гражданская позиция и установка на то, что свои права надо активно защищать. Однако это касается больше мировоззренческого уровня, а не конкретного поведения.

Это предположение подтверждается наличием значимой отрицательной корреляционной взаимосвязи установки на правоподдержание с нормативной ценностью безопасности ($p = -0,54$). Это показывает, что правоподдержание в понимании студентов является активной деятельностью порой в ущерб собственным интересам и личной безопасности. Это также подтверждает предположение, что установка на правоподдержание является проявлением активности личности и активной гражданской позиции.

Показатель, отражающий выраженность установки на правотворчество, имеет значимую положительную взаимосвязь с нормативной ценностью безопасности ($p = 0,46$). Ценности безопасности выражают такие цели, как социальный порядок, безопасность семьи, национальная безопасность, взаимное расположение, взаимопомощь, чистота, чувство принадлежности и здоровье. Следовательно, установка на правотворчество соотносится со стремлением усовершенствовать существующие социальные нормы для повышения ощущения безопасности.

Кроме того, правотворчество имеет значимую отрицательную корреляционную связь с индивидуальной ценностью стимуляции ($p = -0,42$). Так как этот тип ценностей является производным от потребности в разнообразии и глубоких переживаниях, необходимых для поддержания оптимального уровня активности, такая взаимосвязь может отражать убеждение, что создание новых правил и законов неизбежно ограничит разнообразие опыта и переживаний, в частности, связанных с асоциальными видами активности.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующие ВЫВОДЫ.

1. Правопослушание, правоподдержание и правотворчество являются разными уровнями правосознания личности и связаны с различными ценностями.

2. Различные уровни правосознания связаны с разным уровнем активности личной и гражданской позиции человека, (минимальная – при преобладании правопослушания, максимальная – при доминировании установки на правотворчество).

3. Правопослушание рассматривается как условие развития личности и является проявлением стремления к безопасности и развитию, правоподдержание – как проявление активной жизненной позиции личности порой в ущерб собственной безопасности, правотворчество – проявлением стремления к безопасности на качественно новом уровне, не путем избегания противоправных действий, а путем совершенствования законов и норм.

4. Полученные значимые корреляционные взаимосвязи между уровнями правосознания и ценностями отражают глубинные, не всегда осознаваемые и вербализуемые, представления о причинно-следственных взаимосвязях между правом и другими значимыми сторонами жизни, имеющиеся у студентов.

5. Уровень правосознания и гражданская позиция личности развиваются в процессе получения специального образования и юридических знаний.

6. В структуре правосознания студентов обоих факультетов доминирует правоподдержание при меньшей выраженности правопослушания и правотворчества.

7. Правовое самосознание студентов факультета юридической психологии является более сформированным, по сравнению со студентами факультета психологии образования. В частности, такой уровень правосознания, как правотворчество, более выражен у студентов факультета юридической психологии. Уровень правопослушания одинаково слабо выражен у студентов обоих факультетов, а уровень правоподдержания более выражен у студентов факультета психологии образования.

8. Студенты факультета психологии образования предпочитают занимать активную правовую и гражданскую позицию, а студенты факультета юридической психологии демонстрируют более творческое отношение к праву как к динамичной системе, в то время как студенты факультета психологии образования чаще относятся к нему как к данности.

Таким образом, выдвинутые гипотезы можно считать доказанными. Результаты исследования показали, что студенты факультета психологии образования предпочитают занимать активную правовую и гражданскую позицию, а студенты факультета юридической психологии демонстрируют более творческое отношение к праву как к динамичной системе, в то время как студенты факультета психологии образования чаще относятся к нему как к данности.

Следовательно, студенты, обучающиеся на факультетах с правовым направлением, наиболее предрасположены к переходу на высший уровень правосознания.

Литература

1. *Анцыферова Л.И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
2. *Бурлачук Л.Ф.* Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 2008. 688 с.
3. *Гулевич О.А., Голынчик Е.О.* Правосознание и правовая социализация. М.: Международное общество им. Л.С. Выготского, 2003. 270 с.
4. *Гулевич О.А.* Психологические аспекты юриспруденции. М.: Московский психолого-социальный институт, 2009. 512 с.
5. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности. СПб.: Речь, 2004. 72 с.
6. *Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2003. 350 с.

Interaction of the legal disciplines studies with the level of legal awareness (on example of students of legal disciplines)

Budykin S.V., Postgraduate Student, Department of Law Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (BudykinSV@mgppu.ru)

Zhigachev A.S., Postgraduate Student, Department of Law Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (JigachevAS@mgppu.ru)

The legal awareness as a set of social attitudes to crime and criminals, punish and mainly to the law, law enforcement, judicial and penal systems today is the most relevant topic. Despite the decline in crime in recent years, the level of crime is still at a high level.

The aim of this study was to investigate the influence of the legal disciplines on maturity of legal awareness. We tested the hypotheses that the level of legal development in law-oriented students is higher than that of other students. We revealed that in legal psychology students, legal awareness is more formed than in the students of educational psychology. In particular, such a level of legal awareness as law-making, is more pronounced in students of legal psychology. We also suggested that students of legal psychology demonstrate a creative approach to the law. The results showed that students of educational psychology prefer to take a proactive legal and civic position, and students of legal psychology treat the law as a dynamic system.

The study involved 30 students, whose average age was 21 years. The techniques used were focused on the level of legal awareness, as well as on the value orientation.

The study revealed that students studying in the law-oriented departments, are more predisposed to move to a higher level of legal awareness.

Keywords: legal awareness; model of legal socialization; legal development; value orientation; legal psychology.

References

1. *Ancyferova L.I.* Svjaz' moral'nogo soznaniya s nravstvennym povedeniem cheloveka // Psihologicheskij zhurnal. 1999. T. 20. № 3. S. 5–17.
2. *Burlachuk L.F.* Slovar'-spravochnik po psihodiagnostike. SPb.: Piter, 2008. 688 s.

3. *Gulevich O.A., Golynchik E.O.* Pravosoznanie i pravovaja socializacija. M.: Mezhdunarodnoe obshhestvo im. L.S. Vygotskogo, 2003. 270 s.
4. *Gulevich O.A.* Psihologicheskie aspekty jurisprudencii. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, 2009. 512 s.
5. *Karandashev V.N.* Metodika Shvarca dlja izuchenija cennostej lichnosti. Spb.: Rech', 2004. 72 s.
6. *Sidorenko E.V.* Metody matematicheskoj obrabotki v psihologii. Spb.: Rech', 2003. 350 s.

Современные тенденции в использовании психосоциальных вмешательств в зарубежной судебно-психиатрической практике (часть I)

Булыгина В.Г., кандидат психологических наук, руководитель лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздрава России (ver210@yandex.ru)

Макушкина О.А., доктор медицинских наук, руководитель отдела судебно-психиатрической профилактики ФГБУ "ГНЦ ССП им В.П. Сербского" (makushkina@serbsky.ru)

Белякова М.Ю., младший научный сотрудник Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ "ГНЦ ССП им В.П. Сербского" (burjew@mail.ru)

Котова М.А., руководитель Департамента психологии ФКУ "Орловская психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением" МЗ РФ (kotov@yandex.ru)

В статье рассматривается современная парадигма реабилитации психически больных. Описываются специфические особенности и факторы эффективности психосоциальных вмешательств, применяемых на принудительном лечении. Освещаются основные стратегии психосоциальных вмешательств, используемые в зарубежной судебно-психиатрической практике.

Ключевые слова: принудительное лечение; реабилитация психически больных; психосоциальные вмешательства; приверженность лечению; психообразование; комплайнс-терапия; тренинги.

Парадигма реабилитации психически больных

Исторически психиатрические службы были ориентированы на биомедицинскую модель, обуславливающую принятие клинических решений в отношении больных. В связи с этим пациент-центрированный подход не был приоритетным. В последнее время общепризнанным стало понимание, что только интегративные и полипрофессиональные подходы позволяют достичь более высокого качества и эффективности психиатрической помощи [2; 5; 11; 17; 33].

Основные концепции психиатрической помощи в 1990-е годы не учитывали представления и мнения пользователей о системе оказываемой им помощи [8; 14]. В современной парадигме процесса восстановления акцент делают не на то, как функционирует система внебольничной поддержки, а на условия жизни пациентов и их социального функционирования. Ряд авторов подчеркивают, что условия жизни включают содержание повседневной жизни пациента, в том числе и в период его пребывания в психиатрической больнице [12].

Относительно новой является *концепция функционально ориентированной реабилитации*, главный объект которой – функционирование и обстоятельства, на которые пациент отвечает функционированием. В таком понимании реабилитация направлена на то, чтобы пациент сам добивался улучшения своего статуса. Более того, высказывается мнение, что цели и методы реабилитации, позволяющие достичь успеха, определяются главным образом консенсусом между пациентами, членами их семей и профессионалами в области психического здоровья [34].

В судебной психиатрии мощный толчок для изменения парадигмы реабилитации был обусловлен реорганизацией служб и появлением большого количества стационаров с меньшим коечным фондом – аналогов отделений специализированного типа в психиатрических больницах. Рассредоточение судебно-психиатрических пациентов вскоре показало, что обучение персонала использованию узкоспециализированных программ приводит к неэффективному распределению трудовых и финансовых ресурсов [37; 40].

Специфика психосоциальных вмешательств во время принудительного лечения (ПЛ)

Следует отметить, что психосоциальная терапия и психосоциальная реабилитация в психиатрических стационарах отличаются от таковых в общепсихиатрической практике, где акцент делается главным образом на облегчении симптомов и повышение уровня независимого функционирования.

Специфика реабилитационных мероприятий в условиях принудительного лечения определяется, помимо клиничко-психопатологических и социально-психологических особенностей больных, рядом других факторов. Наиболее значимы из них: большой удельный вес больных, резистентных к терапии; достаточная представленность экзогенных факторов в анамнезе пациентов; госпитализм разной степени выраженности; пребывание в одном отделении психически больных с различными асоциальными формами поведения, с длительной криминальной историей; социальная дезадаптация и дефицит социальных навыков; преобладание психопатоподобных симптоматик в картине заболевания; наличие зависимости от ПАВ у подавляющего большинства пациентов; отсутствие приверженности лечению; наличие лиц с неоднократными суицидальными попытками в прошлом. Немаловажным фактором, требующим учета при реабилитации, является длительность принудительного лечения, которая значительно превышает курс терапии, необходимый для достижения собственно клинического эффекта.

Кроме того, дифференцированные лечебно-реабилитационные программы в судебно-психиатрической практике должны включать в себя применение помимо традиционных методов терапии и реабилитации специальных мероприятий, в том

числе психотерапевтических, направленных на устранение или компенсацию наиболее существенных звеньев индивидуального психопатологического механизма общественно опасного поведения [3].

Процесс проведения стационарного ПЛ, предполагающий длительную изоляцию, может служить источником социальной депривации и госпитализма, проявляющегося, в частности, такими изменениями, как утрата интересов и инициативы, «обезличенность», зависимость от окружающих, апатия, отсутствие планов на будущее, использование пребывания на ПЛ в качестве вторичной выгоды. Психогенным моментом, оказывающим влияние на состояние больных на этапе стабилизации достигнутого эффекта, являются переживания неопределенности в плане длительности лечения, которые могут сопровождаться тревогой, напряжением и депрессивными расстройствами [6; 18; 19].

Помимо этого, при осуществлении ПЛ необходим постоянный контроль за поведением такой категории пациентов. В тех случаях когда клинические симптомы находятся на субпороговом уровне или отсутствуют, приходится иметь дело с индивидуальными и ситуативными факторами, которые могут приводить к различным нарушениям режимных требований отделения и насилию. При этом антипсихотическая терапия, включая атипичные нейролептики, не столь важна. Большее значение имеют поведенческие, познавательные и психообразовательные методы, направленные на обучение пациентов самоконтролю [19; 27; 33].

Безусловно, вышеуказанные указанные факторы представляют серьезные препятствия для реализации в стационарах, осуществляющих принудительное лечение, пациент-центрированных стратегий [18; 33].

Некоторые из приведенных принципов (например, добровольность и осознанность) казалось бы, противоречат наиболее существенной особенности мер медицинского характера, заключающейся в их принудительности [7; 31; 32].

Были проведены исследования восприятия пациент-центрированной стратегии реабилитации во время ПЛ самими пациентами и специалистами. Особое внимание уделялось уровню надзора и временным интервалам между оказанием медицинских услуг. И пациенты, и специалисты достаточно высоко оценили уровень восстановительных (реабилитационных) мероприятий, социально-психологический климат в стационаре, степень удовлетворения терапевтических потребностей пациентов, атмосферу взаимной поддержки. Причем рейтинги в отношении уверенности в успешном восстановлении, а также ориентированность лечебно-реабилитационных мероприятий на поддержание и увеличение личностной автономности были более высокими у пациентов, чем у персонала [13; 16; 27].

Выявленные факты заслуживают внимания, прежде всего в организационном аспекте – персонал больниц оценивает профессиональную среду как потенциально опасную, что может обуславливать большую сосредоточенность специалистов на ограничительных процедурах, стратегиях оценки риска насилия и его снижения, нежели на формировании партнерских отношений с пациентами [9; 24; 35]. Из этого следует, что только полная оценка риска насилия и проблем пациента позволяет идентифицировать психологические потребности и любые другие факторы,

которые определяют способность пациента эффективно откликаться на лечение и реабилитацию [2; 20; 21].

Обращаясь к проведенным сравнительным исследованиям эффективности различных психосоциальных вмешательств в отношении судебно-психиатрических пациентов, следует сказать, что еще не было выявлено различий в эффективности моделей психосоциального лечения, акцентированных на редукации психопатологической симптоматики, и программ, нацеленных на лечение зависимости от ПАВ, от тех, которые были фокусированы на социальных аспектах, являющихся универсальными факторами риска совершения повторных ООД (нетрудоустроенность и бездомность).

Недавние исследования результативности различных видов вмешательств показали, что стандартные познавательные и поведенческие подходы имеют много ограничений и малую эффективность в отношении судебно-психиатрических пациентов [39].

Виды психосоциальных вмешательств, используемых в судебно-психиатрической практике

В зарубежной практике принудительного лечения *психообразование* представлено как один из важных подходов к обучению и психосоциальному лечению и считается едва ли не самой значимой частью всех реабилитационных мероприятий.

Психообразовательные программы ставят перед собой следующие задачи:

- образование, когда пациент получает информацию о психическом заболевании, чтобы правильное понимание своего состояния вело к своевременному распознаванию и контролю отдельных болезненных проявлений и симптомов, и в первую очередь – сдерживанию гнева;
- психосоциальная поддержка, когда группа других больных является источником поддержки, в которой пациенты могут в безопасных условиях вырабатывать адекватные поведенческие и коммуникативные навыки совладения со сложными ситуациями [2; 4; 38].

Все программы по *формированию приверженности лечению* также можно отнести к психообразовательным методам. Формирование комплаентных отношений с медперсоналом и поддержание стойкой приверженности лечению как во время ПЛ, так и после его отмены критически важно для снижения риска внутрибольничной агрессии, и профилактики совершения больными повторных ООД. Многие авторы [15] разрабатывали и предлагали множество стратегий, компонентами которых были психиатрическое просвещение и методы бихевиоральной терапии, направленные на повышение готовности пациентов лечиться. Однако эти методы имели ограниченную эффективность. В связи с этим с 1990-х годов приоритетной и самостоятельной формой работы психолога стало *мотивационное интервьюирование*.

Новый вид вмешательств, названный *комплаенс-терапия*, продемонстрировал преимущество перед методом психологического

консультирования в отношении больных, поступивших на лечение, в том числе в психотическом состоянии. Значительное улучшение таких показателей, как отношение к лечению, критическая оценка своего заболевания, а также готовность лечиться достигалась после 6–7 сеансов и сохранялась спустя 6 месяцев после выписки.

В качестве примера психообразовательных программ в отношении психически больных правонарушителей можно привести *программу «Совладание с психической болезнью»*, созданную в 1996 г. в Шотландии. Она не рекомендуется в качестве моноинтервенции. Программа включает 3 модуля. Первый модуль – «основы», состоит из 10 сессий, направленных на введение в программу, понимание психического заболевания и расстройств личности, выявление причин болезни, проблем с настроением, обстоятельств, приведших к совершению ООД. Второй модуль – «правовые аспекты», включает такие темы, как измерение риска насилия и управление факторами риска совершения повторных ООД; правовые вопросы, связанные с госпитализацией, изменением формы ПЛ или его отменой. Третий модуль «навыки совладания и восстановление» посвящен умению существовать в переполненном отделении в стационаре; умение противостоять манипулированию со стороны неформальных лидеров, информирование об особенностях болезни и лечения, рецидивах и предвестниках клинических обострений; проблемно-решающее поведение; трудности, связанные с межличностными взаимоотношениями.

Тренинговая работа во время проведения ПЛ

Большинство тренинговых программ призваны сформировать навыки уверенного просоциального поведения, эмоционального регулирования, а также обучить пациентов использовать социально приемлемые способы решения задач.

В зарубежной практике наиболее рекомендуемым для работы во время ПЛ является *поведенческий тренинг*. Этот вид тренинга направлен на обучение приспособительным умениям, необходимым при столкновении со сложными жизненными ситуациями. Он является скорее запрограммированным курсом обучения, чем серией обычных психотерапевтических занятий [1].

В коррекционных службах, работающих с осужденными, в 1990-е годы получило широкое распространение применение *когнитивно-поведенческих методов в рамках тренинговой работы* [10; 22]. Эти программы обычно создавались для лиц с особыми расстройствами поведения, например, сексуальное насилие, домашнее насилие, зависимость от ПАВ. Активное распространение подобных тренинговых программ и обучение специалистов было оправданным на тот момент, поскольку в стационарах и в местах лишения свободы было сконцентрировано большое число лиц, имеющих схожие проблемы. Кроме того, преимуществом таких тренингов было то, что их ведению можно было обучить персонал, не обладающий в полном объеме умениями и знаниями о психологических моделях или методах психотерапии, но который мог быть обучен тому, чтобы строго придерживаться предписанных протоколов ведения когнитивно-поведенческих программ.

Несмотря на экономическую привлекательность указанного выше внедренческого подхода, его результаты в частности в Шотландии и Англии

оказались неутешительными. И справедливой была критика того, что один формат интервенций не может «соответствует всему» подходу, особенно в отношении психически больных лиц. Ведь именно в отношении таких пациентов на первый план выступают задачи использования интегративного подхода и индивидуализации реабилитационных программ с учетом полного спектра потребностей человека, а не работа с дискретными поведенческими проблемами.

Как уже упоминалось ранее, реорганизация в 90-х годах судебно-психиатрических служб и понимание очевидной экономической неоправданности использования узкоспециализированных программ обусловило принятие решения в пользу внедрения реабилитационных программ, которые обращены к общим основным проблемам больных, как то: дефицитам социального интеллекта, несформированности навыков социально-приемлемого решения проблем, неспособности к эмоционально-волевому контролю [41; 42].

Среди психосоциальных вмешательств, ориентированных в первую очередь на *клиническую составляющую* в ресоциализации пациентов, имеющих криминальный анамнез, следует выделить *Программу фокусированной терапии* (Schema Focused Therapy (SFT)). В ней внимание акцентируется на том, что пациенты с негативно-личностными расстройствами, совершившие ООД, имеют ещё и специфические проблемы в аффективной сфере. В модели SFT эти проблемы оцениваются как закреплённые в раннем возрасте когнитивные схемы реагирования. SFT может быть более эффективным методом лечения по нескольким причинам. Во-первых, в пределах данной теоретической модели пациент и врач могут лучше понять значение провоцирующих агрессию событий, связывая их с проблемами раннего возраста, и вследствие этого сформировавшихся дезадаптивных форм поведения. Во-вторых, SFT утверждает, что терапевтические отношения – основное средство позитивных изменений у больных с выраженными расстройствами личности при проработке детского опыта, который, как правило, является негативным. Основное отличие при обучении данному подходу специалистов состоит в том, что терапевты приобретают опыт, начиная работать с пациентами, совершившими менее тяжкие правонарушения, а потом уже переходят на более «сложных» пациентов.

Таким образом, в настоящее время не вызывает возражения положение о том, что не только хронически протекающие психические расстройства пациента оказывают постоянное влияние на его социальное окружение, но и динамика психических расстройств зависит от окружения и качества социальных отношений.

Произошло изменение приоритетов в лечении и реабилитации на поддержание здоровья, что диктует выработку консенсуса во взглядах на стратегии профилактики, ориентированные на обстоятельства жизни и особенности поведения больного [30].

Более того, результаты исследований подтвердили, что задачи судебно-психиатрической профилактики и парадигмы восстановления весьма совместимы, несмотря на их априорные противоречия (принудительный характер медицинских мер и принцип добровольности в психосоциальной реабилитации) [20; 28; 29].

Литература

1. Булыгина В.Г., Мирошниченко Е.М., Шанова А.Ю., Карпова Д.А. Модели тренингов с психически больными, совершившими ООД (зарубежный опыт): Аналитический обзор.– М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2010. – 39 с.
2. Гурович И.Я., Шмуклер А.Б., Сторожакова Я.А. Психосоциальная терапия и психосоциальная реабилитация в психиатрии. – М.: Медпрактика, 2004. – 492 с.
3. Котов В.П., Мальцева М.М., Булыгина В.Г., Каганович Ю.Т. Работа психолога в психиатрическом стационаре для принудительного лечения// РПЖ. – 2005. – № 1. – С. 29–33.
4. Обучение тяжело психически больных: модули программы по социальным навыкам и навыкам самообслуживания: [пер. с англ.] // Шизофрения. Изучение спектра психозов /Р.П. Либерман, Ч. Дж. Уэллэйс, Г. Блэквелл и др. / под ред. Р. Дж. Энцилла, С. Холлидея, Дж. Хигенботтэма. – М.: Медицина, 2001. – С. 51–64.
5. Развитие служб психического здоровья / под ред. Б. А. Казаковцева: ГЭОТАР-Медиа-М, 2009. 672 с.
6. Стяжкин В.Д., Тарасевич Л.А. Психосоциальная реабилитация больных шизофренией, находящихся на принудительном лечении // Материалы российской конференции (Современные тенденции организации психиатрической помощи). – М., 2004. – С. 425–428.
7. *Adshead G., Sarkar S.P.* Justice and welfare: Two ethical paradigms in forensic psychiatry. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry.* – 2005. – Vol. 39.– P. 1011–1017.
8. *Anthony W. A.* The Veterans Administration, the military, psychiatric rehabilitation, and me. *Psychiatric Rehabilitation Journal.* – 2010. – Vol. 33(4). – P. 259.
9. *Becker T., Vazquez-Barquero J.L.* The European Perspective of Psychiatric Reform // *Ibidem.* – Vol. 104. – S. 410. – P. 8–14.
10. *Birchwood M., Iqbal Z., Jackson C., Hardy K.* Cognitive therapy and emotional dysfunction in early psychosis// *Psychological interventions in early psychosis: a treatment handbook.* – 2004. – P. 209–228.
11. *Borrell-Carrio F., Suchman A.L., Epstein R.M.* The biopsychosocial model 25 years later: Principles, practice, and scientific inquiry. *Annals of Family Medicine.* 2004. – P. 576–582.

-
12. *Carling P.J.* Supports and rehabilitation for housing and community living. In: Spaniol L., ed. An introduction to psychiatric rehabilitation. Columbia, MD: IAPSRs. – 1994. – P. 45–52.
  13. *Coffey M.* Researching service user views in forensic mental health: A literature review. *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. 2006. – Vol. 17(1).– P. 73–107.
  14. *Corrigan P.W., Roe D., Tsang H.W.* Challenging the stigma of mental illness: Lessons for therapists and advocates. Malden, MA: John Wiley & Sons; 2011.
  15. *Cramer J.A., Roy A., Burrell A. et al* // Medication compliance and persistence: terminology and definitions// *Value Health*. – 2008. – Vol. 11. – P. 44–47.
  16. *Evin C.* Improving the Response to Mental Health Needs in Europe Memorandum // Council of Europe. Parliamentary Assembly. - Restricted AS/Soc. (2004). – Vol. 23. 1st October 2004.
  17. *Ghaemi S.G.* Paradigms of psychiatry: Eclecticism and its discontents. *Current Opinion in Psychiatry*. 2006. – Vol. 19.– P. 619–624.
  18. *Green T., Batson A., Gudjonsson G.* The development and initial validation of a service-user led measure for recovery of mentally disordered offenders. *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. 2011. – Vol. 22. – P. 252–265.
  19. *Gudjonsson G.H., Webster G., Green T.* The recovery approach to care in psychiatric services: Staff attitudes before and after training. *The Psychiatrist*. 2010. – Vol. 34. – P. 326–329.
  20. *Hillbrand M., Young J.* Instilling hope into forensic treatment: The antidote to despair and desperation. *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2008. –Vol. 36(1). – P. 90–94.
  21. *Hillbrand M., Young J.L., Griffith E.E.H.* Managing risk and recovery: Redefining miscibility of oil and water. *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2010. – Vol. 38. – P. 452–456.
  22. *Hodel B., West A.* Cognitive training for mentally ill offenders with treatment-resistant schizophrenia. 2008.
  23. *Hollander R., Pieterse F., Weijts W. (Eds.)*. Prison mental health and penitentiary psychiatry. *Global Initiative on Psychiatry*. 2010. –Vol. 235.
  24. *Jacob J.D., Gagnon M., Holmes D.* Nursing so-called monsters: On the importance of abjection and fear in forensic psychiatric nursing. *Journal of Forensic Nursing*. 2009. – Vol. 5. – P. 153–161.

-
25. *Kapoor R., Dike C., Burns C., Carvalho V., Griffith E.E.H.* Cultural Competence in Correctional Mental Health. *Int J Law Mental Health*. –2013. V. 36 (3–4). – P. 273–280.
  26. *Livingston J.D., Rossiter K.R.* Stigma as perceived and experienced by people with mental illness who receive compulsory community treatment: A qualitative study. *Stigma Research & Action*. 2011. – Vol. 1. – P. 1–8.
  27. *Livingston J.D., Rossiter K.R., Verdun-Jones S.N.* 'Forensic' labelling: An empirical assessment of its effects on self-stigma for people with severe mental illness. *Psychiatry Research*. 2011. – Vol. 188(1). – P. 115–122.
  28. *Lucas R.* *Advances in Psychiatric Treatment*. – 2006. – Vol. 12. – P. 265–267.
  29. *Mace C., Binyon S.* *Advances in Psychiatric Treatment*. – 2006. –Vol. 12. – P. 92–99.
  30. *Malla A., Payne J.* First-episode psychosis: psychopathology, quality of life, and functional outcome.// *Schizophr Bull*. – 2005. –Vol. 31 (3). – P. 650–671.
  31. *Mezey G.C., Kavuma M., Turton P., Demetriou A., Wright C.* Perceptions, experiences and meanings of recovery in forensic psychiatric patients. *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. 2010. – Vol. 21. – P. 683–696.
  32. *O'Brien A., White S., Fahmy R., Singh S.P.* The development and validation of the SOLES, a new scale measuring engagement with mental health services in people with psychosis. *Journal of Mental Health*. 2009. – Vol. 18. – P. 510–522.
  33. *Pouncey C., Lukens J.* Madness versus badness: The ethical tension between the recovery movement and forensic psychiatry. *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2010. – Vol. 31. – P. 93–105.
  34. *Sartorius N.* Every Family in the Land. Understanding prejudice and discrimination against people with mental illness. *The Royal Society of Medicine*. – 2001. – P. 412–414.
  35. *Schalast N., Redies M., Collins M., Stacey J., Howells K.* EssenCES, a short questionnaire for assessing the social climate of forensic psychiatric wards. *Criminal Behaviour and Mental Health*. 2008. – Vol. 18(1). – P. 49–58.
  36. *Schwarz N.* Situated Cognition and the Wisdom of Feelings: Cognitive. – University of Michigan. – Manuscript of a chapter in L. Feldman Barrett & P. Salovey (eds.).– New York, Guilford Press.– 2002. –P. 144–166.
  37. *Simpson A.I.F., Penney S.R.* The recovery paradigm in forensic mental health services. *Criminal Behaviour and Mental Health*. 2011. – Vol. 21. – P. 299–306.

38. *Thornicroft G., Tansella M.* Components of a Modern Mental Health Service: A Pragmatic Balance of Community and Hospital Care. Overview of Systematic Evidence // *British Journal of Psychiatry.* – 2004. – Vol. 185. – P. 283–290.
39. *Timmerman I.G.H., & Emmelkamp P.M.G.* The effects of cognitive-behavioural treatment for forensic inpatients. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology.* – 2005. – Vol. 49. – P. 590–606.
40. *Tomov T.* Mental Health Reforms in Eastern Europe // *Acta Psychiatr. Scand.* – 2001. – Vol. 104. – S. 410. – P. 21–26.
41. *Wallace C.J., Lecomte T., Wilde J.* CASIG: a consumer-centered assessment for planning individualized treatment and evaluating program outcomes. *Schizophrenia Research.* – 2001. – Vol. 50. – P. 105–119.
42. *Warner R.* Does the scientific evidence support the recovery model? *The Psychiatrist.* 2010. – Vol. 34(1). – P. 3–5.

Recent trends in the use of psychosocial interventions in foreign forensic psychiatric practice (Part I)

Bulygina V.G., PhD in psychology, head of laboratory of psychological problems of judicial psychiatric preventive treatment, State scientific center for social and forensic psychiatry named after V.P.Serbkiy, Ministry of healthcare and social development (ver210@yandex.ru)

Makushkina O.A., MD, Head of forensic psychiatric prevention, State scientific center for social and forensic psychiatry named after V.P.Serbkiy, Ministry of healthcare and social development (makushkina@serbsky.ru)

Belyakova M.Yu., junior researcher, laboratory of psychological problems of judicial psychiatric preventive treatment, State scientific center for social and forensic psychiatry named after V.P.Serbkiy, Ministry of healthcare and social development (burjew@mail.ru)

Kotova M.A., Head of the Department of Psychology PKU "Oryol psychiatric hospital specialized type with intensive supervision" (kotov@yandex.ru)

This article examines contemporary paradigm of rehabilitation of the mentally ill persons. We describe the specific features and efficiency factors of psychosocial interventions used in compulsory treatment. We highlight the key strategies of psychosocial interventions used in foreign forensic psychiatric practice.

Keywords: involuntary treatment; rehabilitation of the mentally ill persons; psychosocial interventions; adherence to treatment; psychological education; compliance therapy; trainings.

References

1. *Bulygina V.G., Miroshnichenko E.M., Shanova A.Ju., Karpova D.A.* Modeli treningov s psihicheski bol'nymi, sovershivshimi OOD (zarubezhnyj opyt): Analiticheskij obzor.- M.: FGU «GNC SSP Roszdrava», 2010. – 39 s.
2. *Gurovich I.Ja., Shmukler A.B., Storozhakova Ja.A.* Psihosocial'naja terapija i psihosocial'naja rehabilitacija v psihiatrii. – M.: Medpraktika, 2004. – 492 s.
3. *Kotov V.P., Mal'ceva M.M., Bulygina V.G., Kaganovich Ju.T.* Rabota psihologa v psihiatricheskom stacionare dljaprinuditel'nogo lechenija// RPZh. – 2005. – № 1. – S. 29–33.

4. Obuchenie tjazhelo psihicheski bol'nyh: moduli programmy po social'nym navykam i navykam samoobslužhivaniya: [per. s angl.] // Shizofrenija. Izuchenie spektra psihozov /R.P. Liberman, Ch. Dzh. Ujelljejs, G. Bljekvell i dr. / pod red. R. Dzh. Jensilla, S. Hollideja, Dzh. Higenbottjema. – M.: Medicina, 2001. – S. 51–64.
5. Razvitie sluzhb psihicheskogo zdorov'ja / pod red. B. A. Kazakovceva: GJeOTAR-Media-M, 2009. 672 s.
6. *Stjazhkin V.D., Tarasevich L.A.* Psihosocial'naja rehabilitacija bol'nyh shizofreniej, nahodjashhihsja na prinuditel'nom lechenii // Materialy rossijskoj konferencii (Sovremennye tendencii organizacii psihiatricheskoy pomoshhi). – M., 2004. – S. 425–428.
7. *Adshead G., Sarkar S.P.* Justice and welfare: Two ethical paradigms in forensic psychiatry. Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. – 2005. – Vol. 39.– P. 1011–1017.
8. *Anthony W. A.* The Veterans Administration, the military, psychiatric rehabilitation, and me. Psychiatric Rehabilitation Journal. – 2010. – Vol. 33(4). – P. 259.
9. *Becker T., Vazquez-Barquero J.L.* The European Perspective of Psychiatric Reform // Ibidem. – Vol. 104. – S. 410. – P. 8–14.
10. *Birchwood M., Iqbal Z., Jackson C., Hardy K.* Cognitive therapy and emotional dysfunction in early psychosis// Psychological interventions in early psychosis: a treatment handbook. – 2004. – P. 209–228.
11. *Borrell-Carrio F., Suchman A.L., Epstein R.M.* The biopsychosocial model 25 years later: Principles, practice, and scientific inquiry. Annals of Family Medicine. 2004. – P. 576–582.
12. *Carling P.J.* Supports and rehabilitation for housing and community living. In: Spaniol L., ed. An introduction to psychiatric rehabilitation. Columbia. MD: IAPSRs. – 1994. – P. 45–52.
13. *Coffey M.* Researching service user views in forensic mental health: A literature review. Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2006. – Vol. 17(1).– P. 73–107.
14. *Corrigan P.W., Roe D., Tsang H.W.* Challenging the stigma of mental illness: Lessons for therapists and advocates. Malden, MA: John Wiley & Sons; 2011.
15. *Cramer J.A., Roy A., Burrell A. et al* // Medication compliance and persistence: terminology and definitions// Value Health. – 2008. – Vol. 11. – P. 44–47.
16. *Evin C.* Improving the Response to Mental Health Needs in Europe

-
17. Memorandum // Council of Europe. Parliamentary Assembly. - Restricted AS/Soc. (2004). - Vol. 23. 1st October 2004.
  18. *Ghaemi S.G.* Paradigms of psychiatry: Electicism and its discontents. *Current Opinion in Psychiatry*. 2006. - Vol. 19.- P. 619-624.
  19. *Green T., Batson A., Gudjonsson G.* The development and initial validation of a service-user led measure for recovery of mentally disordered offenders. *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. 2011. - Vol. 22. - P. 252-265.
  20. *Gudjonsson G.H., Webster G., Green T.* The recovery approach to care in psychiatric services: Staff attitudes before and after training. *The Psychiatrist*. 2010. - Vol. 34. - P. 326-329.
  21. *Hillbrand M., Young J.* Instilling hope into forensic treatment: The antidote to despair and desperation. *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2008. -Vol. 36(1). - P. 90-94.
  22. *Hillbrand M., Young J.L., Griffith E.E.H.* Managing risk and recovery: Redefining miscibility of oil and water. *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2010. - Vol. 38. - P. 452-456.
  23. *Hodel B., West A.* Cognitive training for mentally ill offenders with treatment-resistant schizophrenia. 2008.
  24. *Hollander R., Pieterse F., Weijts W. (Eds.)*. Prison mental health and penitentiary psychiatry. *Global Initiative on Psychiatry*. 2010. -Vol. 235.
  25. *Jacob J.D., Gagnon M., Holmes D.* Nursing so-called monsters: On the importance of abjection and fear in forensic psychiatric nursing. *Journal of Forensic Nursing*. 2009. - Vol. 5. - P. 153-161.
  26. *Kapoor R., Dike C., Burns C., Carvalho V., Griffith E.E.H.* Cultural Competence in Correctional Mental Health. *Int J Law Mental Health*. -2013. V. 36 (3-4). - P. 273-280.
  27. *Livingston J.D., Rossiter K.R.* Stigma as perceived and experienced by people with mental illness who receive compulsory community treatment: A qualitative study. *Stigma Research & Action*. 2011. - Vol. 1. - P. 1-8.
  28. *Livingston J.D., Rossiter K.R., Verdun-Jones S.N.* 'Forensic' labelling: An empirical assessment of its effects on self-stigma for people with severe mental illness. *Psychiatry Research*. 2011. - Vol. 188(1). - P. 115-122.
  29. *Lucas R.* *Advances in Psychiatric Treatment*. - 2006. - Vol. 12. - P. 265-267.

-
30. *Mace C., Binyon S.* Advances in Psychiatric Treatment. – 2006. –Vol. 12. – P. 92–99.
  31. *Malla A., Payne J.* First-episode psychosis: psychopathology, quality of life, and functional outcome.// Schizophr Bull. – 2005. –Vol. 31 (3). – P. 650–671.
  32. *Mezey G.C., Kavuma M., Turton P., Demetriou A., Wright C.* Perceptions, experiences and meanings of recovery in forensic psychiatric patients. Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2010. – Vol. 21. – P. 683–696.
  33. *O'Brien A., White S., Fahmy R., Singh S.P.* The development and validation of the SOLES, a new scale measuring engagement with mental health services in people with psychosis. Journal of Mental Health. 2009. – Vol. 18. – P. 510–522.
  34. *Sartorius N.* Every Family in the Land. Understanding prejudice and discrimination against people with mental illness. The Royal Society of Medicine. – 2001. – P. 412–414.
  35. *Schalast N., Redies M., Collins M., Stacey J., Howells K.* EssenCES, a short questionnaire for assessing the social climate of forensic psychiatric wards. Criminal Behaviour and Mental Health. 2008. – Vol. 18(1). – P. 49–58.
  36. *Schwarz N.* Situated Cognition and the Wisdom of Feelings: Cognitive. – University of Michigan. – Manuscript of a chapter in L. Feldman Barrett & P. Salovey (eds.).– New York, Guilford Press.– 2002. –P. 144–166.
  37. *Simpson A.I.F., Penney S.R.* The recovery paradigm in forensic mental health services. Criminal Behaviour and Mental Health. 2011. – Vol. 21. – P. 299–306.
  38. *Thornicroft G., Tansella M.* Components of a Modern Mental Health Service: A Pragmatic Balance of Community and Hospital Care. Overview of Systematic Evidence // British Journal of Psychiatry. – 2004. – Vol. 185. – P. 283–290.
  39. *Timmerman I.G.H., & Emmelkamp P.M.G.* The effects of cognitive-behavioural treatment for forensic inpatients. International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2005. – Vol. 49. – P. 590–606.
  40. *Tomov T.* Mental Health Reforms in Eastern Europe // Acta Psychiatr. Scand. – 2001. – Vol. 104. – S. 410. – P. 21–26.
  41. *Wallace C.J., Lecomte T., Wilde J.* CASIG: a consumer-centered assessment for planning individualized treatment and evaluating program outcomes. Schizophrenia Research. – 2001. – Vol. 50. – P. 105–119.
  42. *Warner R.* Does the scientific evidence support the recovery model? The Psychiatrist. 2010. – Vol. 34(1). – P. 3–5.

Экспериментальное исследование психоэмоциональных ресурсов народных игр (фольклора)

Чернушевич В.А., доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (vasiha@mail.ru)

Представлено исследование возможностей использования народных игр (фольклора) как метода замещающего социогенеза при психологической работе с девиантным поведением. Игровые программы используются для построения замещающей социокультурной среды эмоционального взаимодействия, в которой ребенок, подросток может приобрести необходимый ему психоэмоциональный опыт. Существенными причинами девиантного поведения считается отсутствие психоэмоционального опыта и психофизиологических предпосылок его обретения. Ключевым в построении социальных отношений, выстраивания поведения рассматривается наличие опыта общения, опыта учета эмоциональных состояний других людей и презентаций своих состояний и потребностей для учета их другими. Рассматриваются психоэмоциональные ресурсы народных игр. Исследование проводится методом наблюдения и самонаблюдения при проведении игровых занятий студентов с детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Приводятся данные об эмоциональных состояниях, которыми можно овладеть в тех или иных играх, анализируется игровой опыт студентов 1995–96 г.р.

Ключевые слова: фольклор, народные игры, эмоции, девиантное поведение, психоэмоциональный опыт, замещающий социогенез.

Психологические предпосылки разработки

Всем известно, как чутко может реагировать ребенок на эмоциональное состояние матери. Становление опыта эмоционального реагирования, опыта общения ребенка происходит в непрерывном контакте с близкими людьми, к которым есть чувство безусловного доверия, связанное с чувством безопасности.

Младенец, еще не обладающий даром слова, выражает свои потребности криком, модулируя его своими эмоциями соответственно этим потребностям. Чувствительная к эмоциональным состояниям своего ребенка мать вскоре начинает различать, голоден ли ребенок, хочет ли пить или пора менять пеленки, или малыш испугался чего-то и срочно нужна материнская поддержка. В общении матери с ребенком может развиваться эмоциональная чуткость каждой из сторон. Любовь матери к ребенку, ее желание услышать и понять – необходимое условие этого.

Наш опыт подсказывает, что младенец, в свою очередь, живо реагирует на эмоциональное состояние взрослого, считывая его непосредственно или по выражению лица, интонации (эмоциональной окраске) голоса, улыбаясь или морщась в соответственной реакции. Используя природный механизм идентификации (уподобления) ребенок приобретает опыт общения, опыт учета состояния других людей и презентаций своих состояний и потребностей, чтобы их могли учесть другие.

Важен именно эмоциональный опыт. От рождения (особенно в ранний период жизни) обладая высокой непосредственной чувствительностью к эмоциональным состояниям субъекта общения, ребенок накапливает опыт восприятия вербального и невербального выражения эмоциональных состояний субъектов общения, который он будет использовать в дальнейшей жизни.

В случае же «эмоциональной глухоты» окружающей социальной среды (обычные условия дома ребенка) или современных родителей, не обладающих в силу отсутствия опыта эмоциональной чуткостью и равнодушных к своим детям, процесс психоэмоционального развития нарушается. Мать неадекватно реагирует на призывы ребенка к контакту, медработники устанавливают общий для всех регламент содержания, никак не учитывающий индивидуальности младенца.

Складывается как бы контрактура эмоциональной сферы, нейронные связи, обеспечивающие эмоциональную чувствительность и призванные развернуться и развиваться в нежном возрасте ребенка навстречу эмоционально богатой окружающей социальной среде, не получают необходимой поддержки извне, формируется эмоциональная глухота. Начало своего формирования она может получить еще в перинатальном периоде.

При поступлении такого ребенка в школу учителя подхватывают эстафету, изолируя неудобного ребенка от общения, усугубляя его школьную дезадаптацию [1].

Исследователи девиантного поведения подростков к одной из его причин относят трудности в общении [2, с. 45]. Нам представляется, что это в значительной степени обусловлено неразвитостью эмоциональной сферы, отсутствием у подростков, выросших в неблагоприятных условиях, необходимого для общения эмоционального опыта (опыта распознавания чужого и предъявления своего эмоционального состояния).

В нейрпсихологии практически доказана возможность коррекции последствий травм головного мозга, полученных в раннем детстве, восстановления нарушенных или несформированных, имеющих темповую задержку мозговых функций и связей за счет проживания ребенком определенной последовательности ситуаций, в которых моделируется генезис связей, необходимых для восстановления нормальной деятельности мозга (метод замещающего онтогенеза).

По аналогии мы предполагаем, что в любом возрасте возможно создание эмоционально насыщенной среды жизнедеятельности ребенка, точнее, последовательности ситуаций пребывания его в этих средах, специфичных для каждого возраста. Проживание ребенком последовательности этих ситуаций в значительной степени может восстановить психоэмоциональный и соответственно

поведенческий статус ребенка с дефицитом развития психоэмоциональной сферы и с порожденным этим комплексом отклоняющегося поведения (таким образом, может реализовываться метод замещающего социогенеза и могут решаться абилитационные и реабилитационные задачи).

Социо-культурный и исторический контекст проблематики исследования

Культурная традиция каждого народа имеет специальный арсенал модельных ситуаций социального и эмоционального взаимодействия, через которые проходит каждый ребенок в семье или в общине по месту жительства. Более того, эти модельные ситуации были неотъемлемой частью жизни взрослых, создавая среду насыщенных межпоколенных и гендерных контактов, служа своеобразным регулятором отношений между людьми.

В качестве этого арсенала модельных ситуаций общения выступали народные игры (фольклор в самом широком смысле этого слова).

Игры являлись особым социальным пространством, где в гиперболизированной, метафорической, а может быть в гротескной форме проигрывались жизненные коллизии («Зайнышка», «Уточка и селезень»), высмеивались пороки (в частушках, в изобразительных играх). Игры – это возможность пережить в безопасных условиях жизненные трудности, например, страхи, обрести умения уступить, порадоваться, попереживать за другого, потерпеть и невыбранность, и просто физическую боль («Номера!», «Жгут»)[3].

Это значит, что игры, куклы, сказки – все, что относится к фольклору – это не просто форма досуга, это то, в чем хранится и передается национальная культура отношений между людьми, это то, что делает население особенным народом (у каждого народа свои игры и куклы, и сказки, и даже одежда, вызывающая определенные эмоциональные состояния).

В настоящее время на базе студенческого контингента мы изучаем игровой опыт нынешнего поколения. Сейчас всем очевидно исчезновение традиционных игр (игр, несущих национальную культурную традицию) из практики детей и подростков. Труднее всего в этой ситуации приходится детям, которые, вырастая, ищут тепло человеческих отношений. Ищут и не находят. Этим обусловлено явление потери «базового доверия» детей к окружающему миру. И естественная человеческая потребность детей в общении, особенно подростков, часто реализуется в субкультурных сообществах, лежащих вне пределов национальной культуры.

Оставленные без игровой среды, выращивающей культуру общения, определенно ограниченные только правовыми нормами (вместо традиции, которую культивируют народные игры), дети сами пытаются искать, выстраивать, нащупывать границы дозволенного, нарушая всевозможные границы и демонстрируя тем самым девиантное поведение.

Резюме по предпосылкам разработки

Причинами девиантного поведения может быть, во-первых, неразвитость психоэмоциональной сферы ребенка в раннем возрасте (ранняя психоэмоциональная депривация, усугубленная сниженными показателями психического и соматоневрологического здоровья рождающихся в наше время детей при ограниченных возможностях их медико-психологического сопровождения) – **неспособность к общению**, во-вторых, отсутствие нормативного опыта психо-социальных отношений (эмоционально значимых (неформальных) отношений взаимодействия и общения) – **неумение общаться во взаимодействии**. Ответом на эти причины может быть, по нашему мнению, использование народных игр для разных возрастов – воссоздание уникальной социокультурно обусловленной среды, насыщенной отношениями общения и взаимодействия. Отсюда следует гипотеза о психокоррекционных ресурсах народных игр.

Гипотеза данного этапа исследования. Мы предполагаем, что традиционные народные игры как форма интенсивного общения и взаимодействия могут вызывать у участников эмоциональные состояния широкого спектра, что является предпосылкой использования игр в качестве психокоррекционного ресурса для нормализации психоэмоциональной сферы.

Ресурсная игровая база исследования

В качестве ресурсной базы исследования выбран тип народных игр, в которых моделируются разнообразные отношения и эмоциональные состояния вне непосредственной связи с какими-то трудовыми процессами или конкретными жизненными ситуациями. Таково большинство народных игр. Они лишь отдаленно напоминают какие-либо жизненные ситуации, но при этом обладают широким спектром психоэмоционального воздействия на участников. Конкретные ситуации жизнедеятельности меняются, игры же эти, консервируя культуру отношений народа, его жизненный уклад, остаются такими же, лишь отдаленно, в отвлеченной форме напоминая существенные стороны реальных коллизий человеческих отношений (например, в известной игре «Тетера» моделируется ситуация неизбежности и неожиданности смены игровой (жизненной) роли). Поэтому имеется много общего в народных играх разных народов, в играх, моделирующих ситуации, характерные для человеческих отношений вообще.

Наш четырехлетний опыт проведения игровых программ с детьми разных возрастов и социально-психологических статусов показал возможность влияния игровой практики на уровень социализации детей. Пробные игровые коррекционные программы, по отзывам воспитателей, психологов и педагогов, работающих с группами детей, положительно влияют на психоэмоциональное состояние и поведение детей и подростков [4, с. 100]. Это позволило предположить, что известные нам фольклорные игры обладают необходимым потенциалом для психокоррекционной и психопрофилактической работы.

Задача исследования предполагала выявление методом самонаблюдения и наблюдения возможных эмоциональных состояний, возникающих в процессе игры, как психоэмоциональных ресурсов народных игр (фольклора) при включении в игровые ситуации студентов 1-го курса, воспитанников ДОУ и учащихся 1–3-х

классов ГБОУ СОШ 2077. Исследование проводилось в рамках спецкурса «Организация досуга детей и подростков», предусматривающего игровую подготовку будущих специалистов по педагогике и психологии девиантного поведения [8, с. 90].

Первый (к настоящему времени завершенный) этап исследования – выявление этого потенциала с помощью психоэмоционального анализа состояний участников 42 игр широкого возрастного диапазона, а также реального игрового опыта студентов 1995–1996 г. р.

Второй этап – инструментальное изучение эффективности применения игровых занятий в различных ситуациях (например, для работы со школьной дезадаптацией).

Анализ результатов вышеназванных этапов позволит сделать заключение о возможности построения на основе фольклора метода замещающего социогенеза.

Первый этап исследования состоял в проведении рефлексивного анализа и самоанализа эмоциональных состояний студентов и детей в игровых ситуациях при освоении программных игр учебного курса «Организация досуга детей и подростков». В программу входило 30 основных и 12 дополнительных (предполагающих только первичное знакомство) игр различного характера. Одновременно решались две исследовательские задачи: 1) выявление опыта анализа собственных эмоциональных состояний у студентов, 2) выявление эмоциональных состояний, вызываемых игровыми ситуациями. В связи с этим студентам не предлагались средства анализа эмоциональных состояний (какие-либо типологии эмоций). Рефлексивная задача для студентов облегчалась ограничением игр, берущихся для анализа, теми, которые вызывают наибольший индивидуальный интерес. Таким образом, анализом оказались охвачены 23 игры из предложенных.

В последующем результаты эмоционально-психологического анализа можно уточнить, предлагая участникам присоединиться в оценке той ли иной игры к результатам оценивания ее другими участниками.

Задание на рефлексивные эссе (протокол исследования игры) было сформулировано следующим образом.

Эссе № 3: «Из игр, сыгранных на нашем учебном курсе, выделить две игры, которые, по Вашему мнению, производят большее впечатление на участников игры. Пояснить, какие именно чувства и эмоции может вызывать каждая из выделенных Вами игр, в какой момент игры они возникают».

Эссе № 4 (дополнительное) по играм, не попавшим в число избранных, но предположительно имеющих большой психокоррекционный потенциал: «Провести в подгруппе анализ 2 народных игр с точки зрения эмоций и чувств, которые могут возникать у детей в этой игре (игры предложить не задействованные в анализе Эссе № 3 в данной подгруппе)».

Результаты первого этапа исследования

В процессе анализа протоколов наблюдения и самонаблюдения (50 респондентов) удалось выделить около 100 осознаваемых эмоциональных

состояний, из которых наиболее часто упоминались следующие (цифра впереди названия – число упоминаний):

1. **30 Радость**
2. **25 Страх**
3. **17 Удовлетворение.**
4. **17 Чувство общности** (командность и командный интерес, чувство дружбы, дружелюбности, ощущение единства, целого, ощущение другого и целого, чувство других, сплоченность, общие переживания).
5. **9 Раскрепощенность, свобода,**
6. 9 интерес
7. **6 паника, смятение, замешательство.**

Специальное исследование показало, что условно общеизвестных игр у подростков Московского региона осталось 8–10 (они известны не менее 30 % из опрошенных студентов первого курса факультета юридической психологии). Это при том, что исследователями конца XVIII века описано около 200 общеизвестных игр народов России [5].

Обсуждение результатов

1. Анализ выполненных студентами наблюдений и самонаблюдений показал, что предложенные для освоения и изучения народные игры обладают большим набором ситуаций, вызывающих разнообразные эмоциональные переживания участников. Среди них – эмоции, которые многие авторы относят к базовым (например, К. Изард [6]).

Детальный анализ даже одной самой распространенной игры «Каравай» показал ее очень высокую эмоциональную насыщенность, в том числе, по базовым эмоциям: «В этой игре, находясь в центре круга, ребенок может испытывать:

- радость от чувства «избранности» (именно его выбрали);
- радость от того, что он находится в центре внимания;
- чувство значимости (теперь он будет выбирать).

Или он может испытывать:

- смущение и тревогу от того, что он в центре внимания;
- страх сделать что-нибудь не так (боязнь, что в правилах что-то недопонял);
- тревога за то, как его воспринимают окружающие (боязнь собственной неловкости и незнания, как реагировать на действия хоровода);
- страх перед тем, что его выбор не оценят» [см. 4, с. 100; 7].

2. Студенты даже без специальной аналитической и теоретической подготовки могут выделять переживаемые эмоциональные состояния прежде всего как лично переживаемые. Например, так описывают свое участие в игре «Птичка, бабочка и цветочки»: «Вторая игра так же очень интересна вдвойне. Во-первых, удовлетворяется нужда в движении, так как это подвижная игра. Во-вторых, она очень важна психологическим взаимоотношением внутри группы. Я не хочу отмечать факт того, что ты можешь быть пойманным кем-то, это *и так ясно*. В этот момент человек переживет такие эмоции, как *страх быть закованным, пойманным*. В то время когда ты играешь свою роль и успеваешь к ней привыкнуть, проникнуться в нее, *есть боязнь* утратить это. Хочется отметить, что ты можешь рассчитывать на поддержку любого члена группы, что тебя примут на этот «цветок». Происходит быстрая реакция, резкая смена событий, то ты «бабочка», то «птичка», то вдруг статус «стебелька» меняется на совершенно непохожий статус «птички». В жизни так оно и есть и этот фактор очень важен. *Эти чувства* приходится испытывать довольно часто каждому человеку».

3. Ответы студентов на вопросы о наблюдаемых и переживаемых эмоциональных состояниях в определенные моменты игры дали возможность некоторого обобщенного анализа игровых ситуаций, который позволяет обратить внимание на особенности коррекционно-профилактического потенциала той или иной игры, например, игры «Коршун». В этой игре циклы игры длятся около 80 сек. В первой спокойной части цикла идет размеренный разговор-диалог хоровода с коршуном (50 сек.), который на словах «ваших деток шуркать-буркать» завершается эмоциональным взрывом и коршунов, и хоровода. Одни бросаются ловить, другие убежать. Эмоциональное напряжение возрастает на фоне нарочито спокойного диалога. Эмоциональная вспышка, к которой дети в первой фазе готовятся и в которой дети пребывают на грани аффективного состояния, длится около 15 сек., после чего в течение примерно 15–20 сек. активность уменьшается до исходного состояния и опять повторяется спокойный медленный диалог между участниками игры-коршунов и хоровода уже в изменившемся составе. Трудно найти более удачные тренировочные условия для выработки у детей навыков справляться со своими эмоциональными состояниями. Дети, которых обычно после эмоционально значимой ситуации трудно успокоить и за полчаса, в игре «берут себя в руки» за 15 сек. и, главное, приобретают собственный опыт благополучного перехода из одного эмоционального состояния в другое.

Первые полученные результаты исследования в намеченном направлении подтверждают, что **народные игры** обладают психоэмоциональным потенциалом широкого спектра, но практически не знакомы современным детям в ДОУ и СОШ, в то же время, как правило, являются привлекательными для них, и мало знакомы студентам 1995–1996-г.р. Таким образом, учитывая сохранившийся в преимущественно труднодоступной форме (тексты) игровой арсенал, можно сделать вывод об актуальности введения в учебный процесс подготовки специалистов по профилактике девиантного поведения практики освоения фольклора, как наличествующего в национальной культуре, но временно недоступного психопрофилактического и психокоррекционного ресурса. А также вывод о целесообразности продолжения исследования использования фольклора для профилактики девиантного поведения как метода замещающего социогенеза с количественными оценками его эффективности.

Литература

1. *Каган В.Е.* Школьная дезадаптация: к определению понятия // Школьная дезадаптация: эмоциональные и стрессовые расстройства у детей и подростков / Под ред. С.М. Громбаха. М. : Медицина. 1995. С. 3–8.
2. Три главные проблемы подростка с девиантным поведением. Почему возникают? Как помочь? / В.К. Зарецкий, Н.С. Смирнова, Ю.В. Зарецкий, Н.М. Евлашкина, А.Б. Холмогорова.– М.: Форум, 2011. 208 с.
3. *Стельмах О.Д., Ступина В.Н., Чернушевич В.А.* Народная игра как средство профилактики девиантного поведения в условиях урбанизации // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2013. № 3. С. 69–75.
4. *Стельмах О. Д., Чернушевич В. А.* Профессиональная практика будущих педагогов-психологов с использованием народных игр. //Социальная педагогика. 2012. № 5. С. 95–103.
5. *Покровский Е.А.* Русские детские подвижные игры. СПб.: Речь, Образовательные проекты; М.: Сфера, 2009. 184 с.
6. *Изард К.Э.* Психология эмоций / Пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 464 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
7. *Чернушевич В. А.* Народная игра (фольклор) как психокоррекционный ресурс юридической психологии* [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (дата обращения: 05.09.2013).
8. *Богданович Н.В., Чернушевич В.А.* Деятельностная модель юридического психолога [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. №4. URL: http://psyedu.ru/journal/2013/4/Bogdanovich_Chernushevich.phtml (дата обращения: 28.02.2014)

An experimental study of psycho-emotional resources of folk games (folklore)

Chernushevich V.A., Associate Professor, Chair of Legal Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (vasiha@mail.ru)

We present a study of using folk games (folklore) as a method of substituting sociogenesis in psychological work with deviant behavior. Game programs are used to build a replacement sociocultural environment for emotional interaction in which a child or a teenager can acquire the necessary psycho-emotional experience. The significant causes of deviant behavior are the lack of mental and emotional experience and psychophysiological background of acquiring it. A key component of social relations and behavior building is the communication experience, understanding of other people's experience of emotional states and presentations of their states and needs to account for them by others. Psycho-emotional resources of folk games are considered. The study was conducted using observation and introspection during gaming sessions with preschool and early school age children conducted by students. We present the data on the emotional states that can be harnessed in different games, and analyze gaming experience in students born in 1995-96.

Keywords: folklore, folk games, emotions, deviant behavior, psycho-emotional experience, substituting sociogenesis.

References

1. *Kagan V.E.* Shkol'naja dezadaptacija: k opredeleniju ponjatija // Shkol'naja dezadaptacija: jemocional'nye i stressovyje rasstrojstva u detej i podroستkov / Pod red. S.M. Grombaha. M. : Medicina. 1995. S. 3–8.
2. Tri glavnye problemy podroستka s deviantnym povedeniem. Pochemu vznikajut? Kak pomoch'? / V.K. Zareckij, N.S. Smirnova, Ju.V. Zareckij, N.M. Evlashkina, A.B. Holmogorova.– M.: Forum, 2011. 208 s.
3. *Stel'mah O.D., Stupina V.N., Chernushevich V.A.* Narodnaja igra kak sredstvo profilaktiki deviantnogo povedenija v uslovijah urbanizacii // Municipal'noe obrazovanie: innovacii i jeksperiment. 2013. № 3. S. 69–75.
4. *Stel'mah O. D., Chernushevich V. A.* Professional'naja praktika budushhih pedagogov-psihologov s ispol'zovaniem narodnyh igr. //Social'naja pedagogika. 2012. № 5. S. 95–103.
5. *Pokrovskij E.A.* Russkie detskie podvizhnye igry. SPb.: Rech', Obrazovatel'nye proekty; M.: Sfera, 2009. 184 s.

6. *Izard K. Je.* Psihologija jemocij / Per. s angl. SPb.: Piter, 1999. 464 s.: il. (Serija «Mastera psihologii»).
7. *Chernushevich V. A.* Narodnaja igra (fol'klor) kak psihokorrekcionnyj resurs juridicheskoj psihologii* [Jelektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (data obrashhenija: 05.09.2013).
8. *Bogdanovich N.V., Chernushevich V.A.* Dejatel'nostnaja model' juridicheskogo psihologa [Jelektronnyj resurs] // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2013. №4. URL: http://psyedu.ru/journal/2013/4/Bogdanovich_Chernushevich.phtml (data obrashhenija: 28.02.2014)

Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных

Дебольский М.Г., кандидат психологических наук, профессор кафедры юридической психологии и права Московского городского психолого-педагогического университета; ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России (mdebolsky@mail.ru)

Рассмотрены психологические проблемы, возникающие при реализации такого важного юридического института, как условно-досрочное освобождение осужденных. Показана прогрессивность данной меры, ее стимулирующее влияние на законопослушное поведение осужденных в местах лишения свободы. Вместе с тем, анализ практики условно-досрочного освобождения (УДО) показывает, что при ее исполнении имеется ряд проблем: высокий уровень повторной преступности (рецидив); наличие большой доли осужденных (до 60%), которые не реализуют свое право на условно-досрочное освобождение; большое количество разногласий между администрацией исправительных учреждений и судом при оценке степени исправления осужденных и решении вопроса о условно-досрочном освобождении; отсутствие однозначных критериев исправления осужденных. Уделено значительное внимание анализу концептуальных подходов, на которых базируется практика досрочного освобождения осужденных в России и за рубежом. Показаны преимущества отечественной концепции – оценки степени исправления осужденных, отмечена ее гуманистическая направленность. Вместе с тем раскрыты история развития и содержание зарубежных концепций оценки факторов риска при условно-досрочном освобождении осужденных. Автор полагает, что отечественный и зарубежный подходы взаимосвязаны, но последний более прагматичен и ориентирован на прогноз поведения человека на свободе с учетом возможностей удовлетворения его основных потребностей (как витальных, так и социальных). В статье раскрыт опыт проведения научно-прикладных исследований, направленных на изучение системы оценки факторов риска повторных правонарушений и возможностей снижения риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных.

Ключевые слова: осужденный, условно-досрочное освобождение, факторы риска, рецидив, критерии исправления, ресоциализация, психологическая помощь, психологическая коррекция, актуарный подход, клинический подход.

Правовые предпосылки реализации условно-досрочного освобождения (УДО) осужденных от отбывания наказания являются важным элементом современной системы исполнения наказаний всех цивилизованных государств [9]. УДО отражает прогрессивный характер уголовно-исполнительной политики государства, так как стимулирует осужденных к законопослушному поведению, прекращению криминальных связей и исправлению личности преступника. Условно-досрочное

освобождение является своеобразным поощрением осужденных за положительное поведение в местах лишения свободы и проявлением доверия государства в лице администрации исправительного учреждения и суда, что они не совершат повторного преступления. В соответствии с уголовным и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации применение УДО возможно в отношении любого осужденного после отбытия определенной части наказания (исходя из тяжести совершенного преступления), если судом будет признано, что для исправления осужденный «не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания» [23, ст. 79].

Однако практика применения условно-досрочного освобождения осужденных далека от оптимальной. Вот некоторые данные: 2002 г. – условно-досрочно или в связи с заменой более мягким видом наказания освобождены 134642 чел., или 48,1% от всех освобожденных; в 2011 г. – 103485 чел. (38,2%); 2012 г. – 88365 (35,4%) [26]. Из этих данных видно, что *имеется тенденция снижения доли лиц, освобождающихся условно-досрочно*. Это, естественно, вызывает неудовлетворенность осужденных, так как многие из них не могут реализовать свое право на УДО. Проведенный нами опрос 2350 осужденных-мужчин, отбывающих наказание на различных видах режима («В какой мере Вы удовлетворены возможностью освободиться условно-досрочно или осуществить перевод в колонию-поселение?») дал следующие результаты: а) вполне удовлетворен – 34%; б) частично удовлетворен – 27%; в) не удовлетворен – 25%; г) Мне безразлично – 15%. Необходимо отметить, что доля неудовлетворенных женщин намного выше – 47%. Это свидетельствует, что значительная часть осужденных не верит в справедливость подхода администрации учреждения и судов при решении вопроса об условно-досрочном освобождении, а часть (кому безразлично) относится к категории нарушителей режима и осознают, что им будет отказано в УДО. В том и ином случае стимулирующая роль законопослушного поведения снижается.

К недостаткам применения УДО следует отнести существенные различия в оценке осужденных администрацией исправительных учреждений и судами. Так, суды отказывают в условно-досрочном освобождении до 40% осужденных положительной характеристикой администрации исправительных учреждений. С другой стороны, доля лиц, освобожденных из исправительных учреждений с отрицательной характеристикой, то есть вопреки мнению администрации, составляет 5–9%.

Можно указать несколько причин различий в выводах администрации исправительных учреждений и судов в возможности условно-досрочного освобождения осужденных. Первая причина – различие в социальной дистанции от осужденных. В отличие от сотрудников уголовно-исполнительной системы, судьи отдалены от процесса ресоциализации осужденных, и это помогает им более объективно оценить материалы на лиц, представленных к УДО. Но во многих случаях отстраненность от пенитенциарного процесса не позволяет более точно оценить изменения, которые произошли в личности осужденного и его готовность к право-послушному образу жизни на свободе. Естественно, сотрудники УИС наблюдают за поведением осужденных ежедневно, ежедневно и на протяжении многих лет, поэтому их оценка осужденных в одних случаях может быть более глубокой и точной, а в других – эмоционально окрашенной и субъективной. Различия в интерпретации людьми социальной ситуации (субъективизм

восприятия) являются одной из ошибок в оценке осужденных и их намерений [20, с.34]. Развитие социального интеллекта должностных лиц, уточнение критериев оценки осужденных, понимание их психологической готовности к жизни на свободе будет способствовать снижению риска повторных преступлений.

Не исключается в качестве причины различий в позициях администрации учреждений УИС и суда – коррупционность государственных служащих. Но этот аспект требует специального изучения и в данной статье не освещается.

Анализ судебной практики показывает, что отказ суда в предоставлении условно-досрочного освобождения или несогласие с позицией администрации часто объясняется тем, что документы, предоставленные в суд, не отражают фактических данных или по своей форме и содержанию настолько однотипны (словно под «копирку»), что на их основании невозможно составить определенного мнения о личности осужденного и его исправлении. Причины данного явления могут иметь различную природу: перегруженность сотрудников (начальников отряда) и нехватка времени выполнить все необходимые функции и процедуры, связанные с оформлением документов; низкий профессионализм должностных лиц, а также безответственность или недобросовестное отношение к выполнению своих служебных обязанностей.

И все же *главная проблема условно-досрочного освобождения – высокий уровень рецидива среди освобождающихся*. Учитывая, что данный показатель официально не ведется государственными органами, а результаты выборочных исследований имеют большой разброс (от 20 до 70 %), мы ориентировались на официальную статистику ФСИН России о количестве судимостей осужденных. Анализ статистических материалов об осужденных, содержащихся в исправительных колониях за последние десять лет, показывает, что лица при рецидиве (судимые 2 и больше раз) составляют более половины (2002 г. – 51%, 2012 г. – 55%)[26]. Стремление снизить уровень рецидива может выступать предпосылкой отказа значительному числу осужденных в УДО, особенно когда речь идет о лицах, неоднократно судимых и совершивших особо тяжкие или тяжкие преступления. Это естественно, так как совершение преступлений данной категорией лиц вызывает общественный резонанс и нарекания граждан в адрес правоохранительных органов. Поэтому сотрудники исправительных учреждений и судьи становятся еще более недоверчивыми и осторожными в оценке неоднократно судимых осужденных. Любые сомнения, как правило, трактуются не в их пользу. Анализ личных дел неоднократно судимых осужденных и совершивших тяжкие преступления показывает, что даже если осужденные характеризовались в местах лишения свободы положительно, условно-досрочно их освобождают не сразу после наступления установленного законом срока, а незадолго до конца наказания или со второй – третьей попытки (в соответствии с п.10 ст.175 УИК РФ после отказа осужденному в УДО они имеют право повторно обращаться в суд с ходатайством через 6 месяцев)[24]. Естественно, такая осторожность снижает риск повторного преступления в период условно-досрочного освобождения, так как данный интервал времени уменьшается. Однако недостаточно мотивированные отказы в УДО вызывают у многих осужденных фрустрацию, дополнительный психологический стресс, напряжение, недоверие к администрации учреждения, суду; у эмоционально неустойчивых осужденных могут возникать злость, агрессия, желание отомстить, совершить новое преступление. Представляется, что в данном случае реакцию

осужденных можно объяснить теорией «ярлыков» или «стигматизации». Ярлык преступника, рецидивиста подталкивает к соответствующему поведению осужденных [4, с.118–119].

Возникает вопрос: «Каков выход из этой сложной ситуации, чтобы, с одной стороны, снижать уровень рецидива, а с другой – стимулировать осужденных к исправлению и условно-досрочному освобождению?» Ведь даже мнения ученых по поводу досрочного освобождения неоднократно судимых осужденных разделились. Так, еще в советский период известный юрист И.С. Ной отмечал, что отказ в условно-досрочном освобождении лиц, допустивших особо опасный рецидив, ослабляет стимулирование их исправления, но в интересах общей превенции такой отказ необходим [16, с.30].

В качестве примера противоположной позиции приведем высказывание З.И. Зельдова, который подчеркивает необходимость своевременно освобождать осужденных условно-досрочно, если цель наказания – исправление – достигнута. Нельзя допустить исполнение наказания, «ставшего нецелесообразным, а значит и негуманным: несправедливо наказывать преступника только для того, чтобы исправлять или устрашать других» [7, с.18]. Большинство ученых выход из этой ситуации видят в том, чтобы *повысить уровень достоверности и надежности прогноза в отношении поведения лиц, подпадающих под условно-досрочное освобождение*. Естественно, это не простая задача. Известный отечественный психолог В. С. Мухина, на протяжении более 10 лет изучавшая осужденных к пожизненному лишению свободы и постоянно оказывающая им психологическую помощь, пишет: «Мне часто задают вопрос: «А если они (осужденные. – М.Д.) получат свободу, то они могут повторить свои преступления?» Вопрос этот риторический. Об этом никто ни знает. Ни эти несчастные, ни их матери, ни психологи, ни психиатры, ни другие люди.

Мы знаем, что человек слаб. Единожды совершивший не обязательно преступление, а просто неблагоприятный поступок, предавший, солгавший, может сделать это снова. Здесь играют роль генетическая конституция, условия и внутренняя позиция человека. Очень также важны его личные установки, система ценностей. Кроме того, у освобождающихся из мест лишения свободы часто не хватает сил преодолевать те социальные трудности, которые испытывает человек, выходя на волю» [14, с.19].

Несмотря на объективные трудности прогнозирования преступного поведения, в криминологии и юридической психологии накоплен определенный опыт решения данной проблемы.

Рассмотрим **опыт предсказания криминального поведения (рецидивизма) осужденных за рубежом**. Как известно, в большинстве западных стран и США пенитенциарная психология начала развиваться гораздо раньше, чем в нашей стране [2]. Поэтому первые исследования данной проблемы в США и Западной Европе начали проводиться криминологами еще в 20-е годы прошлого века. Достаточно содержательное описание основных вех истории прогнозирования поведения людей при освобождении из мест лишения свободы представлено в фундаментальных учебниках по криминальной психологии и специальной литературе [4; 21].

В научный и практический обиход вошло понятие «**факторы риска**», то есть любые социальные условия и личностные свойства, которые могут способствовать совершению преступления (в том числе после условно-досрочного освобождения). Различные авторы выдвигали свои подходы оценки факторов риска и личности осужденного. По словам Макгвайра (McGuire, 1996) [21, с.7], эти факторы, часто описываемые как «криминогенные», по своей природе могут быть как социальными, так и личностными, играть как причинную, так и дополнительную роль в противоправных деяниях, и именно на них должно быть направлено воспитательное воздействие. Эндриус (Andrews, 1996) определил криминогенный фактор как любую сферу, в которой правонарушитель имеет в настоящее время потребность или дефицит, и в которой сокращение этой потребности или дефицита приведет к сокращению риска повторного правонарушения. Криминогенные факторы или факторы риска – это личностные свойства и социальные ситуации, которые способствуют совершению преступления [21, с.7]. *Выявление и оценка степени выраженности и частоты проявления факторов риска позволяют предсказывать вероятность совершения повторных правонарушений.*

При всем разнообразии позиций к оценке риска правонарушений за рубежом сформировалось два главных подхода: клинический и статистический или актуарный [4, с. 386]. *Суть клинического подхода* состоит в углубленном изучении личности осужденного и предсказании её опасности исходя из результатов медицинского и психологического обследования специалистами или практическими работниками. *Актуарный подход* основан на изучении только объективных характеристик осужденного (возраст, количество судимостей и т. д.) и математическом расчете соответствующего риска.

Клинический подход возник в США, на наш взгляд, не случайно. Во-первых, начиная с 50-х годов в этой стране в качестве основных целей наказания рассматривались профилактика преступлений и психологическое, психиатрическое лечение преступников. Клинический подход преобладал не только в психодиагностике и постановке диагноза, но и в исправлении осужденных. Даже в настоящее время, когда стало очевидно, что лечение, понимаемое в традиционном смысле слова, не является панацеей в борьбе с преступностью, данный термин продолжает использоваться в зарубежной пенитенциарной практике. Однако его значение теперь гораздо шире. «Психологическое лечение, – пишет Р. Блекборн, – это нечетко определенный термин, так как формы психологической терапии шире лечения в медицинском смысле этого слова, ибо они не только устраняют симптомы, но и нацелены на личностный рост индивидуума и выработку у него навыков совладания с проблемами» [4, с. 403]. Во-вторых, среди осужденных значительная доля лиц, которые имеют психические аномалии и действительно нуждаются в лечении и оценка их потенциальной опасности для окружающих остается задачей психиатров и клинических психологов. В-третьих, во всех пенитенциарных учреждениях США введены должности психиатров, а среди психологов 80% специалистов являются клиническими психологами [2, с.331].

Имеется значительное количество исследований, подтверждающих эффективность клинических предсказаний. Некоторые из них получили общественный резонанс и правовые последствия. Например, в 1976 г. психолог из Калифорнии направил заключение в полицию, что его пациент имеет патологическую привязанность к одной из своих знакомых и на этой почве может

совершить преступление. Через два месяца клиент психолога совершил убийство. Это послужило поводом, чтобы Верховный суд принял постановление, в котором указал, что клиницисты имеют правовую обязанность предупредить третьих лиц, для которых их клиенты представляют опасность [4, с.394].

Исследования показывают, что главная роль, которую могут играть клинические оценки, заключается в понимании предрасполагающих и причинных факторов, связанных с противоправным поведением в конкретных ситуациях. Вместе с тем, в научной литературе нередко отмечается, что предсказания клиницистов вызывают большие сомнения. В 1966 году Верховный суд США постановил, что один из пациентов ошибочно заключен в тюремный госпиталь, хотя являлся невменяемым. Это привело к переводу 969 пациентов в гражданские психиатрические больницы для повторного обследования. Четырехлетнее катamnестическое исследование четверти этих пациентов показало, что половина остались в гражданских больницах, 27% вернулись в общество, 14% умерли, 2,2% были возвращены в спецбольницы со строгим режимом, а 0,8% заключены в тюрьму (Steadman, Keveles, 1972). Несмотря на то что 17% в разное время подвергались арестам, только 9 человек были осуждены. В плане предсказания опасности «ложные тревоги» составили более 80%, что нельзя признать удовлетворительным [4, с.394]. Многие авторы утверждают, что при клиническом заключении содержится много источников ошибок, в том числе личные факторы, связанные с предубеждениями сотрудников к осужденным.

Анализ литературы показывает, что достоверность прогноза опасного поведения и его практическая значимость могут быть повышены, если в клиническом заключении будут отражаться не только криминально-значимые свойства личности обследуемого, но и ситуативные переменные, способные провоцировать преступное поведение [4]. Необходимо также уточнять характер опасных действий (например, насильственное преступление корыстного или сексуального характера, кража и т. п.).

Актuarный подход возник как альтернатива клиническому (лично ориентированному) подходу. Его цель – повысить достоверность прогноза поведения осужденных после освобождения на основе объективных данных, содержащихся в личном деле. Таблицы прогнозирования были впервые созданы американскими криминологами еще в 20-х годах прошлого века. В 50-е годы социологи-актуарии активно работали в тюрьмах Иллинойса, оказывая помощь в разработке таблиц прогнозирования для принятия решения об условно-досрочном освобождении осужденных [21].

Самым лучшим индикатором будущего поведения, по данным исследований, является прошлое поведение. Таким образом, эти шкалы, главным образом, содержат пункты, касающиеся предыдущих судимостей, возраста первого осуждения, количества судимостей к лишению свободы, общего количества судимостей типа преступления и возраста, когда оно было совершено. Эти факторы после расчета по определенной формуле, включающей пол и возраст, позволяют дифференцировать осужденных на несколько групп исходя из вероятности совершения новых (повторных) преступлений.

По мере проведения новых исследований методика актуарного прогноза совершенствовалась. В. Фокс (1979) разработал шкалу для определения степени приспособленности заключенного к условиям жизни в тюрьме, которая использовалась и для условно-досрочного освобождения. В основу прогнозирования положен *метод независимых характеристик*. Каждый сотрудник независимо от других высказывал свое мнение о возможном поведении осужденного после освобождения. Обобщение и оценка этих мнений представлялись как «экспертный индивидуальный прогноз». Всего выдвинуто 14 факторов, имеющих диагностическое значение.

Как отмечалось, актуарные шкалы для прогнозирования повторных правонарушений, главным образом, основаны на предыдущих преступлениях, а это означает, что они не работают хорошо для тех, кто совершает преступление впервые или имеет небольшой опыт противоправных деяний.

Кроме того, недостатком актуарных методик первого поколения являлось то, что они основаны на информации, которая относится к истории личной жизни индивида, а изменения в личных обстоятельствах, как правило, не принимались во внимание. Осужденный постоянно находился на том же самом уровне риска повторного преступления.

Поэтому для повышения достоверности результатов прогнозирования поведения осужденных, освобождающихся условно-досрочно, на основе исследований, проведенных в Канаде в конце 80-х годов, в актуарные шкалы были включены «динамические факторы риска – факторы, которые могут изменяться с течением времени и по-разному могут проявляться в различных ситуациях [2, с. 336]. Например, установки, убеждения, ценностные ориентации осужденного и их изменения под влиянием психокоррекционной работы, а также условия, в которых предстоит жить бывшему осужденному после освобождения. Изменения динамических факторов ведут к изменению риска рецидивизма. Динамические факторы риска подразделяют на стабильные динамические факторы и острые динамические факторы. Стабильные динамические факторы в принципе подвержены изменениям, но меняются медленно, в течение месяца или даже нескольких лет. Острые динамические факторы, напротив, изменяются быстро (в течение дней, часов или минут). Это относится к настроению, таким психическим состояниям как страх, гнев, тоска. Исследования показали, что гнев, душевные страдания более точно прогнозируют риск повторных преступлений, нежели стабильные факторы, когда речь идет о лицах, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности за сексуальные преступления.

Будучи в служебных командировках в тюремных системах США и Великобритании, автор имел возможность ознакомиться с опытом применения некоторых опросников для оценки риска рецидивизма при решении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденных. В Великобритании Тюремной службой и службой Пробации совместно разработана национальная *система оценки правонарушителей – СисОП*. По мнению зарубежных специалистов, она позволяет качественно и количественно оценить вероятность повторного преступления, измерять перемены, которые происходят в личностном развитии осужденных, планировать психотерапевтические воздействия на личность осужденных с учетом их потребностей и оценки риска.

При разработке СисОП использовались следующие принципы: ориентация на потребности правонарушителей, развития (изменения) личности, сочетание стабильных и динамических показателей риска, осознание важности изучаемых характеристик как для осужденных, так и персонала пенитенциарной системы, простая система подсчета баллов, участие в системе оценки как правонарушителей, так и специалистов. Оценки показателей риска повторного преступления заключенных осуществляются перед проведением совета по условно-досрочному освобождению [21, с. 8–16]. При посредничестве международной общественной организации «Международная тюремная реформа» (PRI) данная методика была любезно предоставлена нашей делегации для перевода и апробации. Реализация данной задачи была поставлена в 2009 году перед сотрудниками межрегиональной психологической лаборатории (МПЛ) УФСИН России по Саратовской области. Результаты проведенной работы нашли отражение в Методических рекомендациях сотрудников лаборатории [12]. К сожалению, результаты исследования не подтвердили наличие значимых различий в факторах риска экспериментальной группы (совершивших повторное преступление и вновь отбывающих наказание в местах лишения свободы) и контрольной (в течение года после освобождения не допустивших правонарушения). Можно предположить, что это связано с различием правовых оснований для УДО в наших государствах, а также недостаточной адаптацией методических принципов наших коллег к социокультурной среде (субкультуре) исправительных учреждений России. К сожалению, повторное исследование в рамках данной методики также не удалось провести в связи с оргштатными изменениями в Федеральной службе исполнения наказаний и упразднением данного структурного подразделения (МПЛ). Однако в настоящее время к апробации данной методики подключены студенты и аспиранты юридического факультета МГППУ в рамках курсовых, дипломных работ и диссертационных исследований.

В настоящее время наблюдается тенденция дифференцированного подхода к определению факторов риска применительно к различным категориям правонарушителей. Наибольшее распространение получили методики прогнозирования агрессивного поведения, а также делинквентного поведения несовершеннолетних [2, с.151–156; 4, с. 255–296].

Опыт оценки рецидивизма при условно-досрочном освобождении осужденных в России. Теоретические подходы к прогнозированию рецидивизма в нашей стране стали активно разрабатываться в 70-е годы прошлого века в криминологии. В методики прогнозирования преимущественно включались социально-демографические и криминологические данные о личности преступника. В конце 90-х годов, начале 2000-х начала формироваться *пенитенциарная криминология*, а в рамках ее и система оценки факторов риска рецидивизма при освобождении осужденных условно-досрочно [17]. В учебниках криминологии отмечается необходимость учитывать психологические и педагогические факторы риска повторных правонарушений, однако инновационные технологии в данной сфере не рассматриваются.

По мере развития психологической службы ФСИН России от руководства исправительных учреждений, прокурора по надзору все чаще стали поступать заявки на проведение психодиагностического обследования осужденных, обратившихся с ходатайством об условно-досрочном освобождении. В 2004 году

психологами были обследованы около 50 тыс. осужденных с целью вынесения заключения о степени их исправления; в 2007 г. – обследованы 116193 осужденных; в 2013 г. – 106409. Состоялось несколько судебных процессов, на которых адвокатами осужденных и независимыми экспертами оспаривались выводы психолога, что за период отбывания наказания изменений в криминально-психологических свойствах осужденного не произошло и имеется высокий риск повторного преступления. Как правило, психологи с профессиональным достоинством отстаивали правомерность своих выводов. С целью оказания практической помощи пенитенциарным психологам, обеспечения единого концептуального подхода были подготовлены методические рекомендации по изучению осужденных в карантине, а также при решении вопроса об их условно-досрочном освобождении [10]. Методические рекомендации утверждены первым заместителем директора ФСИН России и направлены во все территориальные органы. Естественно, в настоящее время возникла необходимость их совершенствования с учетом новых результатов исследования.

Еще 20 лет назад известные специалисты по психологической и психолого-психиатрической экспертизе Ф.С. Сафуанов и С.Н. Шишков отмечали, что применительно к осужденным за насильственные преступления в качестве прогностического признака рассматриваются психические отклонения и агрессивность. «Психические аномалии, существующие у осужденного в период отбывания наказания, могут затруднять процесс его отбывания и достижение его целей — в первую очередь, предупреждения повторных преступлений. ... Должный учет психических расстройств при отбывании наказания способен в значительной мере снизить эти «затруднения» и даже сделать исправительный процесс более легким (по сравнению со здоровыми осужденными). Поэтому и возникает необходимость применения лечебно-психокоррекционных мероприятий по отношению к таким осужденным: если в механизм преступного деяния значительный вклад внесло их психическое расстройство, то «излечение» или «улучшение психического состояния» может снизить вероятность повторения аналогичных криминальных действий и тем самым способствовать предупреждению совершения лицами с психическими аномалиями новых деяний» [25, с. 89]. Хотя психологической службой ФСИН России совместно с пенитенциарными психиатрами и принимаются определенные меры в данном направлении [11], однако представляется, что в настоящее время это по-прежнему одна из наименее проработанных сфер в социальном лечении осужденных. Более того, проблема усугубилась в связи с постоянным увеличением численности такой категории осужденных как «ограниченно вменяемые».

Общество озабочено ростом численности осужденных, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Многие преступления в данной сфере сопряжены с высоким риском повторных преступлений. Поэтому накопленный опыт изучения психологических и клинических детерминант насильственных действий сексуального характера, а также разработка прогноза поведения данных лиц после освобождения из мест лишения свободы имеет важное значение для снижения уровня рецидива [6].

Весьма остро стоит проблема оценки факторов риска применительно к категории несовершеннолетних правонарушителей. Инновационной работой можно считать аналитический обзор, подготовленный группой научных сотрудников

отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних ФГУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию» под руководством доктора психологических наук, профессора Е.Г. Дозорцевой [8]. Представленные в обзоре методики основаны на реализации как актуарного, так и клинического подходов. При этом прослеживается тенденция совмещения двух подходов. При вынесении клинического заключения учитываются факторы риска, выявленные с помощью актуарной шкалы, и, наоборот, актуарные шкалы часто включают и криминально-значимые свойства личности, которые заполняют психиатры и клинические психологи.

Достаточно глубокое исследование, направленное на изучение факторов риска рецидива несовершеннолетних правонарушителей, проведено Н.Г. Назаровой и Д.С. Ошевским [15]. Весомыми факторами риска являются негативный семейный контекст, в котором воспитывается несовершеннолетний, а также включение подростка в группу диссоциальных сверстников, в которых легко усваиваются криминальные установки. Другими словами, авторы акцентировали наше внимание на социально-психологические условия, в которых развивается личность.

В уголовно-исполнительном законодательстве (ч.1 ст.175 УИК РФ) отмечается, что в ходатайстве об условно-досрочном освобождении осужденного «должны содержаться сведения, свидетельствующие о том, что для дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, поскольку в период отбывания наказания он частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, раскаялся в совершенном деянии, а также могут содержаться иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного».

Таким образом, основная парадигма отечественной пенитенциарной науки и практики при условно-досрочном освобождении осужденных – *это определение критериев их исправления*. В отличие от этого научная парадигма большинства зарубежных государств – *определение факторов риска криминального поведения (рецидивизма)*. С позиций гуманистического подхода отечественная парадигма более предпочтительна, так как ориентирована на принцип исправимости, веру в потенциальные возможности развития личности. Вместе с тем, она идеализирована и как бы не допускает даже мысли, что хотя человек вел себя положительно в местах лишения свободы, раскаялся в содеянном, загладил вину, в силу неблагоприятных жизненных условий может совершить новое преступление. Концепция оценки риска рецидива более прагматична, чем концепция оценки показателей исправимости личности осужденного для прогноза поведения человека после освобождения.

Выводы. Потребность общества в снижении рецидива и возвращении лиц, освободившихся из мест лишения свободы к законопослушному образу жизни, вызывает необходимость более активного участия психологов в оценке факторов риска повторной преступности и разработке целевых программ ресоциализации бывших осужденных.

Литература

1. *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследования преступлений. – М.: Юристъ, 1996.
2. *Бартол К.* Психология криминального поведения. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – С.331.
3. *Березин Ф.Б. и др.* Методика многостороннего исследования личности. – М.: Медицина, 1976.
4. *Блекборн Р.* Психология криминального поведения. – СПб.: Питер, 2004. – 596с.
5. *Дебольский М.Г., Васищев А.А. и др.* Психодиагностика в уголовно-исполнительной системе. – М.: НИИ ФСИН России, 2008. – 268 с.
6. *Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К.* Половое самосознание и методы его диагностики: учеб.пособие – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 216.
7. *Зельдов З.И.* Освобождение от наказания и от его отбывания. – М., 1982.
8. Клинико-психологические методы оценки риска совершения агрессивных действий.– М.: ФГУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского», 2008.
9. *Койл Э.* Подход к управлению тюрьмой с позиций прав человека: Пособие для тюремного персонала. – Лондон: Международный центр тюремных исследований, 2002. – 156 с.
10. Методические рекомендации по проведению психодиагностического обследования осужденных (находящихся в карантине исправительного учреждения, представляемых к переводу в колонию-поселение, обратившихся в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении) /Руководитель авторского коллектива М.Г. Дебольский. – М.: ФСИН России, 2008. – 93 с.
11. Методические рекомендации по работе с осужденными «группы риска», имеющими психические аномалии. – М.: ФСИН России, 2005. – 36с.
12. Методические рекомендации «Система оценки осужденных, освобождающихся условно-досрочно». Практическое пособие. – Самара, 2010. – 51 с.
13. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Одобрены экономическим и социальным советом ООН в резолюциях от 31 июля 1957 г. и от 13 мая 1977 г. //Защита прав человека в местах лишения свободы. – М.: Юриспруденция, 2003. – С. 38–54.
14. *Мухина В.С.* Отчужденные: абсолют отчуждения. М.: Прометей, 2009. – 704 с.

15. Назарова Н.Г., Ошевский Д.С. Психологические факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних осужденных / Юридическая психология. № 4. 2013. – С.15–19.
16. Ной И.С. О целях наказания в советском уголовном праве // Вопросы уголовного права и процесса. Сб.ст. Вып. 2. Минск, 1960.
17. Пенитенциарная криминология: учебник /под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко. – Рязань, Академия ФСИН России, 2009. – 567 с.
18. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. – М.: Ось-89, 2001. – 702 с.
19. Реформы: планы, тактика, стратегия // Преступление и наказание: общественно-политический и научно-методический пенитенциарный журнал. 2009. № 12. С.6.
20. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии/Пер. с англ. В.В.Румынского; под ред. Е.Н.Емельянова, В.С.Могуна. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 429 с.
21. Система Оценки Правонарушителя (СисОП). – М.: PRI, 2005. – 256 с.
22. Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ). – М., 1990.
23. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2013.
24. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2013.
25. Шишков С.Н., Сафуанов Ф.С. Влияние психических аномалий на способность быть субъектом уголовной ответственности и субъектом отбывания наказания. //Государство и право. 1994. № 2.
26. www.fsin.su/structura.../statistika (На 3.03. 2014 г.).

The problem of crime repetition risk after early release on parole

Debolskiy M.G., Ph.D. in Psychology, Professor, Chair of Legal Psychology and Law, Moscow State University of Psychology and Education; Leading Research Associate, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (mdebolsky@mail.ru)

We examined the psychological problems encountered in the implementation of such an important legal institution as release on parole. We show the progressiveness of the measure, its stimulating effect on the law-abiding behavior of the convicts in prison. However, analysis of the practice of parole reveals a number of problems: high level of crime repetition; presence of a large proportion of convicts (60%) who did not use their right to parole; a large number of disagreements between the administration of correctional institutions and the courts in assessing the degree of correction and deciding on parole; absence of unambiguous criteria of correction. We paid considerable attention to the analysis of the conceptual approaches that underpin the practice of early release of convicts in Russia and abroad. The advantages of the domestic concept are assessment of the degree of correction, and its humanistic orientation. We also describe the history of development and maintenance of foreign concepts in evaluating risk factors for parole prisoners. The author believes that the domestic and international approaches are interrelated, but the latter is more pragmatic and focused on the prediction of human behavior at large, taking into account his capacity to meet basic needs (both vital and social). The article shows the experience of applied research aimed at understanding the system of recidivism risk assessment and opportunities of repetition risk reduction in parole prisoners.

Keywords: convict, parole, risk factors, relapse, corrections criteria, resocialization, psychological help, psychological adjustment, actuarial approach, clinical approach.

References

1. *Antonjan Ju.M., Enikeev M.I., Jeminov V.E.* Psihologija prestupnika i rassledovaniya prestuplenij. – M.: Jurist#, 1996.
2. *Bartol K.* Psihologija kriminal'nogo povedeniya. – SPb.: prajm-EVROZNAK, 2004. – S.331.
3. *Berezin F.B. i dr.* Metodika mnogostoronnego issledovaniya lichnosti. – M.: Medicina, 1976.
4. *Blekborn R.* Psihologija kriminal'nogo povedeniya. – SPb.: Piter, 2004. – 596s.

5. *Debol'skij M.G., Vasishhev A.A. i dr.* Psihodiagnostika v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme. – M.: NII FSIN Rossii, 2008. – 268 s.
6. *Dvorjanchikov N.V., Nosov S.S., Salamova D.K.* Polovoe samosoznanie i metody ego diagnostiki: ucheb.posobie – M.: FLINTA: Nauka, 2011. – 216.
7. *Zel'dov Z.I.* Osvobozhdenie ot nakazaniya i ot ego otbyvaniya. – M., 1982.
8. Kliniko-psihologicheskie metody ocenki riska sovershenija agressivnyh dejstvij.– M.: FGU «Gosudarstvennyj nauchnyj centr social'noj i sudebnoj psihiatrii im. V.P.Serbskogo», 2008.
9. *Kojl Je.* Podhod k upravleniju tjur'moj s pozicij prav cheloveka: Posobie dlja tjuremnogo personala. – London: Mezhdunarodnyj centr tjuremnyh issledovanij, 2002. – 156 s.
10. Metodicheskie rekomendacii po provedeniju psihodiagnosticheskogo obsledovanija osuzhdennyh (nahodjashhihsja v karantine ispravitel'nogo uchrezhdenija, predstavljajemyh k perevodu v koloniju-poselenie, obrativshihsj v sud s hodatajstvom ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii) /Rukovoditel' avtorskogo kollektiva M.G. Debol'skij. – M.: FSIN Rossii, 2008. – 93 s.
11. Metodicheskie rekomendacii po rabote s osuzhdjonnymi «gruppy riska», imejushhimi psihicheskie anomalii. – M.: FSIN Rossii, 2005. – 36s.
12. Metodicheskie rekomendacii «Sistema ocenki osuzhdjonyh, osvobozhdajushhihsja uslovno-dosrochno». Prakticheskoe posobie. – Samara, 2010. – 51 s.
13. Minimal'nye standartnye pravila obrashhenija s zakljuchjonnymi. Odobreny jekonomicheskim i social'nym sovetom OON v rezoljucijah ot 31 ijulja 1957 g. i ot 13 maja 1977 g.//Zashhita prav cheloveka v mestah lishenija svobody. – M.: Jurisprudencija, 2003. – S. 38–54.
14. *Muhina V.S.* Otchuzhdennye: absoljut otchuzhdenija. M.: Prometej, 2009. – 704 s.
15. *Nazarova N.G., Oshevskij D.S.* Psihologicheskie faktory riska agressivnogo povedenija u nesovershennoletnih osuzhdennyh / Juridicheskaja psihologija. № 4. 2013. – S.15–19.
16. *Noj I.S.* O celjah nakazaniya v sovetskom ugolovnom prave // Voprosy ugolovnogo prava i processa. Sb.st. Vyp. 2. Minsk, 1960.
17. Penitenciarnaja kriminologija: uchebnik /pod red. Ju.M. Antonjana, A.Ja. Grishko. – Rjazan', Akademija FSIN Rossii, 2009. – 567 s.
18. *Pirozhkov V.F.* Kriminal'naja psihologija. – M.: Os'-89, 2001. – 702 s.

19. Reformy: plany, taktika, strategija // Prestuplenie i nakazanie: obshhestvenno-politicheskij i nauchno-metodicheskij penitencijarnyj zhurnal. 2009. № 12. S.6.
20. *Ross L., Nisbett R.* Chelovek i situacija. Perspektivy social'noj psihologii/Per. s angl. V.V.Rumynskogo; pod red. E.N.Emel'janova, V.S.Moguna. – M.: Aspekt Press, 1999. – 429 s.
21. Sistema Ocenki Pravonarushitelja (SisOP). – M.: PRI, 2005. – 256 s.
22. *Sobchik L.N.* Standartizirovannyj mnogofaktornyj metod issledovanija lichnosti (SMIL). – M., 1990.
23. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii. – M., 2013.
24. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii. – M., 2013.
25. *Shishkov S.N., Safuanov F.S.* Vlijanie psihicheskikh anomalij na sposobnost' byt' sub#ektom ugolovnoj otvetstvennosti i sub#ektom otbyvanija nakazanija. //Gosudarstvo i pravo. 1994. № 2.
26. www.fsin.su/structura.../statistika (Na 3.03. 2014 g.).

Опыт работы сотрудников в пенитенциарной системе Швейцарской Конфедерации

Дорошенко И.С., кандидат психологических наук, начальник психологической службы УФСИН России по Тульской области, подполковник внутренней службы (doroshenko_tula@mail.ru)

Представлена численность осужденных, в том числе несовершеннолетних в Швейцарии, указаны типы учреждений уголовно-исполнительной системы. Проанализированы основные принципы уголовного законодательства и педагогические принципы деятельности Центра применения воспитательных мер в отношении несовершеннолетних. Показаны основные задачи Центра: развитие личности, проведение терапии, школьное образование, профессиональное обучение. На примере Центров применения воспитательных мер в Уитиконе и в Нойхофф проанализировано соотношение несовершеннолетних осужденных и воспитателей, рассмотрена модель деятельности Центров, показана система поощрения и наказания, условия проживания и санитарные нормы несовершеннолетних и лиц молодежного возраста (до 25 лет). Автором представлены фотографии, которые дают наглядные представления об условиях проживания в жилой комнате, спортивных сооружениях, мастерских.

Статья имеет важное значение для сотрудников уголовно-исполнительной системы России и всех, кто интересуется проблемой профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, учитывая, что в нашей стране осуществляется реорганизация воспитательных колоний и многие элементы деятельности Центров пенитенциарной системы Швейцарской Конфедерации внедряются и в России.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, исправление, наказание, профессиональная подготовка, психотерапия, условия проживания, конфронтационная педагогика.

В уголовно-исполнительной системе Швейцарской Конфедерации отбывают наказание 6084 взрослых осужденных и около 1200 несовершеннолетних. Уголовная ответственность несовершеннолетних с 2001 года наступает с 10 лет, до 2001 года наступала с 7 лет. Всего 114 учреждений с лимитом наполнения 6683. Лимит наполнения рассчитывается: 87 мест на 100 000 жителей Кантона. Фактически содержится 80 человек на 100 000 жителей. Иностранцев граждан 70,2 %, женщин – 6,1 %. В отдельных учреждениях более 80 % иностранцев. Больше иностранцев в учреждениях закрытого типа.

Типы учреждений:

- открытые учреждения исполнения наказаний с самым низким уровнем охраны;
- закрытые учреждения с высоким уровнем охраны;
- учреждения с полуоткрытым режимом – небольшие сроки наказания, осужденные могут продолжать работать на своем рабочем месте, но на ночь обязаны приходить в учреждение;
- учреждения для работы вне места отбывания наказания – перед УДО, перед освобождением;
- учреждения превентивных мер;
- специализированные центры для психиатрически больных, осужденных с зависимостями, для несовершеннолетних и молодых взрослых.

30 учреждений для исполнения уголовных наказаний и превентивных мер на 3000 мест, 85 следственных изоляторов, 2 учреждения с лимитом наполнения более 300 мест.

Уголовное законодательство имеет гуманистическую направленность. Так, в статье 74 УК Швейцарской Конфедерации отмечается: «В местах лишения свободы необходимо уважать человеческое достоинство». В статье 75, абз.1 указано:

- уголовное наказание должно способствовать ресоциализации заключенных, в особенности развивать их способности не совершать правонарушения;
- соответствует условиям жизни на свободе;
- гарантирует получение психологического, медицинского сопровождения, обучение необходимым навыкам;
- профилактирует противоправные действия в период отбывания наказания;
- обеспечивает безопасность персонала, общества и других осужденных.

С 2007 года в Швейцарской Конфедерации действует отдельный Закон об учреждениях для несовершеннолетних. На первом плане в этих учреждениях – защита и воспитание несовершеннолетних. При вынесении приговора Ювенальный судья обращает внимание не на характер совершенного преступления, а на личностные особенности несовершеннолетнего, на профилактику рецидива преступления. Лишение свободы несовершеннолетнего – крайняя мера. Место отбывания наказания определяет судья, вместе с этим назначаются психотерапевтические программы, обязательные для прохождения. При условии прохождения назначенных программ комиссия рассматривает возможность досрочного освобождения. Сроки, назначаемые для отбывания наказания несовершеннолетним, – от 1 до 4 лет. Максимальные сроки назначаются для

больных психиатрическими заболеваниями. Главной задачей содержания психиатрически больных является не исполнение уголовных наказаний, а обеспечение условий изоляции.

90 % учреждений для несовершеннолетних и молодых взрослых по поручению Канкордата находятся в частных руках и датируются из Федерального бюджета.

Особенностью Центра применения воспитательных мер в Уитиконе является применение конфронтационной педагогики (педагогика столкновений).

В Центре содержатся несовершеннолетние с 16 лет (сроки от 1 до 4 лет) и молодые взрослые до 25 лет (сроки от 4 до 6 лет). Осужденные размещаются в 3 отделениях: закрытом, полуоткрытом и в открытом. В Центре 64 места для осужденных и 85 человек персонала.

Основные задачи Центра: развитие личности, проведение терапии, школьное образование, профессиональное обучение.

Основной принцип Центра – Мы уважаем тебя как Личность, но твоё деяние не заслуживает уважения и наказывается.

Успех конфронтационной педагогики – не внешняя вежливость, а ответственность за свои действия, за себя.

В закрытом отделении осужденные проживают по 1 человеку в комнате.

Рис.1. Комната осужденного

Значительное внимание уделяется в Центре физическому развитию несовершеннолетних и молодых взрослых, отбывающих наказание. Оборудованы тренажерные классы и залы для занятий игровыми видами спорта.

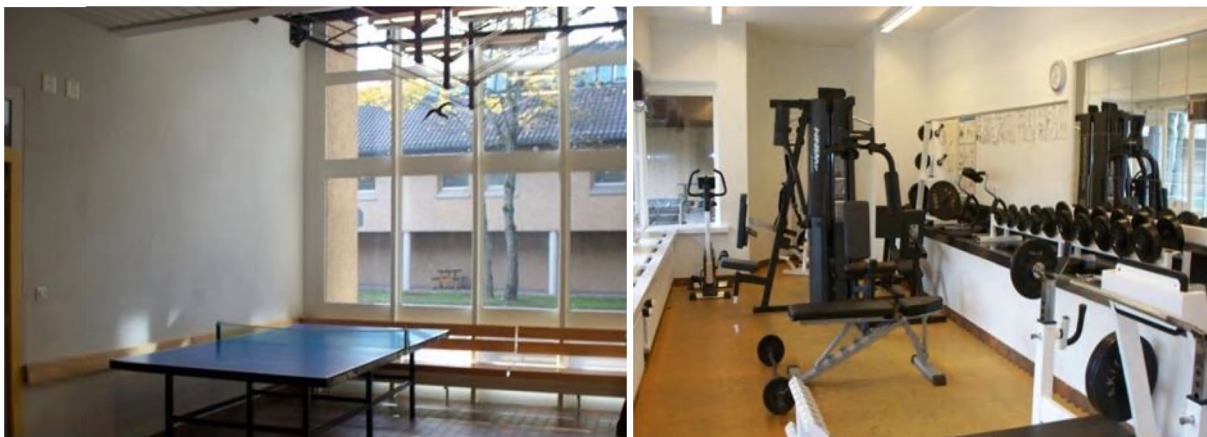

Рис. 2. Классы для занятий спортом

Осужденные формируются в группы по 4–6 человек, работают с группой 2 социальных педагога. Занятия направлены на осознание: почему осужденный содержится в закрытом отделении, почему ему назначено именно это наказание. Через 3–4 месяца проводится повторное заседание комиссии, которая рассматривает возможность перевода в полуоткрытое отделение. Весь персонал информируется о проводимых мероприятиях, осужденный присутствует на заседаниях комиссий, где зачитывается его психологическая характеристика, рассматривается его поведение и оговариваются условия перевода или продолжение содержания на прежнем режиме. Работа в тренинговых группах заканчивается экзаменом, на котором осужденный должен показать, как он может избегать и противостоять рискам совершения повторных преступлений. Далее переход в открытое отделение на аналогичных условиях и подготовка к освобождению. Следующий этап – окончательное собеседование с директором Центра и прощание.

Наказания, применяемые в Центре: до 5 суток изолятора, арест в комнате до 48 часов, лишение выхода на ночь к родственникам за пределы Центра.

Санитарные нормы на 1 осужденного – 11,5 м² жилой площади + отдельный санузел. В комнате на 2 осужденных не менее 16 м² жилой площади.

Все осужденные заняты обучением в школе, работой на производстве и в творческих мастерских. Основные специальности на производстве – металлообработка, деревообработка, изготовление мебели, садоводство, виноградарство, флористика.

Рис. 3. Производственные мастерские

Молодежный Центр воспитательных мер в Калхрайне специализируется на сельскохозяйственных работах: животноводство, земледелие, садоводство, виноградарство, флористика, металлообработка, деревообработка, участок автосервиса. Особое внимание уделяется развитию творческих способностей

Рис. 4. Творческие мастерские

В Центре 59 мест для осужденных и 69 сотрудников, содержатся осужденные 17–25 лет. Состав осужденных многонациональный, много мусульман с Балкан. В год 30–40 осужденных убегают из Центра, 1/3 возвращаются самостоятельно, остальных разыскивает полиция. Принцип Центра – деэскалация – снятие напряжения, отношения строятся на доверии. Только визуальное наблюдение, нет камер видеонаблюдения.

Санитарная норма на одного осужденного 12 м². В закрытом отделении осужденные содержатся по одному в комнате, в полуоткрытом по 1, 2, 3 человека в комнате, в открытом отделении по одному.

Основная задача при назначении меры воздействия – профессиональная ориентация и профессиональное обучение. При поступлении в учреждение осужденные от 2 до 6 месяцев содержатся в карантине. В это время определяются психотерапевтические программы, обязательные для прохождения, меры воздействия, направленность профессионального обучения. Предприятия, на которых обучаются осужденные, являются самостоятельными предприятиями с годовой прибылью 3–3,5млн. франков, сами размещают заказы, продают свою продукцию. Одно предприятие – 110 га – сельскохозяйственное предприятие. Все осужденные обязаны 6–7 недель отработать в сельском хозяйстве, даже если профориентация говорит о другой направленности обучения. В учреждении 13 программ профессионального обучения: металлообработка, деревообработка, изготовление мебели, виноградарство, автосервис, малярные и творческие мастерские. Есть виноградники, лицензированы две торговые марки вина.

Наказание, которое применяется в Центре, – до 7 суток изолятора. Если необходимо – содержание более 7 суток.

Зарплата персонала 5–6,5 тысяч франков в месяц. В конце года дополнительная зарплата в зависимости от прибыли и от вклада каждого сотрудника в производство.

В закрытом отделении завтраки, обеды и ужины привозят с кухни, в полуоткрытом и открытом отделениях готовят сами осужденные, продукты покупают на свои деньги. С кухни обеды возят в школу поселка – прибыль 300 тысяч франков в год.

В первый год обучения на производстве зарплата осужденного составляет 300 франков в месяц, во второй – 500 франков, в третий-четвертый годы 800–850 франков. Три года обучения – специальное профессиональное образование, четыре – полное профессиональное. Все оборудование предприятий в собственности Центра.

Первый отпуск может быть предоставлен после трех месяцев хорошего поведения в карантине. Телефонные переговоры предоставляются осужденным по стационарному телефону без ограничений.

8 часов в сутки осужденные заняты обучением в школе или на производстве. В остальное время занимаются в творческих мастерских, принимают участие в воспитательных или психотерапевтических программах.

В Центре Песталлоци в Нойхоффе 73 сотрудника и 40 воспитанников. Учреждение ориентировано на обучение конкретным профессиям и развитие творческого потенциала личности. Данное учреждение открытого типа. Принадлежит учреждению Фонду Песталлоци «Нойхоф» с 1914 года.

Осужденные находятся в учреждении от 2,5 до 3,5 лет, возраст осужденных 15–22 года. Проживание в жилых группах по 10 человек (1 дом). С 23 00 до 6 00 дом закрывается. Размещение производится по мере освобождения мест в группе,

социальные и личностные факторы не учитываются. Содержание одного воспитанника в учреждении стоит 400 франков в день. Отбывают наказание только немецко-говорящие воспитанники. Основная задача учреждения – социальная и профессиональная реинтеграция, создание мотивации на обучение и самообслуживание в повседневной жизни. Наличие мотивации на получение определенной профессии – основной фактор для ювенального судьи при решении вопроса выбора учреждения для отбывания наказания конкретного несовершеннолетнего. Минимальный испытательный срок – адаптация к условиям учреждения – 2 недели с момента поступления в учреждение. Пробный период на производстве – оценка профессиональных навыков и способности к обучению определенным специальностям – 3 месяца. Далее комиссионно сотрудники учреждения и ювенальный судья принимают решение в присутствии несовершеннолетнего. Личное дело открыто и с ним могут познакомиться родственники осужденного и сам несовершеннолетний в присутствии сотрудников учреждения. После испытательного срока наступает фаза профориентации, которая длится до одного года, когда осужденный может поменять выбранную профессию. Профессиональное обучение длится от 2 до 4 лет. Если на момент освобождения профессиональное обучение не завершено, срок пребывания в Центре продлевается. 4 социальных педагога закрепляются за конкретной группой проживания. В учреждении имеется один штатный психолог, который приглашается по мере необходимости. Психологическое сопровождение персонала не предусмотрено. При необходимости получения психиатрической помощи осужденный направляется к психиатру за пределами учреждения.

Действует ступенчатая система проживания.

1-я ступень – проживание в жилых группах по два человека в комнате.

2-я – проживание по одному в миниквартире, но в том же доме.

3-я – Центр снимает квартиру для проживания осужденных в городе под контролем своих сотрудников.

Перевод на следующую ступень – поощрение, нет жесткого срока для прохождения ступеней. Перевод зависит от уровня самостоятельности осужденного.

Производственные специальности: малярная мастерская, металлообработка, деревообработка, повар-кондитер, ландшафтный архитектор, садовник-цветовод, флорист. Директор предприятия – он же мастер производственного обучения, сам размещает заказы, сам закупает материал, сам считает прибыль.

Рис. 5. Оборудование производственных мастерских

Зарплата социальных педагогов и мастеров выше, чем в гражданских учреждениях. Отбор персонала осуществляется на конкурсной основе.

Во время визита в Швейцарскую Конфедерацию состоялось короткое профессиональное общение с психологом Марион Декос и психиатром Корнелией Бесслер.

У всех психологов, работающих в пенитенциарной системе Швейцарии, образование – клинический психолог. Марион Декос использует в своей работе современный психоанализ, когнитивную терапию и семейную системную психотерапию. Психологам запрещено использовать более трех психотерапевтических техник, по которым имеются сертификаты. Программы, по которым работают психологи, назначаются к обязательному прохождению ювенальным судьей.

Психиатр – не сотрудник учреждения, работает в пенитенциарных учреждениях по решению судьи. Возможны консультации по запросу администрации учреждения. Психиатр Корнелия Бесслер – криминальный психиатр, в настоящий момент работает над программой «Развитие эмоциональных компетенций», являющейся практическим руководством для психотерапевтов (теория и практика).

На основе (взята модель воспитательного центра Уитикон) изучения опыта работы учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Швейцарской Конфедерации во ФСИН России разработана модель воспитательного центра, которая в настоящее время проходит апробацию в УИС пяти регионов.

В настоящее время изменена нагрузка на психологов, работающих с несовершеннолетними воспитанниками, со 100 до 16–30 несовершеннолетних на одного психолога. Введены и комплектуются дополнительные должности, за каждым психологом закрепляется один сектор – 16 человек. Несовершеннолетние будут проживать в комнатах по четыре человека. За каждым сектором закрепляются социальные педагоги и социальные работники. В настоящее время создаются специальные программы психологического сопровождения, которые планируются для обязательного прохождения. В учреждениях проходит этап строительства и капитального ремонта помещений в соответствии с новыми требованиями.

Experience of the Swiss Confederation penitentiary system employees

Doroshenko I.S., Ph.D. in Psychology, Chief of Psychological Services, Department of Federal Penitentiary Service of Russia in the Tula region, lieutenant colonel of internal service, (doroshenko_tula@mail.ru)

We present the number of convicted persons, including minors, in Switzerland, the types of institutions of its penitentiary system. We analyzed the basic principles of criminal law and pedagogical principles of the Center of educational measures application for juveniles. We show the basic objectives of the Center: personal development, therapy, school education, vocational training. On the examples of the Centers of educational measures application in Uitikon and Neuhof, we analyze the ratio of convicted juveniles and educators, consider a model of the Centers' activity, show the system of rewards and punishments, living conditions and health standards for minors and youth (aged up to 25 years). The author presents photos that give visual representations of the living conditions in a living room, sports facilities, workrooms.

The article is important for the employees of the penitentiary system in Russia and all those interested in issues of prevention of deviant behavior of minors, given that in our country the reorganization of correctional facilities is carried out, and many elements of the Centers of the penitentiary system of the Swiss Confederation and implemented in Russia.

Keywords: juvenile offenders, correction, punishment, vocational training, psychotherapy, living conditions, confrontational pedagogy.

Осужденные к пожизненному лишению свободы: социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика, а также особенности психологического сопровождения

Екимова В.И., доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии МГППУ (iropse@mail.ru)

Кокурина И.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории управления факультета государственного и муниципального управления МГППУ (i.kokurina@bk.ru)

Кокурин А.В., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии МГППУ, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права МГЮА им. О.Е. Кутафина (kokurin1@bk.ru)

Материалы статьи отражают точку зрения авторов на современные проблемы, связанные с психологическим сопровождением лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы. Основное направление психологического сопровождения – сохранение психического здоровья пожизненно осужденного, с одной стороны, и оказание профессиональной помощи сотрудникам, обеспечивающим реализацию данного вида лишения свободы, с другой. Актуальность разработки комплексного подхода к психологическому сопровождению индивидуально-профилактической работы с осужденными, отбывающими пожизненное лишение свободы, подчеркивается отсутствием подобного как отечественного, так и зарубежного опыта.

Ключевые слова: методика и методология глубинного изучения личности; личность осужденного к пожизненному лишению свободы; комплексный подход; психологическое сопровождение.

Специальная перепись осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведенная в ноябре 2009 года [1], позволила дать разносторонний качественный анализ, в том числе и такой категории отбывающих наказание лиц, как осужденные к пожизненному лишению свободы.

Общая численность таких осужденных в России к 2015 году может составить около 2000 человек [2, с. 3].

В отличие от других категорий лиц, ставших объектами специальной переписи в соотношении один к десяти или один к двум, переписные листы были заполнены на каждого несовершеннолетнего, содержащегося в ВК, и на каждого осужденного, отбывающего пожизненное лишение свободы. Это позволило существенно повысить достоверность результатов исследования.

Усредненная **социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы**, полученная в результате анализа материалов специальной переписи, будет выглядеть следующим образом.

Социально-демографическая характеристика

Это мужчина от 30 до 50 лет (74,2 % от всех осужденных к пожизненному лишению свободы); гражданин России (96,2 %); имеющий среднее (полное, неполное или профессиональное) образование (91,2 %); до осуждения нигде не работавший (54,2 %) или рабочий (30,3 %). Такой осужденный не состоял в браке (70,4 %) либо состоял, но семья распалась (18,4 %). Считает себя верующим (81,8 %), чаще всего – православным или христианином другой конфессии – 70,6 %, (хотя почти каждый пятый (18,2 %) – неверующий).

Медицинская характеристика

В 94,6 % случаев осужденному к пожизненному лишению свободы не назначено обязательное лечение (но 3,1 % осужденных данной категории назначено лечение как больным алкоголизмом, 1,7 % – туберкулезом, 0,4 % – наркоманией, по 0,1 % – токсикоманией и ВИЧ-инфекцией).

Он не страдает психическим расстройством, не исключая вменяемости (92,2 %), не болен ВИЧ-инфекцией (99,4 %) и туберкулезом (69,1 %), не состоит и не состоял на учете как потребитель наркотиков (98,1 %).

Уголовно-правовая характеристика

50,6 % осужденных к пожизненному лишению свободы совершили преступление в соучастии. Из их числа 52,8 % лиц являлись исполнителями, 37,7 % – организаторами, 7,5 % – пособниками и 2,0 % – подстрекателями.

Каждый пятый (20,4 %) осужденный данной категории совершил преступление в составе организованной группы или преступного сообщества.

Осужденный к пожизненному лишению свободы, чаще всего, не совершил преступление во время отбывания наказания (94,3 %).

Такой осужденный отбывает, как правило, первую (49,1 %) судимость (вторую – 27,2 %, третью – 12,8 %).

76,6 % осужденных данной категории не признаны совершившими преступление при особо опасном рецидиве, но признана совершившими такие преступления почти пятая их часть (19,0 %).

В 52,4 % случаев такие лица изначально осуждены к пожизненному лишению свободы, в 47,6 % случаев первоначально были приговорены к смертной казни.

Большинство осужденных к пожизненному лишению свободы имеют фактически отбывтый срок свыше 10 лет – 62,3 % (11,9 % – от 8 до 10 лет, 15,2 % – от 5 до 8 лет).

Большая часть таких осужденных ранее отбывала наказание в виде лишения свободы, но досрочно не освобождалась (73,6 %). Освобождались ранее условно-досрочно – 18,7 % лиц данной категории.

Уголовно-исполнительная характеристика

Осужденный к пожизненному лишению свободы в 95,5 % случаев отбывает наказание в исправительной колонии, причем в другом субъекте РФ, не по месту жительства и не по месту осуждения (91,1 %), еще в 5,3 % случаев – не в том районе (городе), но в том же субъекте Российской Федерации, где имел постоянное место жительства.

Обычно такой осужденный отбывает наказание в строгих условиях – 68,6 % (19,7 % – в обычных; 9,9 % – в облегченных условиях).

По общему правилу, осужденный данной категории трудоспособен (85,3 %). Если работает (30,5 %) – то, в основном, на швейном производстве (79,1 % от всех работающих лиц данной категории).

Администрацией осужденный к пожизненному лишению свободы, как правило, характеризуется отрицательно (48,2 %) или нейтрально (42,1 %) [2, с. 92–96].

Анализ указанных выше различных составляющих характеристики осужденного к пожизненному лишению свободы все же не дает нам ответ на вопросы: «Можем ли мы прогнозировать поведение данного осужденного?», «Способен ли он в случае условно-досрочного освобождения быть интегрирован в «открытое» общество?», «Каковы особенности его психологического сопровождения в исправительном учреждении?»

При ответе на эти вопросы необходимо обратиться к психологической характеристике данной категории осужденных.

Психологическая характеристика осужденных к пожизненному лишению свободы

Немаловажное значение для психологической характеристики данной категории осужденных имеют сведения о том, в полной или неполной семье они воспитывались. В силу специфики специальных переписей осужденных 1999 и 2009 годов такая информация анализировалась только применительно к несовершеннолетним, отбывающим наказание в воспитательных колониях [3, с. 12–18]. Тем не менее, она важна для пенитенциарных психологов, сопровождающих данную категорию осужденных, что подтверждается и учеными, работающими в этой отрасли науки [4, с. 51–60]. Косвенно воспитание в неполной семье в качестве криминогенного фактора оценивается и самими осужденными.

Андрей Х., осужденный к пожизненному лишению свободы: *«За время тринадцатилетнего пребывания в условиях тюремного заключения около 90 % осужденных, с которыми мне довелось столкнуться, происходили из неполных семей. Для них самой благоприятной социальной обстановкой являлась УЛИЦА. Хочу отметить, что большинство сетовали вполне откровенно: «Эх, если бы жив был отец...» или «Если бы у меня был отец...» [5, с. 230].*

Исследованиями установлено, что к негативным качествам личности, наиболее часто встречающимся у совершивших разбой и убийства, относятся: 1 – застревание аффекта (ригидность); 2 – импульсивность; 3 – подозрительность; 4 – злопамятство; 5 – гиперчувствительность к межличностным отношениям; 6 – авторитарность; цинизм; 8 – отчужденность; 9 – социальная дезадаптивность [4, с. 56].

По мнению доктора психологических наук, профессора В.С. Мухиной, с психологической точки зрения лица, совершившие аналогичные преступления и осужденные впоследствии к пожизненному лишению свободы, по своим рефлексиям и эмоциям по поводу содеянного принципиально отличаются друг от друга.

Так, исполнение умышленного убийства ради достижения конкретной цели (кража или убийство по найму) может быть причислено к категории инструментальной агрессии. Такие убийцы абсолютно отчуждены от жертвы. Они редко раскаиваются в своих преступлениях. Психологически они были заняты инструментальными действиями. Убийство жертвы было не результатом личной неприязни, а достижением преступной цели. Отбывая пожизненное лишение свободы, малое число из этой категории убийц приходит к настоящему раскаиванию из-за убийства других людей.

Социопатические личности, совершающие из-за необузданного гнева убийства, приводящие к лишению жизни родных, друзей, знакомых, могут быть причислены к категории эмоциональных агрессоров. При конфликте формируется новый тип взаимодействия между эмоциональным агрессором и жертвами. Эмоциональная агрессия либо возникает ситуативно, мгновенно (в ситуациях спонтанных конфликтов, в ситуации алкогольного опьянения) или накапливается исподволь, долговременно (в ситуациях фоновой депривации, выяснения отношений, долготерпения и сдерживания негативных эмоций).

Эта категория убийств отличается тем, что подавляющее большинство эмоциональных агрессоров никогда не забывают о происходивших когда-то конфликтах. Как правило, они отчуждены, но эмоционально фиксированы на ситуации своего преступления. Лишь в исключительных случаях они приходят к покаянию и стремлению искупить свою вину.

Если в нормальной жизни в социуме наблюдается тенденция к усилению и развитию признаков позитивных достижений личности, постепенное усиление качеств и свойств таких признаков, то условия содержания осужденных к пожизненному лишению свободы в большинстве случаев приводят к деградации личности.

Пожизненное осуждение – условие как десоциализации, так и ресоциализации. Десоциализация заключается в утрате сложившихся прежде социальных навыков, способов общения и ценностных ориентаций. Ресоциализация – в приобретении новых навыков, способов общения и ценностных ориентаций: с человеком происходят радикальные перемены не только в образе жизни, но и в образе мышления, помыслов и чаяний [5, с. 94–95].

По результатам специальной переписи осужденных 2009 года, на профилактическом учете у психологов состоят 25 % осужденных к пожизненному лишению свободы. Это осужденные, склонные к побегу, нападению на сотрудников исправительных учреждений, захвату заложников, с высоким риском суицидального поведения и нанесения самоповреждений, с выраженными психопатическими чертами и т. д.

Кроме того, около половины (49,1 %) осужденных к пожизненному лишению свободы характеризуются отрицательно или являются злостными нарушителями режима. Поэтому они – объекты более пристального внимания со стороны психологов в целях предотвращения с их стороны нарушений режима содержания.

Как уже отмечалось выше, 81,8 % осужденных данной категории идентифицируют себя как исповедующих ту или иную религию, в основном христианство (70,6 %). В то же время, определенная часть из них придерживается взглядов, более характерных для разного рода сект, чем традиционных религий, тяготеет к мистике. Активно отыскиваются способы общения с людьми из «внешнего мира», однако примерно 10–15 % осужденных избегают каких-либо контактов, «ушли в себя», у многих из них проявляется так называемый «ситуативный аутизм» [6, с. 120].

В качестве примера приведем высказывания осужденных к пожизненному лишению свободы: *«Люди, попав в такие условия, как правило, психологически ломаются от того, как к ним относятся. Когда от них отрекаются, выживают единицы, хоть и с небольшим отклонением в психике»; «Человек может разговаривать сам с собой, не обращая на сокамерников внимания; это уже сдвиг..., ночью кричит, с такими тяжело в камере». Состояние «замкнутости» у осужденных характеризуется специфическим жаргоном: «гонит», «чудит», «клинит», «крыша поехала», «башню сорвало» и т. д. В большей степени это характерно для осужденных, посвятивших себя религии и воспринимающих жизнь как страдание за свои грехи и уповающих на милость Божию [7, с. 29].*

Обобщенные по разным местам пожизненного лишения свободы результаты психологических исследований показывают, что среди осужденных, отбывающих данный вид наказания в России, можно выделить ряд групп: лица с повышенным уровнем агрессивности и враждебности в среднем составляют 23,7 %, с неустойчивой психикой и невротоподобными состояниями – 40,5 %, склонные к членовредительству и суицидальным появлениям – 27,2 %, со сниженным уровнем интеллекта – 8,7 %, с затруднениями в сфере общения, установления контакта – 22 % [8, с. 241].

Психологи отмечают проявление этих качеств у осужденных, как правило, в комплексе. Таким образом, одно качество усиливает или проявляет другие негативные качества и особенности личности.

По мнению 64 % опрошенных сотрудников исправительных учреждений, в которых отбывают наказание осужденные к пожизненному лишению свободы, у большинства из них преобладает стремление выжить; 28 % респондентов считают, что осужденные ощущают отсутствие жизненной перспективы; 26 % – отмечают наличие агрессии у «пожизненников»; в ответах также указывают на полную апатию осужденных (12 %) и отсутствие желания жить (10 %) [9, с. 119–120].

В целях сохранения перспективы возвращения осужденного к пожизненному лишению свободы в общество законодатель допускает в случае его исправления условно-досрочное освобождение от наказания в соответствии с ч. 5 ст. 79 УК РФ. Для этого такой осужденный фактически должен отбыть не менее 25 лет лишения свободы. Первые осужденные, у которых с учетом срока содержания под стражей истечет данный срок, появятся в 2014–2017 годах.

Однако практика показывает, что отбывая такие длительные сроки лишения свободы, осужденные нередко не столько исправляются, сколько деградируют. Интересно, что согласно мнению сотрудников исправительных учреждений, где содержатся лица данной категории, сохраняют способность здраво рассуждать и контролировать себя как социального человека 3–4 % от общей численности пожизненно осужденных. Большинство осужденных необратимо регрессируют. Из записки пожизненно осужденного Евгения С.: «... не могу больше вынести эту жизнь. Хочу постоянно жрать, очень сильно мучает голод – надоел режим, уборки, стирки. В голодном состоянии не хочу все это выполнять. Испытываю желание убить и съесть сокамерника, так как очень сильно хочу мяса (2002 год)» [5, с. 156–157]. Кроме того, за столь длительный срок практически теряются все родственные связи и социальные контакты. В случае если осужденному все же удастся к указанному периоду сохранить каким-то образом свое физическое и психическое здоровье, на свободе его ожидают совершенно иные, совсем не знакомые ему условия существования. Привыкнув к строго регламентированному распорядку жизни, когда его активность становится полностью подавленной извне, а вопросы его жизнеобеспечения решаются администрацией, он, скорее всего, утратит большинство навыков к самостоятельному существованию за стенами исправительного учреждения.

Следует учитывать и возрастные изменения. Если условно-досрочное освобождение будет иметь место, то коснется оно, в основном, осужденных

шестидесяти лет и старше. Напомним, что осужденных такого возраста в местах пожизненного лишения свободы согласно переписи 2009 года – 2,5 %, а через десять лет каждый шестой осужденный будет старше шестидесяти лет [2, с. 25].

Такое существенное изменение возрастной структуры осужденных требует корректировки форм и методов воспитательной и психологической работы с этими лицами. Поскольку осужденные к пожизненному лишению свободы (особенно пожилого возраста) по большей части считают себя людьми верующими, необходимо воспитательную и психологическую работу с ними проводить с акцентом на соблюдение основополагающих религиозных постулатов (а они во всех конфессиях направлены на законопослушное поведение). Религия дает возможность человеку, совершившему тяжкое преступление, раскаяться.

Андрей Х., осужденный к пожизненному лишению свободы: *«... Я благодарен Богу за то, что Он сохранил мне жизнь посредством указа Президента о помиловании... я четко осознал – жизнь мне сохранена для покаяния. Именно тогда я окончательно утвердился, что смысл земной жизни – спасение бессмертной души. И мне предельно ясен этот путь страданий в стенах пожизненного заключения. Слава Богу, что Он наказал меня в сей, земной жизни, а не ТАМ в ВЕЧНОСТИ»* [5, с. 240].

Большую роль в духовном развитии осужденных играет чтение различной литературы, что, безусловно, необходимо поддерживать и поощрять. На сегодняшний день количество книг, которые осужденный может иметь в камере, строго ограничено и, как правило, не превышает трех на одного осужденного.

Андрей Х., осужденный к пожизненному лишению свободы: *«Книги» – это самый больной вопрос. Если бы Вы только видели лица моих братьев в библиотечный день! Они просто светятся от радости и счастья! Не в силах скрыть волнения, жадно рассматривают и листают выданные книги, намечая, кто и какую книгу может читать. На неделю, можно сказать, в камере воцаряется тишина, не больше. А что потом? Изнуряющее ожидание следующей библиотеки, да «авось, кому-нибудь что-нибудь пришлют...»* [5, с. 237].

Кроме того, необходимо по возможности помогать пожилым осужденным к пожизненному лишению свободы сохранить социальные связи со своими родственниками (особенно близкими: женой, детьми, родителями) на свободе (*«легче становится на душе от того, что меня любят, помнят и ждут мои родные и близкие», «родные верят в меня и ждут», «когда получаю письмо от матери и знаю, что у нее все нормально»*) [7, с. 103]. В целях сохранения навыков общения данной категории осужденных необходимо также поощрять их как к переписке (невербальное общение), так и к более частому неформализованному общению, в том числе с психологами (вербальному общению).

Не подлежит доказыванию положение о том, что чем образованнее человек, тем менее вероятно, что он совершит преступление. Так, в криминологии образование человека рассматривается в качестве антикриминогенного фактора, а в уголовно-исполнительном законодательстве получение образования является одним из средств исправления осужденных (ч. 2 ст. 9 УИК РФ). Кроме того, люди с более высоким уровнем образования, как правило, лучше адаптируются к условиям пожизненного лишения свободы. Так, В.С. Мухина считает, что «...высшее

образование само по себе еще не есть основание духовной высоты. Просто те, у кого оно все-таки есть, кто учился, запоминал, упражнял мозги, лучше выдерживают условия пожизненного заключения» [5, с. 183].

Сегодня осужденные к пожизненному лишению свободы во взаимодействии с психологами и воспитателями скорее реализуют собственную потребность в межличностном общении в условиях крайней ограниченности в социальных контактах. Тем не менее, работа психологов с осужденными является крайне необходимой для адаптации лиц данной категории к условиям содержания в исправительном учреждении в целях предотвращения деструктивного с их стороны поведения и дальнейшего распада личности, препятствующего отбыванию наказания. Важна она и для изучения самого феномена серийного убийцы, маньяка, каких немало среди пожизненно осужденных. Именно для этого в 2003 году ст. 12 УИК РФ была дополнена частью 6¹, в которой осужденным к лишению свободы была гарантирована психологическая помощь, предоставляемая им только с их согласия. Как воспользовались этой помощью осужденные, отбывающие пожизненное лишение свободы, видно из таблицы [2, с. 26].

Таблица 1

Распределение осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы в зависимости от оказания им психологической помощи (%)

Психологическая помощь	Перепись 2009 г.	
	Осужденные к пожизненному лишению свободы	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы на определенный срок
Оказывалась	61,6	31,0
Не оказывалась, не было объективной возможности	1,2	8,7
Не оказывалась, осужденный не изъявлял желания	37,2	60,3
Итого:	100	100

Как мы видим, доля осужденных, обратившихся к психологу за помощью, в местах пожизненного лишения свободы в два раза превосходит аналогичный показатель для осужденных мужчин, отбывающих лишение свободы на определенный срок. Отказ в оказании психологической помощи по объективным причинам более чем в семь раз меньше в местах пожизненного лишения свободы, что свидетельствует о более качественном психологическом сопровождении осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы.

О повышенной общественной опасности преступления и личности преступника, а также о достаточно высококвалифицированной работе психологов исправительной колонии особого режима свидетельствует следующий пример.

Б., осужденный к 10 годам лишения свободы за умышленное убийство, находился в колонии строгого режима (ранее также отбывал наказание в виде лишения свободы).

Из постановления о переводе осужденного в помещение камерного типа (ПКТ): «... прибыл в учреждение ... в феврале 1993 г. Зарекомендовал себя злостным нарушителем режима содержания. Принятыми ранее мерами воздействия положительного результата не достигнуто. Так, 25.07.93 г. вновь допустил нарушение режима содержания: самовольно в ночное время покинул жилую секцию отряда, проник в промышленную зону и в 4.00 утра задержан на крыше литейного цеха».

Из объяснительной Б. от 27.07.93 г.: «Отказываюсь принимать пищу так как я просил чтобы посадили меня с братом вместе я буду голодовку держать до последнего вздоха прошу вызвать мне прокурора» (Орфография и пунктуация автора оставлены без изменений).

23.04.94 г. Б., отбывая наказание в исправительно-трудовой колонии (ИТК), совместно с осужденными Сах. и Сан. захватили в качестве заложника дежурного помощника начальника колонии (ДПНК) майора вн. службы В. и посадили в кабину пожарной автомашины.

При задержании с целью убийства нанесли несколько ножевых ранений в грудь, отчего майор вн. службы В. умер. Своими действиями дезорганизовали нормальную работу ИТК.

В судебном заседании подсудимый Б. вину свою в предъявленном обвинении признал частично... По делу была назначена амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза.

Из материалов экспертизы: «... Родители злоупотребляют спиртными напитками, один из братьев судим, обучался во вспомогательной школе. С раннего детства подвижный, беспокойный. Был недисциплинированным, убегал с уроков, бродяжничал. С четвертого класса принимал спиртные напитки. В связи с таким поведением состоял на учете в детской комнате милиции. Характеризуется вспыльчивым, неуравновешенным, драчливым, упрямым. На родных кидался с ножом, топором и другим оружием. По поводу такого поведения консультирован психиатром ОПД с диагнозом: «микросоциальная и педагогическая запущенность». В

1986–1988 гг. учился в спец. ПТУ... С 1990 г. злоупотребляет спиртными напитками... запои до нескольких дней... Психически больным себя не считает... преуменьшает степень своей вины, перекладывая ее на своих соучастников «мне сказали, два дня готовились ... но убийство я не замыслил ... я еще подписку давал, что ничего майору не сделали, а Сах. приказал резать, чтобы быть квиты ... думал, что он мертвый, я его по шее резанул»... Критически оценивает сложившуюся ситуацию: «могут дать расстрел». Комиссия экспертов пришла к заключению: «Б. следует считать вменяемым».

Из справки-ориентировки оперуполномоченного СИЗО от 16.07.94 г.: «... Б. вынашивает противоправные намерения в отношении администрации, а также имеет склонность к нападению на лиц, заключенных под стражу».

Был приговорен в 1994 г. к высшей мере наказания – смертной казни. В 1999 г. был помилован Указом Президента Российской Федерации и смертная казнь ему была заменена пожизненным лишением свободы.

В исправительной колонии особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы содержится с ноября 1999 года.

Из справки оперуполномоченного: ... Состоит на профилактическом учете как склонный к захвату заложников, допускал нарушения установленного порядка отбывания наказания, поощрений не имеет, в коллективе неуживчив, имеет отрицательную направленность ..., в отношениях с представителями администрации допускает грубости, неуравновешен, скрытен, лжив, малообщителен...

Из психологической характеристики: ... Свойственны: импульсивность, нетерпимость к противодействию ... болезненный самоанализ ... вспыльчивость. Неустойчивость самооценки. ... Странности поведения, отрыв от реальности ... Противодействие авторитарному давлению со стороны окружающих... Непосредственность, обособленность ... Проблема нереализованной потребности в упрочении своего авторитета. Потребность в ограничении и избегании контактов... Рекомендации: 1) директивные методы вызовут усиление протестных реакций; 2) меры, направленные на повышение настроения и уверенности; 3) возможность уединения и покоя; 4) избегание мер, задевающих самолюбие.

Из объяснительной Б.: «По факту акта от 4.02.10 г. следующие уборка влажная по всей камере производилась, возможно в спешке где то пропустил, виноват исправлюсь» (Орфография и пунктуация автора оставлены без изменений) [10, с. 39–40].

Несмотря на отмеченные положительные тенденции в изучении и психологическом сопровождении личности осужденных к пожизненному лишению свободы, руководству и психологам исправительных учреждений, в которых содержатся данные лица, необходимо продолжать работу в этом направлении. В качестве методов, которые можно использовать для этого [11, с. 27], выделим:

- 1) анализ личных дел осужденных;
- 2) анализ результатов судебно-психиатрических экспертиз;
- 3) клиническое интервью;

4) психодиагностические методики (например: методика «Ценностные ориентации» М. Рокича (Rokeach Value Survey – RVS), методика «Диагностика типологий психической защиты» (Р. Плутчик в адаптации Л.И. Вассермана, О.Ф. Ерышева, Е.Б. Клубовой), методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой), методика «фокус-групп» (Focus Group Interviews), методика САН (самочувствие, активность, настроение), проективная методика исследования личности «Рисунок человека» (Draw-A-Person Test, DAP) [7, с. 91–95];

- 5) беседу и анкетные опросы.

В качестве примера использования предложенных методов в комплексе ниже приводятся материалы на *Б. 1969 г.р., русского, со средне-специальным образованием, на момент ареста не работающего, ранее судимого ... по ст. 117 УК РСФСР (изнасилование) ... осужденного по ст. ст. 105 ч.2 п.п. «а», «в», «г»; ст. 158 ч.2. п.п. «б», «г» УК РФ к пожизненному лишению свободы.*

... 3 июля 1997 года ... с целью убийства своей спящей жены взял утюг ... и нанес ей ... удары по голове. В это время проснулся их сын Алексей 1990 г.р. Б. подошел к нему и стал руками сдавливать ему горло до тех пор, пока тот не потерял сознание. Б. вновь взял утюг и нанес им еще 2 удара по голове жене. Когда она застонала, Б. взял в комнате кухонный нож, которым нанес ей три удара в левую часть груди. Обратив внимание, что сын жив, Б. достал из заднего кармана своих брюк шнурок, накинул его на шею сына, затянул и завязал на узел. Жена и сын скончались на месте.

После убийства Б. похитил принадлежащие жене деньги и золотые украшения и с места преступления скрылся. Похищенное он истратил на спиртные напитки.

Б. свою вину признал частично. Говорил, что был зол на жену из-за ее измен, о которых рассказывали соседи. Ни жену, ни сына он убивать не хотел. В тот момент у него помутился разум, он не соображал, что делал.

Из материалов судебно-психиатрической экспертизы: «... наследственность Б. психическими заболеваниями неотягощена. В детстве рос и развивался без особенностей, не болел. Окончил 10 классов и ПТУ, работал по специальности помощником сталевара. Служил в армии. После демобилизации вернулся к прежней работе, женился. Психиатрами и наркологами не наблюдался. С 1992 по 1997 год отбывал уголовное наказание за изнасилование. После освобождения вернулся домой, не работал.

В ходе обследования психически больным себя не считает. Говорит, что в момент совершения преступления был трезвым. Жену убил «из мести», сына

задушил, так как решил, что у таких родителей не может вырасти полноценный ребенок, «все равно его никто не будет воспитывать».

Комиссия экспертов пришла к выводу, что Б. психическим заболеванием не страдает. В инкриминируемом ему деянии его следует считать вменяемым.

Из объяснительной осужденного Б. от 10.08.97 г.: «... вечером с осужденным А. играл в крестики нолики во время игры А. обозвал меня неоднократно ругательными выражениями я низдержался и ударил» (Орфография и пунктуация автора оставлены без изменений).

Из объяснительной Б. от 20.03.98 г.: «... Я замечен лежащим на койке после обеденное время так как уменя сильно болела голова» (Орфография и пунктуация автора оставлены без изменений).

Из рапорта начальника психологической лаборатории исправительного учреждения Х.: «В ходе психодиагностического исследования у осужденного Б. выявлены склонности к проявлению физической агрессии. Полагала бы поставить на профилактический учет Б. как склонного к нападению на представителей администрации».

Из психологической характеристики: «... характерно: импульсивность, нетерпимость к противодействию. Впечатлительность, склонность преувеличивать имеющиеся проблемы, неуверенность в себе. Подавленность, болезненный самоанализ...

Рекомендации: 1) избегать мер, задевающих самолюбие; 2) директивные методы вызовут усиление протестных реакций».

Из характеристики за 2009 год: «... является трудоспособным, нарушает распорядок дня, не имеет поощрений, работает на производстве в качестве швей-моториста ... производственные задания выполняет, подчиняясь необходимости.

Не способен сдерживаться, упорен в преодолении трудностей, последователен в поступках, равнодушен к окружающим, замкнут, скрытен, обидчив.

С родственниками отношений не поддерживает.

Не встал на путь исправления».

Таким образом, мы видим, что осужденные к пожизненному лишению свободы являются достаточно сложным объектом исправительного воздействия. Сложность работы с данной категорией осужденных связана, в основном, с особенностями их личности, отношением к совершенным преступлениям, а также спецификой исполнения наказания. Все это делает необходимым разработку и осуществление их качественного психологического сопровождения.

Литература

1. Специальная перепись осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведена на основании распоряжения директора ФСИН России Ю.И. Калинина от 14 мая 2009 года № 119-р.
2. Кокурин А.В., Селиверстов В.И. Осужденные к пожизненному лишению свободы. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.И. Селиверстова. Вып. № 4. – М.: ИД «Юриспруденция», 2011. С. 3.
3. Данилин Е.М., Селиверстов В.И. Осужденные в воспитательных колониях. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.И. Селиверстова. Вып. № 2. – М.: ИД «Юриспруденция», 2011. С. 12–18.
4. Мухина В.С., Хвостов А.А. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. 2002. № 3. С. 51–60.
5. Мухина В.С. Отчужденные: Абсолют отчуждения / В.С. Мухина. – М.: Прометей, 2009. С. 230.
6. Мокрецов А.И., Новиков В.В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание: Учебно-методическое пособие: В 2-х ч. Ч. 2. – М.: НИИ ФСИН России. 2008. С. 120.
7. Баламут А.Н. Осужденные к пожизненному лишению свободы и пути оказания им психологической помощи: Монография. – М.: ПРИ, 2009. С. 29.
8. Ковалев О.Г., Данилин Е.М. Сравнительные психолого-педагогические аспекты пожизненного лишения свободы в России и за рубежом // Интеграция и опыт правовых преобразований в условиях вызова мировому правопорядку: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 17–18 октября 2003 г.) / Под ред. проф. Г.П. Давыдова. – М.: РосНОУ, 2003. С. 241.
9. Захарихина О.В. Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы в России. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: НИИ ФСИН России, 2005. С. 119–120.
10. Кокурин А.В. Психологическая и медицинская характеристика осужденных, отбывающих в настоящее время пожизненное лишение свободы в исправительных учреждениях России // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2010. № 3. С. 39–40.

11. *Кокурин А.В., Славинская Ю.В.* К вопросу о психологическом сопровождении осужденных к пожизненному лишению свободы в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // *Юридическая психология.* – 2010. № 2. С. 27.

Persons sentenced to life-term imprisonment: socio-demographic, medical, criminal and criminal-executive characteristics as well as psychological support features

Ekimova V.I., Doctor of Psychology, Professor, Chair of Scientific Bases of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (iropse@mail.ru)

Kokurina I.V., PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor, Chair of Management Theory, Department of State and Municipal Management, Moscow State University of Psychology and Education (i.kokurina@bk.ru)

Kokurin A.V., PhD in Psychology, Associate Professor, Professor, Chair of Scientific Bases of Extreme Psychology, Department of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Associate Professor, Chair of Criminology and Penitentiary Law, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy (kokurin1@bk.ru)

The article reflects the authors' views on contemporary issues related to psychological accompaniment of persons serving life imprisonment. The main direction of psychological support is to preserve mental health of life-term prisoners on the one hand, and professional assistance to employees, ensuring the implementation of this kind of imprisonment. The urgency of developing an integrated approach to psychological support of individual preventive work with convicts serving life imprisonment is emphasized by the absence of such experience, both Russian and foreign.

Keywords: methods and methodology of deep study of personality; personality of sentenced to life imprisonment; complex approach; psychological support.

References

1. Special'naja perepis' osuzhdennyh i lic, soderzhashhihsja pod strazhej, provedena na osnovanii rasporjazhenija direktora FSIN Rossii Ju.I. Kalinina ot 14 maja 2009 goda № 119-r.
2. Kokurin A.V., Seliverstov V.I. Osuzhdennye k pozhiznennomu lisheniju svobody. Po materialam special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, soderzhashhihsja pod strazhej, 12–18 nojabrja 2009 g. / pod red. d-ra jurid. nauk, professora V.I. Seliverstova. Vyp. № 4. – M.: ID «Jurisprudencija», 2011. S. 3.

-
3. *Danilin E.M., Seliverstov V.I.* Osuzhdennye v vospitatel'nyh kolonijah. Po materialam special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, sodержashhihsja pod strazhej, 12–18 nojabrja 2009 g. / pod red. d-ra jurid. nauk, professora V.I. Seliverstova. Vyp. № 2. – M.: ID «Jurisprudencija», 2011. S. 12–18.
  4. *Muhina V.S., Hvostov A.A.* Pozhiznenno zakljuchennye: motivacija k zhizni // *Razvitie lichnosti.* 2002. № 3. S. 51–60.
  5. *Muhina V.S.* Otchuzhdennye: Absoljut otchuzhdenija / V.S. Muhina. – M.: Prometej, 2009. S. 230.
  6. *Mokrecov A.I., Novikov V.V.* Lichnost' osuzhdennogo: social'naja i psihologicheskaja rabota s razlichnymi kategorijami lic, otbyvajushhih nakazanie: Uchebno-metodicheskoe posobie: V 2-h ch. Ch. 2. – M.: NII FSIN Rossii. 2008. S. 120.
  7. *Balamut A.N.* Osuzhdennye k pozhiznennomu lisheniju svobody i puti okazanija im psihologicheskoy pomoshhi: Monografija. – M.: PRI, 2009. S. 29.
  8. *Kovalev O.G., Danilin E.M.* Sravnitel'nye psihologo-pedagogicheskie aspekty pozhiznennogo lishenija svobody v Rossii i za rubezhom // *Integracija i opyt pravovyh preobrazovanij v uslovijah vyzova mirovomu pravoporjadku: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 17–18 oktjabrja 2003 g.) / Pod red. prof. G.P. Davydova.* – M.: RosNOU, 2003. S. 241.
  9. *Zaharihina O.V.* Ispolnenie nakazanija v vide pozhiznennogo lishenija svobody v Rossii. Diss. ... kand. jurid. nauk. – M.: NII FSIN Rossii, 2005. S. 119–120.
  10. *Kokurin A.V.* Psihologicheskaja i medicinskaja harakteristika osuzhdennyh, otbyvajushhih v nastojashhee vremja pozhiznennoe lishenie svobody v ispravitel'nyh uchrezhdenijah Rossii // *Voprosy psihologii jekstremal'nyh situacij.* 2010. № 3. S. 39–40.
  11. *Kokurin A.V., Slavinskaja Ju.V.* K voprosu o psihologicheskom soprovozhdenii osuzhdennyh k pozhiznennomu lisheniju svobody v uslovijah reformirovanija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // *Juridicheskaja psihologija.* – 2010. № 2. S. 27.

Проблема преступлений толпы: подход П.Н. Обнинского

Горбатов Д.С., доктор психологических наук, профессор кафедры Менеджмента массовых коммуникаций факультета Прикладных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (gorbatov.rus@gmail.com)

Описывается специфика подхода к преступлениям толпы, предложенного видным российским юристом и общественным деятелем XIX века П.Н. Обнинским. Уточняются его принципиальные отличия от других концепций отечественных и зарубежных психологов и правоведов. Особое внимание уделяется трактовке П.Н. Обнинским возможной вменяемости и степени ответственности участников массовых холерных беспорядков конца XIX века в различных регионах Российской империи. Раскрывается нравственный потенциал его воззрений. Особенности толпы как социального объединения, изменения личности в толпе, склонность толпы к нарушению закона, проблема уголовного наказания за совершенные ею преступления – таковы некоторые вопросы, интересовавшие общественное мнение того времени. В статье подчеркивается, что недостаток доверия и отсутствие равноправного диалога между представителями различных социальных групп сыграли пагубную роль в развитии «contagion morale», а позже стали причинами еще более трагических событий российской истории.

Ключевые слова: толпа, психология толпы, подход П.Н. Обнинского, свойства толпы, влияние на личность в толпе, преступления в толпе.

В конце XIX – начале XX века отечественные правоведы обсуждали проблему уголовного наказания за преступления, совершенные в составе толпы. Решая собственно юридические вопросы определения вменяемости и степени ответственности такого рода преступников, они апеллировали к трудам по социальной философии и психологии толпы, опубликованным Н.К. Михайловским [4], Г. Тардом [8; 9], С. Сигеле [6], Г. Лебоном [3], В.М. Бехтеревым [2].

Согласно позиции этих исследователей, толпа представляет собой не простое скопление людей, а особую психическую общность, попадая под влияние которой человек начинает думать, действовать и чувствовать совершенно иным образом, по сути, перестает быть собой. С точки зрения Н.К. Михайловского [4], в ней циркулируют процессы бессознательного взаимного подражания подчас непреодолимой силы, берущие верх над индивидуальным разумом, личным интересом, чертами характера. Подобное социальное образование Г. Тард сравнивал с «бешеным несдержанным зверем, слепой игрушкой своих инстинктов», неким беспозвоночным низшего порядка, чудовищным червем, «извивающимся в беспорядочных движениях даже после отделения головы» [8, с. 10]. В его понимании, толпа отличается эмоциональной неустойчивостью, догматичностью и деспотичностью, тягой к разрушению, проявлениями коллективного безумия, бреду преследования и величия. С. Сигеле определял, что она более склонна к злу, чем к

добрю, и в нравственном опьянении доходящей до своеобразного сомнамбулизма, не сомневается в праве быть чьим-то судьей и палачом. Такая толпа легко попадает под влияние преступников, умалишенных, обитателей городского «дна»: «Примешайте к легкомысленной и повинующейся всякому толчку толпе этих личностей, – они и сообщат ей ее жестокость и сумасшествие» [6, с. 70]. По Г. Лебону [3], становясь частицей толпы, индивид спускается на несколько ступеней по лестнице цивилизации, становится варваром – инстинктивно действующим существом, проявляющим черты произвола, буйства, свирепости, а также энтузиазма и героизма, свойственные первобытному человеку. Совместно с другими он готов поддаться любому искушению, превратить внушенные идеи в немедленные действия, внезапно перейти от кровавой жестокости к великодушию или малодушию, стать неким автоматом, управлять которым собственная воля бессильна. Согласно В.М. Бехтереву, процессы взаимного внушения, характерные для толпы, несут в себе чрезвычайную опасность: «И если бы можно было сосчитать те жертвы, которые прямо или косвенно обязаны влиянию этого психического микроба, то вряд ли число их оказалось бы меньшим, нежели число жертв, уносимых обыкновенным физическим микробом во время народных эпидемий» [2, с. 13].

Если влияние толпы настолько сходно с гипнотическим, в какой мере отдельные люди должны нести ответственность за ее преступления?

Некоторые из отечественных юристов поддержали суждение Г. Тарда, согласно которому преступный акт, совершенный как бы под принуждением толпы кем-то из ее членов, в действительности вполне соответствует скрытым наклонностям данного индивида. При этом заурядный мошенник, способный к кражам, но не к убийству, под влиянием «нравственной заразы» массового характера может дойти до крайней степени жестокости и насилия. Тот же, кто нравственно чист, найдет силы не поддаться влиянию большинства. Так, видный правовед В.К. Случевский писал: «...существуют веские основания к признанию, что лицо, участвующее в преступлениях толпы, отвечает не только за то, что оно осуществило в данном преступном действии, но также и за то, что оно воспитало в себе лично свойства, обусловившие возможность такого воздействия на него толпы» [7, с. 12].

Как комментировал эту точку зрения В.П. Ширков, предметом судебного разбирательства является «виновное деяние», но не «преступные наклонности». Кроме того, в принципе, «возможно ли наказывать героя холерного бунта за то, что он не воспитал в себе свойств, которые бы дали ему возможность противодействовать влиянию толпы»? [10, с. 97]. Относительно последнего рассуждения Д.Д. Безсонов [1] добавляет, что в недостаточности воспитания представителей темных и невежественных масс в большей степени виновато общество, нежели они сами. Кроме этого заметим, что вывод об обусловленности некоего проступка соответствующими скрытыми чертами в данном случае вступает в противоречие с идеей предельной выраженности силы подражания в той «колоссальной личности, в которой тысячи лиц сливаются как бы в один смутный облик» [8, с. 4].

По мнению С. Сигеле [6], было бы неверным полагать, что тяжкие нарушения закона совершаются в толпе исключительно преступниками «прирожденными». К категории «случайных» преступников он отнес слабохарактерных людей, чрезмерно

зависимых от социального окружения, предложив наделять их «половиной ответственностью» за содеянное. Прочие же лица, присутствовавшие, но не участвовавшие в совершении преступления, по его мысли, наказанию не подлежат не должны.

Однако такой подход не получил признания в Российской империи. Напротив, по «Уголовному уложению» 1903 г. одно только присоединение к публичному «скопищу», собравшемуся выразить неуважение верховной власти, порицать порядок наследия престола, заявить сочувствие бунту или измене, проявить сословную, религиозную, племенную вражду, тем более, оскорбить Величество, наказывалось заключением в тюрьму [10]. Подчеркнем, что само присутствие на месте происшествия (кроме тех, кто мог доказать в суде его случайность), приравнивалось к преступному деянию. Более того, в законе оговаривалось, что умышленность присутствия устанавливается для «скопища» в целом, но не для каждого отдельного лица в его составе.

Особо строгое наказание предусматривалось в отношении «заправил толпы», а именно тех, кто организовывал «скопище», руководил действиями, подстрекал к насилию, пользовался оружием, взрывчатыми веществами и снарядами. Причем «коноводы смуты» подлежали уголовному преследованию, даже если отсутствовали на месте самого сборища [10].

Общественный деятель и публицист, бывший прокурор московского окружного суда П.Н. Обнинский в своей статье о проявлениях «нравственной заразы» во время холерных беспорядков занял принципиально иную позицию. Он выразил сомнение в том, что толпы простонародья, разрушавшие больницы, избивавшие и убивавшие врачей, фельдшеров, полицейских, активно сопротивлявшиеся войскам, должны вообще подлежать уголовному преследованию. Предельно широко трактуя соответствующие статьи «Уложения о наказаниях» 1845 г., П.Н. Обнинский подводил их действия под понятия «ошибки», «обмана», «непреодолимого от превосходящей силы принуждения», в частности, указывая, что «страх перед неминуемой гибелью, чувство самосохранения, глубоко осознанная необходимость самообороны – вот что управляло этими массами» [5, с. 10].

С его точки зрения, невежественная и обезумевшая толпа лишь *защищалась*, попав под влияние нелепых слухов о том, что «господа, чтобы не отдавать крестьянам по ожидаемому царскому указу своих земель, задумали морить народ; из подозрительной трубы пускают они в него холерную шмару; доктора и полиция ими подкуплены; ..живых засыпают известкой и кладут в гробы; отравляют реки и колодцы; строят какие-то холерные бараки и в них разводят холеру; заготавливают багры и крючья, чтобы таскать туда здоровых людей; а никакой холеры нет, а если бы и пришла, то противиться божьему изволению грех» [5, с. 4–5].

Констатируя глубину разрыва между народом и российской интеллигенцией, автор статьи отмечал, что поведение таких бунтовщиков в суде значительно отличалось от заурядных попыток самозащиты участников еврейских погромов или иных массовых беспорядков. В своих показаниях они уклонялись от какой-либо интерпретации причин трагических происшествий, ограничиваясь вялым и голословным отрицанием вполне очевидных фактов. При этом осознание вынужденности содеянного и, как следствие, собственной невинности

сопровождалось уверенностью, что «господа» накажут более строго тех, благодаря кому их происки оказались «раскрыты и обезврежены». Иначе вела себя толпа и при столкновениях с войсками: она не разбегалась после угроз или первых выстрелов, забрасывала солдат и казаков камнями, была готова к жертвам ради общего дела.

Рассуждая о том, что нравственная эпидемия опередила физическую, П.Н. Обнинский выделил в составе бунтовавшей толпы три категории участников. К первой были отнесены вожаки – «подстрекатели и вестовщики», наиболее активные разоблачители «коварства» противохолерных мероприятий властей. Значительную часть из них составляли женщины, «наиболее темный и забитый элемент» простого народа. Во вторую была включена основная масса людей, подвергнутая нравственному заражению вожаками и друг другом. В третью категорию вошли «сознательные, заправские преступники», «воры и буяны по призванию», любители «поудить рыбу в мутной воде». Таким образом, «перед нами чудовище с маленькой головой, длиннейшим извивающимся туловищем и крохотным хвостом, единственно подлежащим усечению» [5, с. 11].

По его мнению, к представителям двух первых категорий применять уголовное наказание не следует в силу невольности заблуждения, выраженных панических настроений на фоне мотива самосохранения, а также по причине непреодолимой силы «нравственной заразы» как продукта взаимного подражания. Не представляется оно и эффективным: темные и недоверчиво настроенные массы увидят в наказании не возмездие за вину, а личную месть тех, кто «пускает шмару в народ». Укрепившись в своем «знании», арестанты и избежавшие наказания распространят его по более широкой социальной среде. Что же касается воспользовавшихся ситуацией преступников, их достаточно судить за совершенное каждым лично, не предъявляя общих обвинений в восстании или сопротивлении власти.

Охрана общественного порядка от стихии толпы, по мысли П.Н. Обнинского, должна предваряться и сопровождаться особыми усилиями в деле просвещения. Действительно, значительную роль в трагическом непонимании народа и интеллигенции в данном случае сыграло то, что на современный лад можно обозначить как отсутствие полноценного информационного сопровождения противоэпидемических процедур. Однако «подвижник добра явился (в массовом сознании. – Д.Г.) носителем зла» [5, с. 4] не только потому, что авторитетные разъяснения не были сделаны или значительно запоздали, как писал о том П.Н. Обнинский. Условием их эффективности должно было стать доверие между социальными группами, а именно этого катастрофически не хватало российскому обществу того времени. Крестьяне и городские обыватели с подозрением относились к любым сведениям от «господ», последние же были готовы «просвещать» и «разъяснять», но не вступать в дискуссии по «сугубо медицинской проблеме» с позиций равноправия и партнерства. А этого для установления взаимопонимания оказалось недостаточно. Как отмечал Н.К. Михайловский [4], проблема не в одном том, что народ не знал чего-то важного о протекании и распространении этого заболевания. И в образованном обществе мало кто был осведомлен, например, о специфике посмертных судорог при холере, но в нем они не рассматривались в качестве доказательства того, что массы людей «хоронят заживо».

Готовность бороться с вековой отсталостью народа и гуманное отношение к нему, духом которого, в частности, была проникнута статья П.Н. Обнинского, не могли заменить полноценного социального диалога, отсутствие которого уже через четверть века после описанных событий вызвало несравненно большую по своим масштабам «нравственную заразу» в российской истории.

Литература

1. *Безсонов Д.Д.* Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. СПб.: Типо-лит. К.Л. Пентковского, 1907. 480 с.
2. *Бехтерев В.М.* Роль внушения в общественной жизни. СПб.: Изд-во К.Л. Риккера, 1898. 53 с.
3. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1896. 329 с.
4. *Михайловский Н.К.* Сочинения: В 6 т. Изд. 4-е. Т. 2. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1896. 836 с.
5. *Обнинский П.* Contagion morale и холерные беспорядки // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. Кн. 1. С. 1–14.
6. *Сигеле С.* Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1893. 116 с.
7. *Случевский В.К.* Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893. № 5. С. 5–23.
8. *Тард Г.* Преступления толпы. Казань: Типо-лит. Императорского университета, 1893. 44 с.
9. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. 201 с.
10. *Ширков В.П.* Преступления толпы по новому уголовному уложению (конструкция ответственности) // Журнал министерства юстиции. 1904. № 3. С. 90–124.

The problem of crowd crimes: the approach of P.N. Obninskiy

Gorbatov D.S., Doctor of Psychology, Professor of chair of Management Mass Communications, faculty of Applied Communications, St. Petersburg State University (gorbatov.rus@gmail.com)

We describe the specific approach to crowd crimes proposed by prominent Russian lawyer and public figure of the XIX century P.N. Obninskiy. We clarify its fundamental differences from other concepts of Russian and foreign psychologists and lawyers. Particular attention is paid to the P.N. Obninskiy treatment of possible sanity and responsibility of participants of mass cholera riots of the late XIX century in various regions of the Russian Empire. We reveal the moral potential of his views. Crowd as a social associations, the personality changes in the crowd, the crowd propensity to violate the law, the issue of punishment for crimes committed by it – these are some of the questions that interested the public opinion of the time. The article emphasizes that the lack of trust and lack of equal dialogue between representatives of different social groups have played a negative role in the development of «contagion morale», and later became reasons for the even more tragic events of Russian history.

Keywords: crowd, crowd psychology, approach of P.N. Obninskiy, crowd properties, impact on the individual in the crowd, crime in the crowd.

References

1. *Bezsonov D.D.* Massovye prestupleniya v obshhem i voenno-ugolovnom prave. SPb.: Tipo-lit. K.L. Pentkovskogo, 1907. 480 s.
2. *Behterev V.M.* Rol' vnusheniya v obshhestvennoj zhizni. SPb.: Izd-vo K.L. Rikquera, 1898. 53 s.
3. *Lebon G.* Psihologija narodov i mass. SPb.: Izd-vo F. Pavlenkova, 1896. 329 s.
4. *Mihajlovskij N.K.* Sochineniya: V 6 t. Izd. 4-e. T. 2. SPb.: Tip. B.M. Vol'fa, 1896. 836 s.
5. *Obninskiy P.* Contagion morale i holernye besporjadki // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1893. Kn. 1. S. 1–14.
6. *Sigele S.* Prestupnaja tolpa. Opyt kollektivnoj psihologii. SPb.: Izd-vo F. Pavlenkova, 1893. 116 s.
7. *Sluchevskij V.K.* Tolpa i ee psihologija // Knizhki nedeli. 1893. № 5. S. 5–23.

8. *Tard G.* Prestuplenija tolpy. Kazan': Tipo-lit. Imperatorskogo universiteta, 1893. 44 s.
9. *Tard G.* Obshhestvennoe mnenie i tolpa. M.: Tov-vo tip. A.I. Mamontova, 1902. 201 s.
10. *Shirkov V.P.* Prestuplenija tolpy po novomu ugovnomu ulozheniju (konstrukcija otvetstvennosti) // Zhurnal ministerstva justicii. 1904. № 3. S. 90–124.

Обзор исследований по проблеме ингибиторов агрессии (Часть 1)

Калашникова А.С., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета Юридической психологии МГППУ, старший научный сотрудник ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России (kaspsy@mail.ru)

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета Юридической психологии МГППУ, декан факультета Юридической психологии МГППУ (dvorian@gmail.com)

Василенко Т.Г., аспирантка факультета Юридической психологии МГППУ (vasilenko.t.g@gmail.com)

Большинство современных исследователей в генезе формирования агрессивного поведения неразрывно рассматривают проагрессивные и сдерживающие, или ингибирующие, агрессивные проявления факторы. При этом также существуют научные подходы к пониманию природы агрессии, которые в ряде случаев не акцентируют внимания непосредственно на тормозящих агрессивные импульсы структурах, а ограничиваются рассмотрением только катализаторов агрессии. В представленной статье обсуждается вопрос о необходимости введения термина «ингибиторы агрессии», анализируются различные позиции и взгляды на данную проблему. Рассматриваются не только отечественные представления о природе тормозящих агрессивную структуру, но и проводится анализ зарубежных исследований, направленных на изучение психологического аналога данному явлению – «защитных факторов». Первая часть статьи посвящена теоретическому обзору проблемы ингибиторов агрессии, который не только впервые прослеживает историю изучения данного феномена, но и делает попытку анализа немногочисленных на сегодняшний день теорий агрессивного поведения, ставящих перед собой задачу обоснования психологического механизма взаимодействия проагрессивных и ингибирующих личностных структур.

Ключевые слова: агрессивное поведение, ингибиторы агрессии, тормозящие (подавляющие) агрессивные личностные структуры, защитные факторы, теории агрессии.

Исследование такого феномена как агрессия всегда являлось крайне актуальным и, несомненно, будет оставаться таковым в связи с необходимостью получения конкретных результатов в целях повышения эффективности мер по предупреждению совершения уголовных правонарушений. Изучение проблемы возникновения агрессивного поведения невозможно без учета сдерживающих агрессивные проявления факторов. Так, многие исследователи данной проблемы неразрывно рассматривали проагрессивные и ингибирующие агрессивные личностные структуры в генезе формирования в том числе противоправного агрессивного

поведения. Однако несмотря на однозначное принятие многими авторами существенной роли сдерживающих агрессию факторов, исследований, посвященных комплексному изучению данных структур, по-прежнему немного. Так, исследователи соглашались в том, что при акцентировании внимания исключительно на проагрессивных факторах риска важная информация относительно другой части уравнения о риске совершения насилия – «защитных факторах» – несправедливо игнорируется, и что учет защитных факторов для измерения риска совершения агрессивных действий необходим для точной оценки риска, в том числе рецидива насилия [19; 28; 47]. По мнению Р. Роджерса, большинство исследований данного явления крайне односторонни в своем перечислении факторов риска с частичным или полным исключением «защитных факторов» [39]. В.Г. Булыгина считает, что выявление факторов, сдерживающих агрессивное поведение, является важной проблемой, решение которой необходимо найти в ближайшем будущем, поскольку иначе это может привести к таким последствиям как пессимизм среди терапевтов, стигматизация правонарушителей и, в итоге, к неоправданно долгому содержанию под стражей пациентов судебной психиатрии [5]. Целью данной статьи является теоретический обзор проблемы ингибиторов агрессии, который не только прослеживает историю изучения данного феномена, но и рассматривает немногочисленные современные теории агрессивного поведения, ставящие перед собой задачу обоснования психологического механизма взаимодействия проагрессивных и ингибирующих личностных структур.

Различные авторы, соглашаясь в необходимости учета сдерживающих агрессивные проявления факторов в генезе агрессивного поведения, использовали разные термины, отличающиеся по содержанию. Так, термин «ингибиторы агрессии» впервые был предложен А.А. Налчаджяном, который рассматривает их как факторы, предупреждающие агрессивные действия и включающие в себя не только личностные структуры, но и ряд физических особенностей, некоторые формы инстинктивного поведения, жесты, мимику и пр. [10]. В отличие от А.А. Налчаджяна, принимающего в качестве ингибиторов агрессии особенности, присущие как непосредственно самому агрессору, так и внешние поведенческие характеристики его жертвы, на которые реагирует агрессор, другие авторы сконцентрировались только на анализе контролирующих агрессию структур личности самого агрессора. Так, например, А.И. Ложкин использует термин «защитная мотивация», отделяя ее от смысловой регуляции поведения. Защитная мотивация, согласно автору, запрещает реализацию мотива насилия, в отличие от смысловой регуляции, которая в случае выраженности глубинных агрессивных ценностей может выполнять функцию источника агрессивного поведения [8]. Ф.С. Сафуановым был предложен термин «тормозящие (подавляющие) агрессию личностные структуры», который, по мнению автора, в большей мере отражает их психологическое регулирующее воздействие, осуществляемое разнообразными уровнями и сторонами личности, и которое невозможно свести только к процессам «опосредования» или только к «контролю» [11].

В зарубежной литературе большее распространение получил термин «защитные факторы», которые рассматриваются в контексте оценки риска совершения насилия, причем в практическом плане большинство исследований посвящены оценке риска рецидива агрессивных правонарушений. Под защитными

факторами риска совершения насилия понимают как характеристики самого правонарушителя, так и средовые и ситуационные факторы, которые снижают риск будущего насильственного поведения, таким образом, защитные факторы находятся в диапазоне личностных и ситуационных переменных [47]. По мнению DeVogel, протективные (защитные) факторы – это факторы, которые могут скомпенсировать личностные факторы риска и тем самым сыграть важную роль для общего понимания риска совершения агрессивных действий [47]. Однако следует отметить, что некоторые авторы определяют защитные факторы исключительно как отсутствие факторов риска [18] или как факторы, противоположные факторам риска [30; 48], предполагая, что любой фактор риска может являться одновременно и защитным фактором, и наоборот. Другие авторы предполагают, что защитные факторы могут существовать вне зависимости от факторов риска [25]. Например, в ходе исследований было показано, что религиозность отрицательно коррелирует с делинквентностью [37], при этом отсутствие религиозности не является фактором риска.

Большинство исследователей согласны в том, что положительный эффект защитных факторов противопоставляется негативному эффекту факторов риска, однако точный механизм взаимодействия между данными структурами остается до конца не изученным. Анализ современных исследований позволил выделить три теоретических модели, описывающих связь проагрессивных и ингибирующих факторов [26; 33; 44]:

- модель посредничества, которая подразумевает прямое воздействие защитных факторов на факторы риска, и наоборот;
- модель регулятора, или буфера, которая предполагает взаимодействие защитных факторов и взаимосвязанных с противоправным поведением факторов риска;
- модель основного эффекта, согласно которой защитные факторы воздействуют непосредственно на противоправное поведение.

K.M. Fitzpatrick, R. Jessor, M.S.Turbin, F.M. Costa, Q. Dong, H. Zhang, C. Wang считают, что вероятность агрессивного поведения отражается прежде всего в первых двух механизмах: защитные факторы оказывают влияние на факторы риска напрямую, понижая или ослабляя их, однако они также оказывают влияние и на взаимосвязь насильственного поведения и факторов риска, оказывая компенсационный эффект на отношения фактор риска – насилие [26; 33; 44]. В качестве примера положительного эффекта «посредничества» авторы приводят благоприятное влияние защитного фактора «фармацевтические лекарственные средства» на фактор риска «активация симптомов основного психического расстройства», а в качестве примера положительного влияния эффекта «модератора, или буфера» – воздействие на такие проявления факторов риска, как «злоупотребление алкоголем или психоактивными веществами» или «импульсивность», которые уменьшаются под влиянием защитного фактора «внешний контроль» [33; 44]. Дальнейшие исследования, рассматривающие в качестве оценки риска насилия как факторы риска, так и защитные факторы, могут привести больше ясности в понимание точных механизмов их взаимодействия.

Вопрос об ингибиторах агрессии всегда был неразрывно связан с изучением природы самой агрессии и в том или ином варианте поднимался исследователями различных психологических подходов как неотъемлемая составляющая агрессивного поведения. В настоящей статье предлагается обзор основных теорий агрессии, который, однако, не ставит перед собой задачу детального рассмотрения содержания каждого подхода, а делает акцент на выявлении истоков формирования понятия «сдерживающих агрессию факторов».

С точки зрения инстинктивистского подхода, основоположником которого был З. Фрейд, агрессия по своей природе врожденна и неизбежна [12]. В человеке конфликтуют две силы: Эрос, сохраняющий жизнь, и Танатос – разрушающий. Механизмы смещения направляют энергию Танатоса вовне, чтобы не произошло разрушение самого индивидуума. Таким образом, агрессия является разрушением, направленным на других людей во избежание саморазрушения, тогда как сила Эроса выступает в качестве механизма торможения агрессии. Представление о врожденном характере агрессии в дальнейшем нашло отражение в теории «прирожденного преступника» Ч. Ломброзо, теории о связи конституциональных особенностей и физических свойств человека с преступлением У. Х. Шелдона, теории влияния свойств нервной системы Г. Айзенка, а также в исследованиях роли генетических и нейрофизиологических переменных в криминальном поведении [2].

Согласно другому представителю инстинктивистского подхода, этологу К. Лоренцу, природа агрессии берет начало из врожденного инстинкта борьбы за выживание [9]. Энергия агрессии непрерывно генерируется и накапливается в организме, и чем больше этой энергии, тем меньший стимул требуется для ее выплеска. Люди, в отличие от животных, обладают слабым тормозным механизмом, препятствующим нападению на представителей своего вида. К. Лоренц связывает наличие структур, сдерживающих проявления агрессии, с тем, что у животных есть орудия нападения: когти, большие клыки и др., которыми человек не обладает. Согласно К. Лоренцу, волки и другие хищники наделены тормозными механизмами, которые функционально аналогичны морали, так как животные убивают друг друга в самых редких случаях. Автор считает, что люди злоупотребляют агрессивностью, необходимой прежде всего для сохранения вида, а тормозные механизмы эволюционно у них так и не возникли. Однако говоря о сдерживающих агрессию механизмах у животных в виде успокаивающих жестов, автор отмечает наличие у человека физических особенностей женщин и детей – их миловидность, и определяет это как комплексный ингибитор. Если же человек совершает акты насилия при непосредственном контакте с жертвой, это говорит об отсутствии у него данного ингибитора.

Подход, предложенный Дж. Доллардом, подразумевает, что в основе агрессии лежит фрустрация [22]. Толчок к агрессивному поведению тем сильнее, чем в большей степени субъект ожидает удовлетворение от будущего достижения цели, чем сильнее препятствие и чем большее количество реакций блокируется. Агрессивную реакцию наибольшей силы может вызвать совокупность сил, следующих друг за другом реакций, однако акты агрессии, выполняющие функцию тормозящих механизмов, не несут ущерба и снижают уровень побуждения к сильной агрессивной реакции. Такими актами-ингибиторами могут быть оскорбления, агрессивные фантазии, удар по столу кулаком и др. Фрустрацию как природу преступления исследовал и Л. Берковиц, по мнению которого, фрустрация не всегда

ведет к агрессии, а только создает готовность к агрессивному поведению. Автор ввел две сдерживающие переменные, относящиеся к побуждению и направленности поведения [3].

С точки зрения социального подхода, основоположником которого является А. Бандура, агрессия усваивается индивидуумом в процессе социализации посредством наблюдения соответствующего образа действий и подкрепления [1]. Согласно автору, агрессия включает в себя действия, за которыми стоят сложные неврожденные навыки, такие, например, как навык обращения с оружием или знание болезненных и опасных для жертвы движений и приемов, понимание конкретных слов, приносящих страдания объекту агрессии. Таким образом, следует, что сдерживающее влияние на агрессию может оказать отсутствие примеров агрессивного поведения и подкрепления, возможностей для развития необходимых навыков, а также наличие социально желательного примера поведения. При этом именно в теории социального научения впервые было выдвинуто предположение, что личностные структуры могут либо способствовать, либо тормозить проявления агрессивных действий. В дальнейшем данное положение легло в основу ряда современных исследований в области ингибиторов агрессии [7; 8; 11].

По мнению сторонников гуманистического подхода А. Маслоу, Э. Фромма и др., человек от рождения изначально добр, а проявляемая им агрессия – это результат неудовлетворения насущных потребностей. Э. Фромм ввел понятие человеческой деструктивности, определяя ее как специфическую злокачественную форму агрессии [13]. Своевременное удовлетворение актуальных потребностей будет являться тормозящим, даже блокирующим агрессию механизмом [4].

А.А. Налчаджян, основываясь на идеях З. Фрейда, описывает агрессию исходя из теории конфликта [10; 12]. Так, агрессия может быть результатом как внутриличностного, так и межличностного конфликта. Как полагает автор, агрессия соотносится с понятием борьбы как попытки разрешения конфликта, характер которой зависит от его типа, например, внутриспсихический, социальный или межэтнический. По определению А.А. Налчаджяна, агрессия является поведенческим аспектом враждебной установки к социальному объекту человека, который возможен только в результате внутриспсихической подготовки. При этом ингибиторы агрессии тесно связаны с адаптацией индивида в ситуации опасности или напряжения, так как агрессивные действия косвенно подавляются неагрессивными адаптивными механизмами. Ингибиторами, или тормозными механизмами, А.А. Налчаджян называет факторы, предупреждающие агрессивные действия или элиминирующие результат уже совершенных действий. Он выделяет биологические и социально-психологические сдерживающие механизмы, которыми могут выступать позы жертвы, моральные принципы, нормы и др. Помимо этого, он выделяет механизмы, устраняющие влияние ингибиторов – дезингибиторы. Примером действия такого дезингибитора может быть наблюдение сцен насилия и вандализма, результатом которого может стать активация потенциально присутствующего у всех людей агрессивного влечения [10].

Среди отечественных работ, посвященных исследованию агрессивного поведения, личностные структуры, способствующие и тормозящие проявления агрессии, активно рассматривались в рамках изучения психологических механизмов криминальной агрессии.

В настоящее время наиболее признанным является подход, предложенный Ф.С. Сафуановым, который, опираясь на существующие теории возникновения агрессии, предложил в качестве оснований психологической типологии криминальной агрессии выделять три основных параметра: уровень агрессивности личности, уровень выраженности психотравмирующего воздействия ситуации и уровень выраженности тормозящих агрессию структур [11]. Таким образом, каждый отдельный акт агрессии определяется соотношением проагрессивных и сдерживающих агрессию личностных структур с учетом характера ситуации. Именно начиная с работ Ф.С. Сафуанова, можно говорить о начале комплексного всестороннего исследования сдерживающих агрессию факторов, которые, согласно автору, оказывают тормозящее влияние на проявление агрессивных побуждений с помощью двух основных механизмов: опосредования действий смысловыми образованиями личности и личностного контроля, и коррекции каждого этапа формирования мотивации и поведения [там же].

Ф.С. Сафуанов предлагает наиболее полную на сегодняшний день классификацию тормозящих агрессию структур, которая включает ценностные, социально-нормативные, диспозиционные, эмоциональные, коммуникативные, интеллектуальные сдерживающие структуры и психологические защитные механизмы [там же]. Подробный анализ указанных видов сдерживающих агрессию личностных структур будет представлен во второй части настоящей статьи.

Типология криминальной агрессии, предложенная Ф.С. Сафуановым, включившая сдерживающие агрессию личностные факторы в структуру агрессивного акта, дала толчок к новым исследованиям в данной области. Так, согласно исследованию А.С. Калашниковой, одни и те же ингибиторы агрессии в ряде случаев могут оказывать тормозящее воздействие как на проявления гетероагрессии, так и аутоагрессии, причем сдерживающее воздействие на агрессию оказывает не один вид ингибиторов в отдельности, а комплекс всех личностных факторов [6]. Также автором впервые было проведено исследование гендерных особенностей агрессивного поведения, согласно результатам которого среди лиц, совершивших противоправные деяния и/или попытки суицида, в целом, женщины по сравнению с мужчинами обладают более широким спектром тормозящих агрессию структур [7].

Если же обратиться к современным зарубежными исследованиям в области криминальной психологии, также можно проследить тенденцию к созданию интегративной модели поведения, включающей проагрессивные и тормозящие агрессию структуры личности. Однако большинство исследований сосредоточены на анализе одной или нескольких ведущих ингибирующих структур при отсутствии учета всех возможных сдерживающих агрессию факторов.

Так, авторы теории, известной как Общая модель агрессии (Generalaggressionmodel), взяли за основу теорию социального научения и социально-когнитивные теории, включив и интегрировав ситуационные, индивидуально-психологические и биологические факторы агрессивного поведения [14; 21]. Согласно данной теории, социальное поведение рассматривается через призму контроля и внутренних процессов саморегуляции. По мнению авторов, социальное поведение зависит от индивидуальной структуры, отражающей события внешней среды, включающей личностную интерпретацию событий,

убеждения об основных способах реагирования на такие события, осознанные навыки реагирования различными способами, а также предвосхищение вероятных результатов. Основными ингибиторами агрессии, согласно данной теории, являются самоконтроль и интеллект. Самоконтроль, зависящий от индивидуальных либо ситуационных факторов, оказывает влияние на оценку ситуации и принятие решения, способствует обдуманной переоценке провокации, что приводит в большинстве случаев к неагрессивному поведению. Интеллектуальные структуры, по мнению G.A. Anderson, C.N. DeWall, R.A. Cobb и др., играют ключевую роль в предупреждении агрессии, влияя в качестве компонента психики на то, как человек воспринимает, понимает и взаимодействует с миром социума [14; 16; 21]. Они развиваются при получении человеком опыта, благодаря которому у него возникают убеждения и установки, которые затем человек привносит в ситуации.

Создатели теории взаимодействия личностных систем (Personality Systems Interaction Theory) T. Ross и M. Fontao также считают, что саморегуляция играет важную роль в феноменологии человеческой агрессии и является определяющей для понимания развития агрессивного-насильственного поведения [40]. Согласно данной теории, в структуре личности взаимодействуют два механизма фасилитации (саморегуляция и самоконтроль) и три ингибирующих механизма (волевой ингибитор, волевое избегание и само-(или ауто-)торможение). Саморегуляция включает неосознаваемые психологические навыки внимания и контроля, мотивации и управления настроением. Типичными дефицитами саморегуляции являются склонность к рассуждательству, рассеянность (или озабоченность) и отчуждение. Механизмами когнитивного самоконтроля являются планирование, импульсивный контроль или инициативность, доступные в свою очередь осознанию. Относящиеся к ингибирующим механизмам волевой ингибитор и самоторможение способствуют личностной инициации поведения, целеполаганию и поддержанию намерений и целей. Типичными дефицитами ингибирующих механизмов являются недостаток энергии, вялость и склонность к разрушению. Все психические явления, по мнению T. Ross и M. Fontao, могут быть интегрированы в четыре основных взаимодействующих системы личности: произвольная память, общие процессы памяти, процесс восприятия и идентификации предметного мира, а также внутренний интуитивный контроль поведения [40]. Отклонения в поведении, таким образом, всегда вызваны дефицитом того или иного механизма системы, а самый важный параметр в структуре агрессивного криминального поведения, согласно представленной модели, – это саморегуляция.

Другая теория получила название мета-теории интегративной структуры связи агрессии и тормозящих механизмов I³ (I-cubedtheory). Согласно авторам данного подхода, в основе агрессивного поведения лежит взаимодействие трех процессов: подстрекательства (провокации), побуждения и торможения, или ингибитора [20]. Подстрекательство подразумевает наличие потенциальной жертвы во взаимосвязи с социальной динамикой, при которой социально-нормативные факторы не тормозят агрессию, а напротив, подталкивают к агрессии. Побуждение относится к диспозиционным и ситуативным факторам, которые психологически подготавливают человека испытать сильное побуждение к агрессии в ответ на провокацию. По мнению T.F. Denson, C.N. DeWall, E.J. Finkel, наиболее сильный толчок к совершению агрессивного поступка появляется при столкновении провокации и побуждения одинаковой силы. Торможение относится к диспозиционным и

ситуативным факторам, которые способствуют увеличению вероятности преодоления агрессивного побуждения. Когда сила торможения превышает силу агрессивного побуждения, человек становится неагрессивен, и наоборот, когда сила агрессивного побуждения превышает силу тормозных механизмов, человек становится агрессивен.

Согласно исследованиям М. Rutter, ответ личности на воздействие любого фрустратора может быть обусловлен влиянием как оценки самой ситуации, так и готовностью к получению нового опыта, придания ему значения и последующего включения в систему убеждений, формирующую мировоззрение [41]. Очень важно, каким образом люди справляются с трудностями и стрессовыми ситуациями – они не только непосредственно реагируют на фрустратор, а осознанно реализуют определенные копинг-стратегии. Способность личности к эффективной деятельности в сложных ситуациях проявляется как через высокий уровень самооценки и ощущение собственной значимости, так и через определенный набор навыков разрешения проблем, т. е. копинг-стратегий, в который входят особенности темперамента, а также разнообразные качества, обеспечивающие стабильность эмоциональных взаимоотношений, успешную деятельность, достижения и способность извлекать положительный опыт. Данные ингибирующие агрессию личностные качества регулируют главным образом взаимодействие с другими людьми, а также обеспечивают регуляцию индивидуальных ответов на жизненные обстоятельства. Если индивид при столкновении с проблемами и их сложными последствиями не избегает стресса, а выбирает эффективные копинг-стратегии, то данный стиль поведения способствует росту уверенности в себе и социальной компетентности в будущем. При этом, как отмечает автор, функция защиты не сводится к эффекту буферизации какого-то поддерживающего фактора, работающего в конкретном промежутке времени. Скорее, качество устойчивости личности к внешним воздействиям проявляется в том, как человек справляется с возникающими ситуациями, при этом решающее значение отводится раннему жизненному опыту. Ни один из факторов сам по себе не является решающим для определения способности лица справляться с фрустрирующими обстоятельствами, однако в сочетании они могут создавать цепочку взаимосвязей, способствующую эффективному разрешению проблемных ситуаций [41].

В последние годы судебные психологи и психиатры как в России, так и зарубежом, начали признавать значение защитных факторов для более точной оценки риска и более эффективной профилактики насилия в клинической практике [23; 25; 31; 34; 48]. Исследование защитных факторов выявило статические и динамические факторы, которые могут помочь правонарушителям сдерживаться от насильственного поведения. Статические защитные факторы включают такие личностные переменные, как «интеллект» [35] и «безопасная привязанность в детстве (эмпатия)» [27]. Динамические защитные факторы отражают такие, например, внутриличностные характеристики, как «копинг (совладание)» [45] и «самоконтроль» [42; 43], такие мотивационные установки, как «работа и хобби» [29], «мотивация на лечение» [32], а также такие внешние средовые факторы, как «социальное взаимодействие» [44] и «профессиональная забота» [17]. Вместе с тем исследование личностных структур, сдерживающих криминальное поведение [24; 36; 46], а также анализ процесса прекращения криминальных возможностей (knifing-off) [36], показали, что снижение риска совершения насилия с течением

времени может быть результатом ситуационных изменений или относиться к возрастным процессам или процессам созревания.

Исследователями было выявлено, что принудительное лечение, направленное на снижение риска рецидива насилия, должно быть направлено не только на уменьшение факторов риска, но и на усиление защитных факторов [15; 38]. Особое внимание к сохранным звеньям личности психически больных пациентов и особенностям их среды может принести ценный вклад в лечение и процесс их ресоциализации [47].

Итак, со времени появления первых научных работ, рассматривающих проблему агрессии и сдерживающих ее проявления факторов, прошло больше века, но интерес к данной тематике только увеличивается, на что указывает рост числа публикаций в данной области исследования, а также многообразие психологических моделей анализа и объяснения процесса возникновения агрессивного поведения. В первой части настоящей статьи мы рассмотрели историю появления теорий агрессии и обнаружили, что начиная с первых научных изысканий в данном направлении, авторы неразрывно связывали агрессивное поведение с противоположным по своему назначению явлением – ингибиторами агрессии, хотя сам термин появился сравнительно недавно. В первой части статьи был также представлен теоретический обзор немногочисленных на сегодняшний день современных зарубежных исследований, направленных на выявление единого психологического механизма взаимодействия проагрессивных и сдерживающих агрессию факторов. Вторая часть статьи будет посвящена анализу отечественных и зарубежных исследований, направленных на изучение отдельных проявлений, сдерживающих агрессию структур.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
2. Бартол К. Психология криминального поведения. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 352 с.
3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 512 с.
4. Богдан С.С. Человеческая деструктивность как форма агрессии: экзистенциально-гуманистический подход // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. С. 20–23.
5. Булыгина В.Г. Новые инструменты в зарубежной практике – структурированное измерение протективных факторов риска насилия // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по

- юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2012. С. 48–50.
6. *Калашникова А.С.* Соотношение личностных предпосылок разнонаправленной (гетеро- и ауто-) агрессии // Мир психологии. 2009. № 4. С. 258–266.
  7. *Калашникова А.С.* Психологические механизмы аутоагрессивных и гетероагрессивных действий у лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2011. № 3(8). URL: http://www.medpsy.ru/mprij/archiv_global/2011_3_8/nomer/nomer07.php (дата обращения: 18.11.2013).
  8. *Ложкин А.И.* Психология личности агрессивно-насильственного преступника (мотивационно-смысловой аспект). Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2002. 136 с.
  9. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»): Пер. с нем. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 272 с.
  10. *Налчаджян А.А.* Агрессивность человека. – СПб.: Питер, 2007. 736 с.
  11. *Сафуанов Ф.С.* Психология криминальной агрессии. – М.: Смысл, 2003. 300 с.
  12. *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский.– М.: Просвещение, 1990. 448 с.
  13. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. М.: АСТ, 2006. 640 с.
  14. *Anderson G.A., Carnagey N.L.* Violent evil and the general aggression model / Chapter in Miller A.G. (Ed.) The social psychology of good and evil. New York Guilford Publications, 2004. Pp. 162–192.
  15. *Blum R.W., Ireland M.* Reducing risk, increasing protective factors: Findings from the Caribbean Youth Health Survey // Journal of Adolescent Health, 2004. № 35. Pp. 493–500.
  16. *Cobb R.A., DeWall C.N., Lambert N.M., Fincham F.D.* Implicit theories of relationships and close relationship violence: does believing your relationship can grow relate to lower perpetration of violence? / Personality and social psychology bulletin. 2013. Pp. 279–292.

-
17. *Cooper C., Eslinger D.M., Stolley P.D.* Hospital-based violence intervention programs work // *Journal of Trauma-Injury Infection and Critical Care*, 2006. № 61. Pp. 534–540.
  18. *Costa F.M., Jessor R., Turbin M.S.* Transition into adolescent problem drinking: The role psychosocial risk and protective factors // *Journal of Studies on Alcohol*, 1999. № 60. Pp. 480–490.
  19. *DeMatteo D., Heilbrun K., Marczyk G.* Psychopathy, risk of violence, and protective factors in a noninstitutionalized and noncriminal sample // *International Journal Of Forensic Mental Health*, 2005. № 4. Pp. 147–157.
  20. *Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J.* Self-Control and Aggression / *Current Directions in Psychological Science*, 2012. Pp. 20–25.
  21. *DeWall C.N., Anderson C.A., Bushman B.J.* The general aggression model: Theoretical extensions to violence / *Psychology of Violence*. 2011. № 1. Pp. 245–258.
  22. *Dollard J., Doob L., Miller N.E., Mowrer H.O., Sears R.R.* Frustration and aggression. New-Haven, Yale, 1939. 121 p.
  23. *Douglas K.S., Skeem, J.L.* Violence risk assessment: Getting specific about being dynamic // *Psychology, Public Policy, and Law*, 2005. № 11. Pp. 347–383.
  24. *Ezell M.E., Cohen L.E.* Desisting from crime: Continuity and change in long-term crime patterns of serious chronic offenders // N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 20.
  25. *Farrington D.P., Loeber R.* Epidemiology of juvenile violence // *Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America*, 2000. № 9. Pp. 733–748.
  26. *Fitzpatrick K.M.* Fighting among America's youth: A risk and protective factors approach // *Journal of Health and Social Behavior*, 1997. № 38. Pp. 131–148.
  27. *Fonagy P., Target M., Steele H.* The development of violence and crime as it relates to security of attachment // in J. Osotsky (ed.) *Children in a violent society*, N.Y.: Guildford Press, 1997. Pp. 150–177.
  28. *Gagliardy G.J., Lovell D., Peterson P.D., Jemelka R.* Forecasting recidivism in mentally ill offenders released from prison // *Law and Human Behavior*, 2004. № 28. Pp. 133–155.
  29. *Gendreau P., Goggin C., Gray G.* Case needs review : Employment domain // Saint Jonh, NB: Centre for Criminal Justice Studies, University of New Brunswick, 2000.

-
30. *Hawkins J.D., Catalano R.F., Miller J.Y.* Risk and protective factors for alcohol and other drug problems in adolescence and early adulthood: Implications for substance abuse prevention // *Psychological Bulletin*, 1992. № 112. Pp. 64–105.
  31. *Heilbrun K.* Violence risk: From prediction to management // in D. Carson and R. Bull (eds) *Handbook of psychology in legal context*. N.Y.: Wiley, 2003. Pp. 127–142.
  32. *Howells K., Day A., Williamson P., Bubner S., Jauncey S., Parker A., Heseltine K.* Brief anger management programs with offenders: Outcomes and predictors of change, *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 2005. № 16. Pp. 296–311.
  33. *Jessor R., Turbin M.S., Costa F.M., Dong Q., Zhang H., Wang C.* Adolescent problem behavior in China and the United States: A cross-national study of psychosocial protective factors. *Journal of Research on Adolescence*. 2003. № 13. Pp. 329–360.
  34. *Jones N.J., Brown S.L.* Positive reframing: The benefits of incorporating protective factors into risk assessment protocols // *Crime scene*, 2008. № 15. Pp. 22–24.
  35. *Kandel E., Mednick S.A., Kirkegaard-Sorensen L., Hutchings B., Knop J., Rosenberg R., Schulsinger F.* IQ as a protective factor for subjects at high risk for antisocial behavior // *Journal of Interpersonal Violence*. 1988. № 25. Pp. 568–587.
  36. *Maruna S., Roy K.* Amputation or reconstruction? Notes on the concept of 'knifing off' and desistance from crime // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2006. № 22. Pp. 1–21.
  37. *Pearce M.J., Jones S.M., Schwab-stone M.E., Ruchkin V.* The protective effects of religiousness and parent involvement on the development of conduct problems among youth exposed to violence // *Child Development*. 2003. № 74. Pp. 1682–1696.
  38. *Resnick M.D., Ireland M., Borowsky I.* Youth violence perpetration: What protects? What predicts? Findings from the National Longitudinal Study of Adolescent Health. 2004. № 35. P. 424.
  39. *Rogers R.* The uncritical acceptance of risk assessment in forensic practice // *Law and Human Behavior*. 2000. № 24. Pp. 595–605.
  40. *Ross T., Fontao M.I.* The relationship of self-regulation and aggression: an empirical test of personality systems interaction theory / *International journal of offender therapy and comparative criminology*. 2008. Pp. 554–572.
  41. *Rutter M.* Resilience in the face of adversity: protective factors and resistance to psychiatric disorder // *Br J Psychiatr*, 1985. Pp. 598–611.

42. *Tangney J.P., Baumeister R.F., Boone A.L.* High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades, and interpersonal success // *Journal of Personality*. 2004. № 72. Pp. 271–324.
43. *Tangney J.P., Stuewig J., Mashek D., Hastings M.* Assessing jail inmates' proneness to shame and guilt: feeling bad about the behavior or the Self? / *Criminal justice and behavior*, 2011. Pp. 710–734.
44. *Turbin M.S., Jessor R., Costa F.M., Dong Q., Zhang H., Wang C.* Protective and risk factors in health-enhancing behavior among adolescents in China and the United States: Does social context matter? // *Health Psychology*, 2006. № 25. Pp. 445–454.
45. *Vance J.E., Bowen N.K., Fernandez G., Thompson S.* Risk and protective factors as predictors of outcome in adolescents with psychiatric disorder and aggression // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 2002. № 41. Pp. 36–43.
46. *Vaughan B.* The internal narrative of desistance // *British Journal of Criminology*. 2007. № 47. Pp. 390–404.
47. *VriesRobbé de, Vogel de.* Chapter on Protective factors for violence risk: Bringing balance to risk assessment and management // *Managing Clinical Risk* by Caroline Logan & Lorraine Johnstone, 2012. Pp. 293–310.
48. *Webster C.D., Martin M., Brink J., Nicholls T.L., Middleton C.* Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START): An evaluation and planning guide. Hamilton, Ontario: St. Joseph's Healthcare Hamilton, 2004. Pp. 1–15.

A review of research on the problem of aggression inhibitors (Part 1)

Kalashnikova A.S., PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, MCUPE, Senior Research Assistant, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry, Russian Ministry of Health (kaspsy@mail.ru)

Dvoryanchikov N.V., PhD in Psychology, dean, department of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (dvorian@gmail.com)

Vasilenko T.G., Post-graduate Student, Chair of Legal Psychology, MSUPE (vol4onka_@mail.ru)

Most modern scholars in the genesis of the aggressive behavior inextricably consider proaggressive factors and factors constraining, or inhibiting, aggressive manifestations. At the same time, there are also scientific approaches to understanding the nature of aggression, which in some cases does not focus directly on the structures inhibiting aggressive impulses, and are limited to considering only the aggression catalysts. In the present article we discuss the need to introduce the term "inhibitors of aggression", analyze different positions and views on this problem. We consider not only Russian conceptions of the nature of aggression retarding structures, but also the international research aimed at understanding the psychological analogue of this phenomenon: "protective factors". The first part of the article is devoted to the theoretical overview of the problem of aggression inhibitors, which not only traces the history of the studies of this phenomenon, but also makes an attempt to analyze few up-to-day theories of aggressive behavior, aimed at objectivation of the psychological mechanism of interaction of proaggressive and inhibiting personality structures.

Keywords: aggressive behavior, aggression inhibitors, personality structures inhibiting aggression, protective factors, aggression theories.

References

1. *Bandura A.* Teorija social'nogo nauchenija. – SPb.: Evrazija, 2000. 320 s.
2. *Bartol K.* Psihologija kriminal'nogo povedenija. – SPb.: Prajm-EVROZNAK, 2004. 352 s.
3. *Berkovic L.* Agressija: prichiny, posledstvija i kontrol'. – SPb.: Prajm-EVROZNAK, 2002. 512 s.
4. *Bogdan S.S.* Chelovecheskaja destruktivnost' kak forma agressii: jekzistencial'no-gumanisticheskij podhod // Istoricheskie, filosofskie,

- politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. S. 20–23.
5. *Bulygina V.G.* Novye instrumenty v zarubezhnoj praktike – strukturirovannoe izmerenie protektivnyh faktorov riska nasilija // Kochenovskie chtenija «Psihologija i pravo v sovremennoj Rossii». Sbornik tezisov uchastnikov Vserossijskoj konferencii po juridicheskoj psihologii s mezhdunarodnym uchastiem. – M.: MGPPU, 2012. S. 48–50.
  6. *Kalashnikova A.S.* Sootnoshenie lichnostnyh predposylok raznonapravlennoj (getero- i auto-) agressii // Mir psihologii. 2009. № 4. S. 258–266.
  7. *Kalashnikova A.S.* Psihologicheskie mehanizmy autoagressivnyh i geteroagressivnyh dejstvij u lic s psihicheskimi rasstrojstvami, ne iskljuchajushhimi vmenjaemosti [Jelektronnyj resurs] // Medicinskaja psihologija v Rossii. 2011. № 3(8). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_3_8/nomer/nomer07.php (data obrashhenija: 18.11.2013).
  8. *Lozhkin A.I.* Psihologija lichnosti agressivno-nasil'stvennogo prestupnika (motivacionno-smyslovoj aspekt). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. jurid. in-ta MVD Rossii, 2002. 136 s.
  9. *Lorenc K.* Agressija (tak nazываемoe «zlo»): Per. s nem. – M.: Izdatel'skaja gruppa «Progress», «Univers», 1994. 272 s.
  10. *Nalchadzhjan A.A.* Agressivnost' cheloveka. – SPb.: Piter, 2007. 736 s.
  11. *Safuanov F.S.* Psihologija kriminal'noj agressii. – M.: Smysl, 2003. 300 s.
  12. *Frejd Z.* Psihologija bessoznatel'nogo: Sb. proizvedenij / Sost., nauch. red., avt. vstup. st. M.G. Jaroshevskij.– M.: Prosveshhenie, 1990. 448 s.
  13. *Fromm Je.* Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. Per. s nem. M.: AST, 2006. 640 s.
  14. *Anderson G.A., Carnagey N.L.* Violent evil and the general aggression model / Chapter in Miller A.G. (Ed.) The social psychology of good and evil. New York Guilford Publications, 2004. Pp. 162–192.
  15. *Blum R.W., Ireland M.* Reducing risk, increasing protective factors: Findings from the Caribbean Youth Health Survey // Journal of Adolescent Health, 2004. № 35. Pp. 493–500.
  16. *Cobb R.A., DeWall C.N., Lambert N.M., Fincham F.D.* Implicit theories of relationships and close relationship violence: does believing your relationship

- can grow relate to lower perpetration of violence? / Personality and social psychology bulletin. 2013. Pp. 279–292.
17. *Cooper C., Eslinger D.M., Stolley P.D.* Hospital-based violence intervention programs work // Journal of Trauma-Injury Infection and Critical Care, 2006. № 61. Pp. 534–540.
  18. *Costa F.M., Jessor R., Turbin M.S.* Transition into adolescent problem drinking: The role psychosocial risk and protective factors // Journal of Studies on Alcohol, 1999. № 60. Pp. 480–490.
  19. *DeMatteo D., Heilbrun K., Marczyk G.* Psychopathy, risk of violence, and protective factors in a noninstitutionalized and noncriminal sample // International Journal Of Forensic Mental Health, 2005. № 4. Pp. 147–157.
  20. *Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J.* Self-Control and Aggression / Current Directions in Psychological Science, 2012. Pp. 20–25.
  21. *DeWall C.N., Anderson C.A., Bushman B.J.* The general aggression model: Theoretical extensions to violence / Psychology of Violence. 2011. № 1. Pp. 245–258.
  22. *Dollard J., Doob L., Miller N.E., Mowrer H.O., Sears R.R.* Frustration and aggression. New-Haven, Yale, 1939. 121 p.
  23. *Douglas K.S., Skeem, J.L.* Violence risk assessment: Getting specific about being dynamic // Psychology, Public Policy, and Law, 2005. № 11. Pp. 347–383.
  24. *Ezell M.E., Cohen L.E.* Desisting from crime: Continuity and change in long-term crime patterns of serious chronic offenders // N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 20.
  25. *Farrington D.P., Loeber R.* Epidemiology of juvenile violence // Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America, 2000. № 9. Pp. 733–748.
  26. *Fitzpatrick K.M.* Fighting among America's youth: A risk and protective factors approach // Journal of Health and Social Behavior, 1997. № 38. Pp. 131–148.
  27. *Fonagy P., Target M., Steele H.* The development of violence and crime as it relates to security of attachment // in J. Osotsky (ed.) Children in a violent society, N.Y.: Guildford Press, 1997. Pp. 150–177.
  28. *Gagliardy G.J., Lovell D., Peterson P.D., Jemelka R.* Forecasting recidivism in mentally ill offenders released from prison // Law and Human Behavior, 2004. № 28. Pp. 133–155.

-
29. *Gendreau P., Goggin C., Gray G.* Case needs review : Employment domain // Saint Jonh, NB: Centre for Criminal Justice Studies, University of New Brunswick, 2000.
  30. *Hawkins J.D., Catalano R.F., Miller J.Y.* Risk and protective factors for alcohol and other drug problems in adolescence and early adulthood: Implications for substance abuse prevention // Psychological Bulletin, 1992. № 112. Pp. 64–105.
  31. *Heilbrun K.* Violence risk: From prediction to management // in D. Carson and R. Bull (eds) Handbook of psychology in legal context. N.Y.: Wiley, 2003. Pp. 127–142.
  32. *Howells K., Day A., Williamson P., Bubner S., Jauncey S., Parker A., Heseltine K.* Brief anger management programs with offenders: Outcomes and predictors of change, Journal of Forensic Psychiatry and Psychology, 2005. № 16. Pp. 296–311.
  33. *Jessor R., Turbin M.S., Costa F.M., Dong Q., Zhang H., Wang C.* Adolescent problem behavior in China and the United States: A cross-national study of psychosocial protective factors. Journal of Reseach on Adolescence. 2003. № 13. Pp. 329–360.
  34. *Jones N.J., Brown S.L.* Positive reframing: The benefits of incorporating protective factors into risk assessment protocols // Crime scene, 2008. № 15. Pp. 22–24.
  35. *Kandel E., Mednick S.A., Kirkegaard-Sorensen L., Hutchings B., Knop J., Rosenberg R., Schulsinger F.* IQ as a protective factor for subjects at high risk for antisocial behavior // Journal of Interpersonal Violence. 1988. № 25. Pp. 568–587.
  36. *Maruna S., Roy K.* Amputation or reconstruction? Notes on the concept of 'knifing off' and desistance from crime // Journal of Contemporary Criminal Justice. 2006. № 22. Pp. 1–21.
  37. *Pearce M.J., Jones S.M., Schwab-stone M.E., Ruchkin V.* The protective effects of religiousness and parent involvement on the development of conduct problems among youth exposed to violence // Child Development. 2003. № 74. Pp. 1682–1696.
  38. *Resnick M.D., Ireland M., Borowsky I.* Youth violence perpetration: What protects? What predicts? Findings from the National Longitudinal Study of Adolescent Health. 2004. № 35. P. 424.
  39. *Rogers R.* The uncritical acceptance of risk assessment in forensic practice // Law and Human Behavior. 2000. № 24. Pp. 595–605.
  40. *Ross T., Fontao M.I.* The relationship of self-regulation and aggression: an empirical test of personality systems interaction theory / International journal of offender therapy and comparative criminology. 2008. Pp. 554–572.

-
41. *Rutter M.* Resilience in the face of adversity: protective factors and resistance to psychiatric disorder // *Br J Psychiatr*, 1985. Pp. 598–611.
  42. *Tangney J.P., Baumeister R.F., Boone A.L.* High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades, and interpersonal success // *Journal of Personality*. 2004. № 72. Pp. 271–324.
  43. *Tangney J.P., Stuewig J., Mashek D., Hastings M.* Assessing jail inmates' proneness to shame and guilt: feeling bad about the behavior or the Self? / *Criminal justice and behavior*, 2011. Pp. 710–734.
  44. *Turbin M.S., Jessor R., Costa F.M., Dong Q., Zhang H., Wang C.* Protective and risk factors in health-enhancing behavior among adolescents in China and the United States: Does social context matter? // *Health Psychology*, 2006. № 25. Pp. 445–454.
  45. *Vance J.E., Bowen N.K., Fernandez G., Thompson S.* Risk and protective factors as predictors of outcome in adolescents with psychiatric disorder and aggression // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 2002. № 41. Pp. 36–43.
  46. *Vaughan B.* The internal narrative of desistance // *British Journal of Criminology*. 2007. № 47. Pp. 390–404.
  47. *VriesRobbé de, Vogel de.* Chapter on Protective factors for violence risk: Bringing balance to risk assessment and management // *Managing Clinical Risk* by Caroline Logan & Lorraine Johnstone, 2012. Pp. 293–310.
  48. *Webster C.D., Martin M., Brink J., Nicholls T.L., Middleton C.* Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START): An evaluation and planning guide. Hamilton, Ontario: St. Joseph's Healthcare Hamilton, 2004. Pp. 1–15.

Опыт проведения экспертиз пацифистских убеждений объединенным советом религиозных общин и групп в советском государстве

Стволыгин К.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии и конфликтологии Филаиала Российского государственного университета в г. Минске (konstvol@mail.ru)

Целью данной статьи является отражение результатов исследования отечественного опыта проведения экспертиз пацифистских убеждений призывников общественной организацией – Объединенным советом религиозных общин и групп в Советском государстве в 1918–1920 гг. Анализируются такие составляющие этого опыта, как сам механизм проведения экспертиз, используемые при этом методы и критерии, их приоритетность, а также обстоятельства, негативно влиявшие на объективность экспертной деятельности Объединенного совета. В числе этих обстоятельств особо выделена нерешенность проблемы критериев, позволяющих доказательно судить об истинности пацифистских религиозных убеждений, ограниченность применяемых при проведении экспертиз методов (опрос, беседа, анализ документов). Следствием нерешенности данной проблемы стала возможная необъективность экспертов – членов Объединенного совета, а также конфликт с наркоматом юстиции, приведший к прекращению экспертной деятельности Объединенного совета религиозных общин и групп.

Ключевые слова: объединенный совет религиозных общин и групп, экспертиза пацифистских религиозных убеждений, методы, критерии, объективность, альтернативная служба.

В № 3 журнала «Психология и право» за 2012 г. была размещена статья «Теоретические подходы к проблеме психологической экспертизы пацифистских убеждений призывников». В статье исследуется проблема доказательности суждений о наличии или отсутствии у призывников пацифистских убеждений. Наряду с демонстрацией актуальности и сложности данной проблемы в статье также делается вывод о необходимости всестороннего изучения отечественного опыта проведения экспертиз пацифистских убеждений призывников (Стволыгин К.В., 2012). Важнейшей составляющей этого опыта выступает экспертная деятельность Объединенного совета религиозных общин и групп (ОСРГ), осуществляемая в 1918–1920 гг. в рамках функционирования института альтернативной службы в Советском государстве.

ОСРОГ был организован осенью 1918 г. Изначально его основной целью было содействие советской власти в освобождении от воинской повинности граждан, по совести неприемлющих участия в военном деле. ОСРОГ состоял из представителей Московской группы меннонитов, Московской общины евангельских христиан-баптистов, Московской общины евангельских христиан, Общества истинной свободы в память Л.Н. Толстого, трудовой общины-коммуны «Трезвая жизнь», Общины христиан адвентистов 7-го дня. Председатель Совета — В.Г. Чертков, члены — Н. Гусев, И. Колосков, И. Львов, П. Павлов, К. Платонова, А. Серниенко, М. Тимошенко, Г. Фрезе, В. Чириков, К. Шахор-Троцкий. Секретарь — В. Теппоне (ГАРФ).

Сразу же после своего создания ОСРОГ активно включился в работу по совершенствованию действующего на тот момент порядка освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям, утвержденного постановлением Революционного военного совета РСФСР и объявленного приказом №130 от 22 октября 1918 г. В начале ноября 1918 г. ОСРОГ обратился в Совет Народных Комиссаров (Совнарком) с заявлением, в котором предлагал взять на себя функции учреждения, призванного определять искренность религиозных убеждений граждан, отказывающихся от военной службы, поскольку ОСРОГ является выразителем мнения большинства внецерковных религиозных течений, отвергающих военную службу, и именно ему могут быть доподлинно известны все необходимые данные для проверки искренности религиозных убеждений того или иного лица, отказывающегося от военной службы (ГАРФ).

4 января 1919 г. на заседании Совнаркома был принят декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Согласно принятого Совнаркомом декрета, право на прохождение альтернативной службы или на полное освобождение как от военной, так и от альтернативной службы, предоставлялось только по религиозным убеждениям. Срок альтернативной службы устанавливался равным сроку военной службы. Местом прохождения альтернативной службы декрет определял «преимущественно заразные госпитали». Право принятия окончательного решения об освобождении от воинской повинности закреплялось за народным судом. При принятии решения суд должен был опираться на результаты экспертизы религиозных убеждений, проведенной ОСРОГ. После вступления декрета СНК в силу началась полноценная экспертная деятельность ОСРОГ.

Механизм проведения ОСРОГ экспертиз искренности религиозных убеждений граждан функционировал следующим образом. Поступившие в адрес ОСРОГ запросы от народных судов, а также заявления непосредственно от граждан об их отказах проходить военную службу по религиозным убеждениям рассматривались на заседаниях ОСРОГ. Рассмотрение соответствующих запросов и заявлений проходило как при личном участии граждан, отказывающихся от военной службы, так и без их участия. Это зависело, прежде всего, от желания и возможности самого «отказника» присутствовать на заседании ОСРОГ, где рассматривался его вопрос. Члены ОСРОГ чаще всего не настаивали на личном участии в работе Совета того или иного отказывающегося. Однако в ряде случаев такое участие признавалось обязательным. «Отказников» вызывали в ОСРОГ, если имеющихся у членов Совета сведений не хватало для принятия решения. Как правило, на заседания ОСРОГ приглашались и «отказники», нуждающиеся в полном освобождении от воинской повинности без замены ее альтернативной службой. Рассматривая очную и заочную

практику проведения экспертиз ОСРОГ, следует учитывать обстановку в стране в то время. Надо полагать, что преобладание заочного рассмотрения дел «отказников» было связано с работой транспорта в стране, не позволяющей «отказникам» добраться до Москвы, где размещался ОСРОГ. В ряде случаев, когда членам ОСРОГ не хватало имеющихся сведений для проведения экспертизы, а сам «отказник» отсутствовал на заседании, Советом принималось решение запросить с мест недостающие данные. Такие запросы направлялись в большинстве случаев в религиозные общины, членами которых являлись граждане, отказывающиеся от военной службы.

26 декабря 1919 г. ОСРОГ на своем заседании принял решение выдавать удостоверения об искренности религиозных убеждений гражданам только после обсуждения на заседании Совета убеждений каждого гражданина в отдельности. Члены ОСРОГ получили возможность выдавать подобные удостоверения единолично лишь при условии исключительной важности и срочности дела. Принятие такого решения было вызвано заявлением члена ОСРОГ К.С. Шохор-Троцкого, который выразил недоверие другому члену Совета П.В. Павлову. П.В. Павлов выдавал удостоверения об искренности религиозных убеждений граждан без предварительного доклада на заседаниях ОСРОГ (НИОР РГБ).

При проведении экспертиз ОСРОГ опирался, главным образом, на персональное знание его членами личности отказывающегося, его убеждений, образа жизни, а также на результаты индивидуальных собеседований с «отказниками», проводимых членами Совета и его уполномоченными. Определенную информацию представители ОСРОГ получали и из опросного листа, который заполняли лица, добывающиеся освобождения от военной службы по религиозным убеждениям. Кроме вопросов о личных данных «отказника», в опросный лист был включен ряд вопросов, ответы на которые должны были способствовать выявлению характера его убеждений. По смыслу эти вопросы можно разделить на два блока. Первый блок содержал вопросы о вероисповедании «отказника»: его принадлежность к какой-либо религиозной общине или группе; с какого времени он считал себя верующим. Если «отказник» не принадлежал ни к какой религиозной общине или группе, т. е. придерживался свободного вероисповедания, он должен был указать это в опросном листе и ответить на вопрос, кто мог бы подтвердить его убеждения. Второй блок включал вопросы о непосредственном отношении «отказника» к военной службе: состоял ли на военной службе, если состоял, то с какого времени и какую службу нес; с какого времени считает военную службу не совместимой со своими религиозными убеждениями; на какую замену военной службы согласен (санитарная или какая-либо другая общепользная работа); подано ли заявление в народный суд об отказе от военной службы (точно указать, когда и в какой именно). Сведения, отраженные в опросных листах, по возможности должны были заверяться религиозной общиной или группой. Информация, содержащаяся в опросных листах, для членов ОСРОГ не имела решающего значения. В своих воспоминаниях председатель ОСРОГ В.Г. Чертков подчеркивал, что официальные документы и данные, к которым можно отнести и опросные листы, играли для членов Совета второстепенную роль. Вопрос об искренности религиозных убеждений граждан выяснялся, главным образом, на основании личного ознакомления «с внутренним душевным миром отказывающихся» (Стволыгин, К.В., 1997).

К лету 1919 г. проблемы приглашения граждан, отказывающихся от военной службы по религиозным убеждениям, на заседания ОСРОГ, увеличение числа «отказников» поставили перед Советом вопрос о необходимости иметь своих представителей в местах размещения наиболее многочисленных сектантских общин и групп. 8 сентября 1919 г. решением ОСРОГ утверждены особые уполномоченные Совета и коллегии из них для оперативного решения вопросов, связанных с освобождением от воинской повинности по религиозным убеждениям на местах. Согласно постановлению ОСРОГ в Петроград и Петроградскую губернию были направлены 4 уполномоченных, в Новгород и Новгородскую губернию — 2 уполномоченных, по одному человеку — в Воронеж, Саратов, Симбирск, Казань, Пензу, Ижевск, Оренбург (НИОР РГБ). ОСРОГ снабдил своих представителей мандатами, дающими право проводить экспертизы религиозных убеждений граждан и предоставлять заключения по результатам этих экспертиз в судебные и другие учреждения. Кроме того, представителям Совета на местах предписывалось всячески защищать граждан, религиозные убеждения которых подвергаются стеснениям (Стволыгин, К.В., 1997).

Практика освобождения религиозных сектантов от военной службы в годы Гражданской войны привела к конфликту между наркоматом юстиции (Наркомюстом) и ОСРОГ. Именно от этих двух организаций в первую очередь зависело выполнение декрета Совнаркома от 4 января 1919 г. Конфликтую, Наркомюст и ОСРОГ обвиняли друг друга в нарушениях декрета «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям и апеллировали к высшим государственным органам. Так, к лету 1919 г. в Наркомюсте пришли к выводу, что дезертиры, а их только в период с 11 по 17 мая 1919 г. было задержано 23 725 человек (РГАСПИ), используют декрет Совнаркома от 4 января 1919 г. в своих корыстных целях. Первопричину такого положения дел в Наркомюсте усматривали в деятельности ОСРОГ. По мнению наркомата, ОСРОГ, получив как бы санкционированную государством монополию на проведение экспертиз по всем делам, связанным с отказом от военной службы по религиозным убеждениям, снабжал всех желающих (в том числе и дезертиров) удостоверениями об искренности религиозных убеждений, отрицающих участие в военном деле. В итоге 14 декабря 1920 г. Совнаркомом было принято постановление (декрет) об изменениях и дополнениях декрета «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», в котором ОСРОГ не упоминался вообще. Для проведения экспертиз предписывалось приглашать сведущих и внушающих доверие представителей соответствующих религиозных вероучений и других лиц, обладающих соответствующими знаниями и опытом. Следствием данного постановления стало фактическое прекращение экспертной деятельности ОСРОГ.

Исходя из актуальности исследования отечественного опыта проведения экспертиз пацифистских убеждений призывников, значимым представляется анализ обстоятельств, которые негативно влияли на объективность экспертной деятельности ОСРОГ.

По имеющимся у автора данным из архивных источников, общее число экспертов было незначительным: 12 человек – члены ОСРОГ, 13 человек – уполномоченные ОСРОГ в местах размещения наиболее многочисленных сектантских общин и групп, итого 25 человек. Анализ сохранившихся протоколов ОСРОГ показал, что только за период с 10 февраля по 26 декабря 1919 г. было

рассмотрено в общей сложности 1330 запросов и заявлений (Стволыгин К.В., 2012). Таким образом, если брать за основу эти данные, то за десять месяцев на каждого эксперта в среднем приходилось более 50 запросов и заявлений о проведении экспертиз, или в среднем по 5 запросов и заявлений на одного эксперта в месяц. При этом следует учесть следующие факты. Члены ОСРОГ в исключительных случаях могли единолично выдавать удостоверения об искренности религиозных убеждений, не совместимых с несением военной службы. Это означает, что общее число проведенных экспертиз могло быть больше (причем значительно больше), чем 1330. Так, согласно данным советского исследователя религиозного сектантства А.И. Клибанова, в годы Гражданской войны экспертизе ОСРОГ подвергались примерно 40 тысяч граждан, отказывающихся служить в Красной Армии по религиозным убеждениям (Клибанов А.И., 1969). Кроме того, некоторые члены ОСРОГ отказывались рассматривать религиозные убеждения незнакомых им лично людей, а некоторые не считали возможным для себя вообще участвовать в проведении экспертиз (НИОР РГБ). С учетом числа «отказников», географии отказов (губернии, куда направлялись уполномоченные Совета) и условий Гражданской войны можно предположить, насколько реальной была задача сбора всей необходимой для полноценного экспертного заключения информации. Причем промедление с проведением экспертиз зачастую вело к трагическим последствиям. «Отказников» нередко приравнивали к дезертирами, дела их рассматривали реввоен трибуналы, и если у «отказников» на руках не было документов, подтверждающих наличие у них убеждений, не совместимых с несением воинской службы, шансов остаться в живых у «отказников» было немного. При вынесении приговоров члены реввоен трибуналов должны были руководствоваться «исключительно обстоятельствами дела и своей революционной совестью» (Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия, 1987). Членами реввоен трибуналов были в большинстве своем коммунисты или сочувствующие, которые видели в верующих в Бога своих идейных противников, да еще и отказывающихся защищать свое отечество. Поэтому, вероятнее всего, «революционная совесть» в значительной степени способствовала вынесению самых суровых приговоров «отказникам». В силу всего этого от расстрелов «отказников» не всегда спасали и имеющиеся у них оправдательные документы. Так, в августе 1920 г. реввоен трибунал 40-й дивизии осудил около 100 сектантов за отказ от военной службы. 34 человека были приговорены к расстрелу и расстреляны. Все они до этого подавали заявления об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям в народный суд и имели на руках соответствующие справки (ГАРФ). В этой связи особо подчеркнем, что приговоры реввоен трибуналов к высшей мере наказания вступали в силу через 48 часов после их вынесения, являлись окончательными и обжалованию не подлежали.

Перечисленные выше обстоятельства, по мнению автора, объясняют подбор методов, используемых членами ОСРОГ при проведении экспертиз пацифистских убеждений и их приоритетность. Исходя из имеющихся фактов, можно с большой долей вероятности предположить, что личное ознакомление «с внутренним душевным миром отказывающихся», которому отдавали приоритет члены ОСРОГ, в большинстве случаев реально проводилось только одним экспертом. Следовательно, его мнение было если не окончательным, то решающим даже при вынесении Советом коллективного вердикта об убеждениях заявителя. Тем самым усиливалась вероятность субъективизма в экспертной деятельности ОСРОГ.

На объективность экспертиз, проводимых ОСРОГ, влияли и критерии, используемые при выявлении подлинности убеждений. В рассматриваемый период основанием, дающим право на освобождение от военной службы по убеждениям, были только пацифистские религиозные убеждения. Философские, этические, политические и другие убеждения, противоречащие прохождению военной службы, в декрете Совнаркома не упоминались, следовательно, основанием для освобождения от военной службы являться не могли. Такой подход сохранялся до упразднения советского института альтернативной службы в 1939 г. Содержание вопросов, включенных в опросный лист, позволяет судить о том, какие именно факты могли выполнять роль критериев для членов ОСРОГ при вынесении решения о наличии или отсутствии у граждан религиозных убеждений, противоречащих прохождению воинской службы. Все эти критерии носили внешний характер и далеко не всегда зеркально отражали истинность пацифистских убеждений «отказника» на момент проведения экспертизы (Стволыгин К.В., 2012). Не случайно члены ОСРОГ отводили этим критериям второстепенную роль. При этом выводы, которые делали члены Совета при личном ознакомлении «с внутренним душевным миром отказывающихся», скорее всего, основывались не столько на конкретных фактах, сколько на интуиции членов ОСРОГ. Подобный подход создавал благодатную почву для субъективизма (преднамеренного или непреднамеренного) со стороны членов Совета, поскольку индивидуальная структура интуитивного акта делает его особо чувствительным к таким личностным феноменам, как интеллектуальные установки, эмоциональный настрой, способность к непредвзятым решениям и т. д. Эффективность ознакомления членами ОСРОГ «с внутренним душевным миром отказывающихся» ставилась под сомнение и частью религиозного сектантства. Аргументировалось это тем, что никому не дано знать происходящее в душе человека, насколько он искренен, и вообще — «нельзя лезть в человеческую душу». В силу этого некоторые сектанты протестовали против проведения ОСРОГ экспертиз религиозных убеждений (Стволыгин К.В., 1997).

Перечисленные выше обстоятельства обуславливали возможную необъективность экспертной деятельности ОСРОГ, в которой Наркомюст обвинял Совет. Отчасти подтверждением этой необъективности могут служить результаты исследования сохранившихся протоколов ОСРОГ. Как уже отмечалось, за период с 10 февраля по 26 декабря 1919 г. было рассмотрено в общей сложности 1330 запросов и заявлений. Причем лишь в 4 случаях (0,3 % от всех рассмотренных случаев) религиозные убеждения граждан были признаны Советом как не противоречащие прохождению военной службы (Стволыгин, К.В., 1997). При этом важно отметить, что возможная необъективность экспертиз ОСРОГ обуславливалась никак не контрреволюционностью Совета, а сложившейся ситуацией, используемыми методами сбора необходимой информации и отсутствием объективных критериев оценки пацифистских убеждений «отказников». Подтверждением этого служат и следующие факты. Деятельность ОСРОГ не находила поддержки и одобрения среди части религиозного сектантства. Относящиеся к ней сектанты считали, что применение декрета Совнаркома об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям, участие в его реализации ОСРОГ принижает религиозные идеалы, ослабляет волю верующих, вредит чистоте рядов сектантства. В то время как гонения на отказывающихся от воинской повинности по религиозным убеждениям лишь укрепляют их дух, позволяют избавить движение от случайных людей. В письмах, приходящих в адрес ОСРОГ, говорилось, что декрет СНК от 4

января 1919 г. нарушает нормальное течение религиозной жизни. Он, давая человеку право отказываться от военной службы по религиозным убеждениям, привлекает к сектантству много лиц, совершенно чуждых христианской жизни (Ствольгин, К.В., 1997). Естественно предположить, что ОСРОГ не мог оставить без внимания призывы этой части религиозного сектантства и сознательно пойти по пути фиктивного увеличения числа граждан, нуждающихся в освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям. Это привело бы к потере авторитета ОСРОГ у религиозного сектантства.

Исследование опыта проведения экспертиз пацифистских убеждений призывников Объединенным советом религиозных общин и групп позволяет сделать ряд выводов.

1. Отношение к проведению экспертиз религиозных убеждений граждан в 1918–1920 гг. было неоднозначным. Часть религиозных сектантов, в том числе и членов ОСРОГ, считали, что подобные экспертизы не могут быть объективными, поскольку установить подлинность пацифистских убеждений невозможно в принципе. Ряд представителей органов государственной власти связывали необъективность проводимых экспертиз исключительно с негативным отношением экспертов – членов ОСРОГ к Советской власти.

2. При проведении экспертиз религиозных убеждений члены ОСРОГ использовали главным образом методы опроса, беседы, анализа документов. Однако при этом проблема выделения объективных критериев подлинности пацифистских убеждений не была решена. Возможная необъективность экспертов – членов ОСРОГ являлась следствием нерешенности данной проблемы.

3. В настоящее время, также как и в исследуемый период, сама возможность доказательно судить о наличии у призывников убеждений, дающих право на освобождение от военной службы, является актуальной проблемой становления института альтернативной гражданской службы, в силу чего требует дальнейшей научной проработки.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд А353. Оп. 2. Д. 696. Л. 202.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд. А353. Оп. 3. Д.761. Л. 229—231.
3. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. — М.: Советская энциклопеди, 1987. 720 с.
4. *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство и современность (Социологические и исторические очерки) / А.И. Клибанов. — М.: Наука, 1969. 272 с.
5. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР) РГБ. – Фонд 435. Карт. 62. Ед. хр. 1. Л. 110.

6. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР) РГБ. – Фонд 435. Карт.18. Ед. хр.19. Л. 34—35.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 17. Оп. 65. Д. 123. Л. 3.
8. *Стволыгин К.В.* Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи / К.В. Стволыгин. – Мн.: РИВШ, 2010. 248 с.
9. *Стволыгин К.В.* Политика освобождения граждан от воинской повинности по религиозным убеждениям в Советском государстве (1918–1939 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. / К.В. Стволыгин. – Минск, 1997. – 120 л.
10. *Стволыгин К.В.* Теоретические подходы к проблеме психологической экспертизы пацифистских убеждений призывников / К.В. Стволыгин. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (дата обращения: 11.11.2012).

The practice of expertise of pacifist beliefs by the joint council of religious communities and groups in the soviet state

Stvolygin K.V., PhD in history, associate professor, Minsk branch of the Russian State Social University (konstvol@mail.ru)

The purpose of this article is to present the Russian practice of expertise of pacifist beliefs in recruits by a public organization – the Joint Council of the religious communities and groups in the Soviet state in 1918-1920 years. We analyze the expertise procedure, the methods and criteria used, their priority, and the circumstances that adversely affect the Joint Council expertise objectivity. Among these circumstances, we highlighted the unsolved problem of the criteria to judge the validity of the pacifist religious beliefs, the limited methods used in examinations (survey, interview, document analysis). The consequence of this unresolved problem is possible bias of experts – members of the Joint Council, as well as conflict with the People's Commissariat of Justice, which led to the termination of the Joint Expert Council of religious communities and groups.

Keywords: Joint Council of religious communities and groups, examination of pacifist religious beliefs, methods, criteria, objectivity, alternative service.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). – Fond A353. Op. 2. D. 696. L. 202.
2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). – Fond. A353. Op. 3. D.761. L. 229—231.
3. Grazhdanskaja vojna i voennaja intervencija v SSSR: Jenciklopedija. — M.: Sovetskaja jenciklopedi, 1987. 720 s.
4. *Klibanov A.I.* Religioznoe sektantstvo i sovremennost' (Sociologicheskie i istoricheskie očerki) / A.I. Klibanov. — M.: Nauka, 1969. 272 s.
5. Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej (NIOR) RGB. – Fond 435. Kart. 62. Ed. hr. 1. L. 110.
6. Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej (NIOR) RGB. – Fond 435. Kart.18. Ed. hr.19. L. 34—35.

7. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). Fond 17. Op. 65. D. 123. L. 3.
8. *Stvolygin K.V.* Otkazy ot voennoj sluzhby vsledstvie ubezhdenij v Rossijskoj imperii / K.V. Stvolygin. – Mn.: RIVSh, 2010. 248 s.
9. *Stvolygin K.V.* Politika osvobozhdenija grazhdan ot voinskoj povinnosti po religiozным ubezhdenijam v Sovetskom gosudarstve (1918–1939 gg.): Diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.03./ K.V. Stvolygin. – Minsk, 1997. – 120 l.
10. *Stvolygin K.V.* Teoreticheskie podhody k probleme psihologicheskoj jekspertizy pacifistskih ubezhdenij prizyvnikov / K.V. Stvolygin. [Elektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2012. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (data obrashhenija: 11.11.2012).